

КОНСТАНТИН НИКИФОРОВ

«НАЧЕРТАНИЕ» ИЛИ ГАРАШАНИНА

1849/50

Србија се мора и у том случају
издржати пред очима европских
држава неоправдано, с обзиром на
желан мир да свој дјелото,
и ипак га да свој свој свој
дјелото свој свој свој
на свој свој свој
не свој свој свој
и свој свој свој

Државна је свој свој свој
Србија свој свој свој
и свој свој свој
на свој свој свој
Државна је свој свој свој
и свој свој свој

Али Србија свој свој свој
она је свој свој свој
и свој свој свој
и свој свој свој
и свој свој свој
и свој свој свој
и свој свој свој
и свој свој свој

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Светлой памяти Ирины Степановны Достян

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

К.В. Никифоров

*«Начертание»
Илии Гарашанина
и внешняя политика
Сербии
в 1842–1853 гг.*

Москва «ИНДРИК» 2015

УДК 94(497.1)
Н 62

Книга подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 15-01-00145
«История Балкан: на переломе эпох (1878–1914 гг.)»

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.Л. Шемякин*
доктор исторических наук *Я.В. Вишняков*

Никифоров К.В.

«Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии
в 1842–1853 гг. – М.: «Индрик», 2015. – 256 с.

ISBN 978-5-91674-340-1

В книге идет речь о возникновении и начале деятельности по реализации «Начертания» – внешнеполитической программы Сербского княжества, направленной на решение национальных задач сербов и связанной с именем выдающегося сербского государственного деятеля Илии Гарашанина. Вокруг этой самой известной сербской программы существует многочисленная научная литература и еще больше – околонуучной и откровенно политизированной. Особое внимание к программе «Начертание» было привлечено в связи с югославским кризисом 1991–2001 гг.

Для специалистов и всех интересующихся историей Сербии и Балкан.

© Никифоров К.В., текст, 2015
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2015

ISBN 978-5-91674-340-1

Оглавление

Введение	7
Глава I	
Сербский кризис 1842–1843 гг.	29
1. Великие державы и смена власти в Сербии	29
2. Борьба уставобранителей за укрепление своей власти	49
3. «Созданный возглавлять государство»	66
Глава II	
Программа «Начертание» и начало ее реализации (1844–1847 гг.)	73
1. «Начертание» Илии Гарашанина	73
2. Внешняя политика Сербского княжества в середине 1840-х гг.	98
3. Первые мероприятия по реализации «Начертания»	109
4. Деятельность «тайного демократического панславянского клуба»	119
Глава III	
Сербское княжество во время революции 1848–1849 гг.	129
1. Сербское княжество в период революционного подъема в Австрийской империи	129
2. Сербия и объединительные планы 1848 г.	142
3. Деятельность Сербского княжества в период спада и поражения революции в Австрии	162

Глава IV

Завершение первого этапа реализации «Начертания» (1849–1853 гг.)	173
1. Сербия после революции 1848–1849 гг.	173
2. «Устав политической пропаганды» на 1849/50 г.	185
3. «Устав политической пропаганды» на 1850/51 г.	195
4. Великие державы и кризис в сербском руководстве накануне Крымской войны	210
 Заключение	 225
Приложение. «Начертание» Илии Гарашанина	235
Именной указатель	250

По точному наблюдению известного сербского историка, юриста, политика и государственного деятеля Слободана Йовановича, в общественно-политической жизни Сербии на протяжении длительного периода присутствуют две главные идеи – национальная и конституционная¹. Национальная идея понималась в Сербии как освобождение и объединение сербских земель, а конституционная означала прежде всего ограничение власти князя (позже – короля).

Отмеченные две идеи на самом деле проходят через всю сербскую историю Нового времени. Но в особенно концентрированном виде они, наверное, проявились в начале 40-х гг. XIX в. Во-первых, осенью 1842 г. в Сербии окончательно установился режим конституционалистов, или уставобранителей, то есть защитников конституции. А во-вторых, именно в это время, в конце 1844 г., в княжестве формулируется первая внешнеполитическая национальная программа, направленная на освобождение и объединение сербских земель и получившая позже название «Начертание»². По многочисленным оценкам, эта относительно небольшая по размеру программа «является основой развития сербской государственной идеи»³. Уход в отставку Илии Гарашанина (весна 1853 г.), автора «Начертания» и инициатора активной национальной политики княжества, замыкает предложенный нами одиннадцатилетний этап сербской истории. В истории это совсем короткий срок, но это тот период, который без преувеличения изменил Сербию. Даже

¹ *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. III. Београд, 1936. С. 396.

² Слово «начертание» не нуждается в переводе, хотя и выглядит несколько устаревшим и в сербском, и в русском языках. С обозначением «устар.» словари русского языка дают, в частности, такое значение этого слова: письменное изложение чего-либо, руководство, научное описание. Есть и еще одно характерное значение: предначертание, предопределение.

³ См., например: *Љушић Р.* Књига о Начертанију. Национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Београд, 1993. С. 5.

внешне из глухой турецкой провинции она стала постепенно приобретать облик, более соответствовавший Европе, пусть и самых ее захолустных окраин.

В центре внимания нашего исследования как раз и находится «Начертание». При всей значимости этой программы в отечественной историографии она не являлась еще предметом монографического исследования. Более того, не существовало даже ее перевода на русский язык. Однако содержание нашей книги несколько шире, поскольку появление «Начертания» невозможно понять без общего контекста сербской внешней политики того времени. Кроме того, в работе исследуются перспективы развития сербского государства, другие принятые программы, планы и проекты в области внешней политики, рассматривается деятельность по их реализации. В этом был своего рода вызов. Несмотря на то, что княжество оставалось в вассальной зависимости от Османской империи, в исследуемое десятилетие оно стало проводить относительно самостоятельную внешнюю политику. Вернее, таких политик было сразу две: 1) официальная, на виду у всех, прежде всего покровителя и сюзерена, России и Турции, а также имевших в Белграде своих консулов Австрии, Великобритании и Франции; и 2) тайная, связанная с далеко идущими национальными устремлениями, о которой знал ограниченный круг лиц в сербском руководстве.

Повторим, что деятельность сербских государственных деятелей в эти годы оказала огромное влияние на весь последующий ход сербской истории. Не только потому, что тот же Гарашанин, дважды находясь на вершине сербской власти, пытался реализовать заложенные в «Начертании» идеи. Интерпретация этой программы в балканских и европейских столицах также своим отраженным светом оказывала влияние на сербскую политику. Это опосредованное влияние «Начертания» оказалось даже существенно дольше непосредственного и ощущается до сих пор. В силу этого рассматриваемые одиннадцать лет чрезвычайно важны для понимания всего дальнейшего хода развития сербской государственности, для уяснения истоков сложных взаимоотношений между балканскими народами, для уточнения, наконец, позиций великих держав в так называемом Восточном вопросе.

Важность проблемы породила многочисленную научную литературу. Первым капитальным научным трудом по истории Сербии и русско-сербских отношений первой половины XIX в. явилась книга известного русского слависта, профессора Московского университе-

та Н.А. Попова⁴. Его диссертация, переделанная затем в монографию, стала в России не только первой книгой по интересующей нас теме, но и одной из первых работ в сфере исторической славистики, которые уже вполне соответствуют современным требованиям, предъявляемым к научному историческому труду. Вторая часть этой работы, озаглавленная «После Устава 1839 г.», посвящена периоду правления в Сербии группировки уставобранителей. Русский историк критиковал протурецкую и прозападную политику сербского правительства и считал, что после прихода уставобранителей к власти «интересы Сербии замкнулись в самую узкую рамку», «мысль о будущем отброшена в сторону», «связь с австрийскими сербами, с Болгарией и Боснией» мало-помалу утрачивалась. И только в 1848 г. «народные стремления пробудились, но лишь в связи с движением австрийских сербов»⁵.

Когда через полвека после выхода в свет исследования Попова М. Вукичевич опубликовал переписанную им от руки копию «Начертания»⁶, стало ясно, что этот вывод русского ученого ошибочен. Внешняя политика уставобранителей в известной степени была парадоксальной. Хотя они пришли к власти как союзники Турции, некоторые официальные и неофициальные круги в Сербии выступали за активную национальную политику⁷. Понятно, что такая политика могла быть только антитурецкой.

В югославской историографии, в работах, опубликованных в период между двумя мировыми войнами, внешнеполитическими аспектами уставобранительского периода первым, еще в 1930-е гг., стал активно заниматься сербский историк Драгослав Странякович. Главное достоинство его работ, в том числе и известной монографии «Правление уставобранителей»⁸, написанной на основе его

⁴ Попов Н. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. Ч. II. М., 1869. О Попове см.: Воровьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Научная, педагогическая и общественная деятельность. Тверь, 1999.

⁵ Попов Н. Россия и Сербия. С. 248–250.

⁶ Вукичевич М. Програм спольне политике Илије Гарашанина на концу 1844 // Дело. Лист за науку, књижевност и друштвени живот. 1906. Књ. XXXVIII. Оригинал программы затем был утерян. Возможно, это произошло во время Первой мировой войны, возможно, оригинал программы еще где-то хранится в недоступном для исследователей месте.

⁷ Историја српског народа. Књ. V. Т. I. Београд, 1981. С. 269.

⁸ Странякович Д. Влада уставобранитеља 1842–1853. Унутрашња и спљашња политика. Београд, 1932.

докторской диссертации, состоит в использовании богатейшего архивного материала. Особое внимание в этой монографии уделено освободительной и объединительной политике Сербии. Эту политику ученый, как и большинство сербских авторов в межвоенный период, определял как южнославянскую, тем самым фактически отрицая присущий ей прежде всего сербский характер. Трудно согласиться и с чрезмерным, на наш взгляд, подчеркиванием Страняковичем враждебной уставобранительскому режиму политики России, которая будто бы на всем протяжении его существования последовательно стремилась к смене власти в Сербском княжестве. Хранящиеся в России архивы, которых он не знал, показывают, что это было не так. И все же Странякович, благодаря введенному им в научный оборот огромному фактическому материалу, внес, без сомнения, самый заметный вклад в изучение «Начертания» и внешней политики уставобранительского режима.

В послевоенной социалистической Югославии на диаметрально противоположных позициях относительно проблемы социально-экономических и идейно-политических предпосылок, обусловивших появление «Начертания» и национально мотивированной политики уставобранительского режима, оказались два сербских историка – Воислав Вучкович и Радослав Перович. Первый доказывал исключительно сербское происхождение идеи объединения южных славян в независимом государстве, которая, как он справедливо отмечал, возникла еще до прихода к власти уставобранителей. Развивая эту мысль дальше, Вучкович вообще отрицал идейное влияние на «Начертание» извне, в том числе и представителей правого крыла польской эмиграции⁹.

Иного мнения придерживался в своих работах Перович. Он показал, что «Начертание» могло возникнуть только на определенной ступени развития сербского общества (правда, на наш взгляд, при этом несколько преувеличил степень его развития). Это обстоятельство обходил Вучкович. Но Перович впадал в другую крайность: абсолютизируя по-марксистски экономический фактор и отрицая всякую преэминентность развития сербской политической мысли, он пришел к заключению, что идеи «Начертания» были полностью заимствованы у польской эмиграции, найдя в Сербии

⁹ *Vučković V. Knez Miloš i osnovna politička misao sadržana u Garašaninovu "Načertanju" // Jugoslovenska revija za međunarodno pravo. 1957. № 1. S. 35, 42–43.*

лишь благодатную почву. Отсюда делался вывод, что автором «Начертания» даже условно Гарашанина считать нельзя¹⁰.

Серединную позицию в вопросе о происхождении и авторстве сербской объединительной программы занял академик Васа Чубрилович. Он писал, что, хотя Гарашанин и заимствовал многие положения из польских проектов, различий все же больше, чем кажется на первый взгляд. В вопросах сербской государственной политики Гарашанин выступал как самостоятельный мыслитель¹¹.

В югославской историографии не выработано общей точки зрения и на существо концепции «Начертания», и – шире – по поводу великосербского или южнославянского характера объединительной деятельности Сербского княжества. Так, например, В. Вучкович доказывал в своих работах южнославянский характер гарашанинской программы¹². Но все же многие югославские историки социалистического периода указывали на великосербскую направленность этой программы. Наиболее подробно такую точку зрения обосновал В. Чубрилович, который подчеркивал, что «Гарашанин в 1844 г. заложил основы великосербской политики объединения»¹³.

Особо следует выделить позицию, занятую в последние годы существования социалистической Югославии сербским историком Радосшем Люшичем. Он посчитал, что так как «Начертание» было направлено на объединение не всех сербских территорий, а в первую очередь только тех, которые находились под турецкой властью, то эта программа – не великосербская и не южнославянская, а просто сербская¹⁴.

В югославской историографии обычно признавалось, что приход уставобранителей к власти был обеспечен поддержкой Османской империи¹⁵. Отмечалось также, что в исследуемый период серб-

¹⁰ *Перовић Р.* Београд за време Вучићеве буне // Годишњак Музеја града Београда. 1955. Књ. II. С. 190.

¹¹ *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 170–171.

¹² *Вишковић В.* Prilog proučavanju postanka «Načertanija» (1844) i «Osnovnih misli» (1847) // *Jugoslovenska revija za međunarodno pravo*. 1961. № 1. С. 56.

¹³ *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. С. 176, 178, 182.

¹⁴ *Љушић Р.* Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812–1874). Научни скупови. Књ. LIV. Одељење историјских наука. 1991. Књ. 16. С. 151–152.

¹⁵ *Вучковић В.* Српска криза у Источном питању (1842–1843). Београд, 1957. С. 30–31.

ское правительство проводило прозападную, направленную на ограничение русского влияния внешнюю политику¹⁶. Несмотря на это, главный акцент иногда делался (как, например, еще у Страняковича) на бесцеремонное вмешательство царской дипломатии во внутренние дела Сербии, на то, что недружественная России политика уставобранителей была лишь ответной реакцией. Деятельность России нередко отождествлялась с политикой Австрии, и одновременно всемерно подчеркивалось положительное значение ориентации Сербского княжества на Францию и Великобританию¹⁷.

Кроме того, внешняя политика уставобранительского режима освещалась в югославской историографии неравномерно. Лучше всего были изучены события так называемого сербского кризиса в Восточном вопросе, чему посвящена специальная монография В. Вучковича¹⁸. Сербско-черногорские отношения рассматривались в другой научно значимой монографии, Л. Дурковича-Якшича¹⁹. Но обе книги вышли в свет очень давно, почти шестьдесят лет назад. Многотомное издание «История сербского народа» не могло снять задачи дальнейшего исследования данной проблематики в силу того, что в обобщающей работе просто невозможно проделать детальный анализ²⁰.

В целом надо сказать, что в историографии социалистической Югославии отношение к Гарашанину и его «Начертанию» определялось прежде всего идеологическими клише. Согласно бытовавшим официальным представлениям, в «Начертании» была сформулирована великосербская, великодержавная программа, и именно с рудиментами такой политики упорнее всего боролись югославские коммунисты все годы существования СФРЮ. Тем более что создателем Югославии мог быть только один человек – Йосип Броз-Тито, роли и значение всех остальных политиков и особенно сербов – Илии Гарашанина, Йована Ристича, Николы Пашича, короля Александра Карагеоргиевича – старательно преуменьшались и искажались.

¹⁶ *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 88; *Perović R.* Око «Načertanija» iz 1844. godine // *Istorijski glasnik*. 1963. № 1. S. 92; *Екмечић М.* Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844–1853) // *Историјски часопис*. 1980. Књ. XXVII. С. 150.

¹⁷ *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. С. 180–181.

¹⁸ *Вучковић В.* Српска криза...

¹⁹ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1957.

²⁰ *Историја српског народа*. С. 271–272.

Завершили югославский период сербской историографии по интересующей нас проблеме два события: выход в свет первого тома фундаментального двухтомного труда академика Милорада Экмечича «Образование Югославии»²¹ и проведенная в Белграде в конце 1987 г. конференция, посвященная 175-летию со дня рождения И. Гарашанина²². В докладах М. Войводича, Л. Дурковича-Якшича, Дж. Живковича, Р. Стояновича, В. Крестича, В. Стоянчевича и других были предприняты попытки нового осмысления «Начертания» и деятельности его автора на руководящих постах сербского государства. Наиболее полный анализ «Начертания» и других внешнеполитических, объединительных планов Сербского княжества представил в своем выступлении Р. Люшич. Одновременно масштабная конференция в Сербской академии наук и искусств свидетельствовала о реабилитации одного из главных сербских «великанов» Нового времени. Через несколько лет, в разгар югославского кризиса, появилось осязаемое доказательство подобной реабилитации: в 1994 г. в центре сербской столицы небольшая улица Георгия Димитрова была переименована в улицу Илии Гарашанина.

В Югославии было опубликовано немало документов, в той или иной степени относившихся к внешнеполитической деятельности уставобранительского режима²³. Многие из них издавались и комментировались югославскими историками²⁴. Наряду с произ-

²¹ *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Т. I. Београд, 1989.

²² Илија Гарашанин (1812–1874). Зборник радова са међународног научног скупа одржаног 9. и 10. децембра 1987. поводом 175. годишњице рођења // Научни скупови. Књ. LIV. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 1991.

²³ Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу / Средио С. Ловчевић. Београд, 1931. Књ. I; Преписка Илије Гарашанина / Скупио и за штампу средио Г. Јакшић. Београд, 1950. Књ. I; *Шурмин Ђ.* Документи о Србији од 1842–1848 // Споменик Српске краљевске академије. 1929. Књ. 69; Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848–1849. Београд, 1952. Сер. I. Књ. 1.

²⁴ См., например: *Страњковић Д.* Југословенски национални и државни програм Кнежевине Србије из 1844. године. Сремски Карловци, 1931; *Вишковић В.* Prilog proučavanju...; *Екмечић М.* Гарашанин. Чарториски и Мађари 1848–1849. године / Српско-мађарски односи и сарадња 1848–1867. Београд, 1987; *Љушић Р.* Мариновићев мемоар о хришћанима у Турском царству из 1848 године // Историјски гласник. 1976. № 1–2; *Страњковић Д.* Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама 1844–1858. Београд, 1936.

ведениями мемуарного характера²⁵ они составляли важную источниковую базу для возможных исследований.

В западной историографии, при наличии ряда общих работ (в основном это несколько расширенные и переработанные университетские курсы), выделяется вышедшая в свет в 1985 г. на английском языке и переведенная затем на сербский, написанная преимущественно на сербских источниках монография американского исследователя Д. Маккензи²⁶. Эта работа – не что иное, как подробная биография Илии Гарашанина, которого, на наш взгляд, автор даже несколько идеализировал. Кроме того, спорные и дискуссионные моменты Маккензи старался по возможности не затрагивать. И все же при всей описательности и поверхностности монография американца оказалась первой в мировой исторической науке книгой, непосредственно посвященной выдающемуся сербскому государственному деятелю.

Советские ученые внешнеполитической историей Сербии после прихода к власти уставобранителей долгое время специально не занимались. Главными причинами этого были, на наш взгляд, непростые в рассматриваемый период российско-сербские отношения. Предпочтение отдавалось более выигрышным периодам. Наиболее близко к интересующей нас теме подошел С.А. Никитин в своей статье «Русская политика на Балканах и начало Восточной войны»²⁷. Характеристика «Начертания» частично содержалась в докладе В.И. Фрейдзона на упомянутой конференции, посвященной Гарашанину, в Сербской академии наук и искусств²⁸. Историки, представлявшие советскую историческую науку, занимались главным образом вопросами социально-экономического развития Сербии во время правления уставобранителей. Отметим, в частности, кандидатскую диссертацию

²⁵ *Ристић Ј.* Спољашњи одношаји Србије новијега времена. Књ. I. Београд, 1887; Записи Јеврема Грујића. Књ. I. Београд, 1922; Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 94–95; *Раденић А.* Светоандрејска скупштина. Београд, 1964.

²⁶ *Mackenzie D.* Ilija Garasanin: Balkan Vizmarck. New York, 1985; *Маккензи Д.* Илија Гарашанин. Државник и дипломата. Београд, 1987.

²⁷ См.: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 110–145.

²⁸ *Фрейдзон В.И.* Илија Гарашанин в контексте эпохи и русско-сербских отношений в 60-е годы XIX в. // Илија Гарашанин (1812–1874)... С. 225–236.

Е.Ю. Гуськовой²⁹ и статьи Е.П. Наумова³⁰. Они же занимались и вопросами историографии³¹, причем статья Наумова «Россия и Сербия в середине XIX в.» посвящена внешнеполитическим проблемам.

Точка зрения советских историков на внешнюю политику уставобранительского режима и программу «Начертание» была сформулирована еще в 1963 г. в двухтомной «Истории Югославии». В.Г. Карасев, автор раздела, относящегося к Сербии в середине XIX в., отмечал, что в целом «за время своего правления уставобранители проводили антирусскую политику»: Александр Карагеоргиевич пытался опереться на Австрию, а И. Гарашанин – на Францию; что программа «Начертание» была «консервативно-буржуазной и великосербской»³². Никакой буржуазии в Сербии тогда точно не было, а оценка «великосербская», как представляется, была заимствована из югославской историографии той поры, поскольку сам В.Г. Карасев этими вопросами специально не занимался.

Внешнеполитические проблемы того периода освещались также в ряде коллективных монографий. Так, в книге «Формирование национальных независимых государств на Балканах», в главе, посвященной уставобранителям, И.С. Достян писала, что, хотя развивавшиеся параллельно два процесса формирования сербской нации и сербского государства были далеко не завершены, они «уже порождали идеологические концепции в отношении перспектив развития Сербского княжества, задачи превращения его в независимое сильное государство». При этом отмечается эволюция идей,

²⁹ Гуськова Е.Ю. Социально-экономическое развитие Сербии в период правления уставобранителей (1842–1858). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980.

³⁰ Наумов Е.П. К вопросу о развитии товарно-денежных отношений в Сербии после ликвидации турецкой феодальной системы (1830–1858) // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972; *он же*. К истории социальных отношений в Сербии в 30–50-е годы XIX в. // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974; *он же*. Развитие социальной структуры в Сербии (конец XVIII – 70-е годы XIX в.) // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982.

³¹ Гуськова Е.Ю. Правление уставобранителей в Сербии 1842–1858 гг. (Историография вопроса) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1978; Наумов Е.П. Россия и Сербия в середине XIX в. (К оценке современной югославской историографии) // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984.

³² История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 338–340.

выраженных в «Начертании», в ходе которой появились большая определенность и новое направление, но великосербские тенденции не исчезали³³. Сказано уже осторожнее, чем у В.Г. Карасева, а потому и точнее.

Другой коллективной монографией, в которой освещалась внешнеполитическая история Сербии середины XIX в., стал труд «Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.»³⁴. Эта работа была частью серии книг под редакцией В.Н. Виноградова, в которой международные отношения на Балканах рассматривались на протяжении долгого исторического этапа имперской России – от Екатерины II до Первой мировой войны включительно.

Разделы этой коллективной монографии, посвященные интересующему нас периоду, были написаны автором этих строк и стали результатом его работы над кандидатской диссертацией в аспирантуре Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне – Институт славяноведения РАН). В работе над диссертацией мы опирались прежде всего на документы Архива внешней политики Российской империи (фонды «Главный архив», «Посольство в Константинополе», «Отчеты МИД» и др.), которые, за исключением Н.А. Попова, до того времени практически никто серьезно не исследовал. К слову сказать, русский историк довольно хорошо знал документы начала 40-х гг. XIX в. (донесения консула Г.В. Ващенко). Другие документы были известны Попову намного меньше.

В.Н. Виноградову принадлежат также две индивидуальные монографии, посвященные балканской политике Великобритании, которая как раз в первой половине XIX в. стала принимать самое активное участие в решении Восточного вопроса, противостоя на этом направлении Российской империи³⁵.

Возвращаясь к диссертации, надо сказать, что она писалась мною в 1982–1985 гг. и была защищена в самом начале 1987 г., как оказалось, в последние годы существования СССР. Подготовленная к печати рукопись долго пролежала без изменений и была напечатана только в 1995 г.³⁶, уже после распада СССР. Однако время

³³ Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 136–140.

³⁴ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990.

³⁵ Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985; *он же*. Британский лев на Босфоре. М., 1991.

³⁶ Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

написания и обстоятельства публикации этой работы позволяют отнести ее еще к советскому периоду отечественной науки. В то же время не самое лучшее полиграфическое оформление книги отражало уже новое сложное время, которое переживала тогда российская наука. Книга была почти сразу переведена на сербский язык³⁷, правда, перевод также оказался не совсем удачным.

Перелом в изучении темы, связанной с «Начертанием», наступил во время распада Югославии и череды межэтнических гражданских войн на постюгославском пространстве. То, что раньше не изучалось или изучалось однобоко, теперь стало предметом повышенного интереса. Однобокость, правда, при этом никуда не делась, а даже возросла, поскольку противоречия между югославскими республиками также резко возросли. И в целом интерес в годы югославского кризиса обуславливался отнюдь не научными, а политическими причинами, в частности, стремлением доказать или опровергнуть великосербский характер политики Слободана Милошевича³⁸. В таких условиях научная объективность легко уступает место целесообразности.

Тем не менее ученые продолжали работать. Одним из первых монографических исследований уже в сербско-черногорской Югославии стала книга Радоша Люшича, которую автор так и назвал – «Книга о «Начертании»»³⁹. Этот труд, появившийся во время жесточайших антисербских санкций, до сих пор остается наиболее детальным анализом известной программы. Перу Р. Люшича принадлежит также исследование «Сербия и Черногория – сербские государства Нового времени»⁴⁰, представляющее собой второй том в трехтомном издании сербских ученых – «История сербской государственности».

³⁷ *Он же*. Србија средином XIX века. Почетак активности на уједињењу српских земаља. Приштина, 1995; см. также: Столић А. Константин В. Никифоров. Србија средином XIX века. Почетак активности на уједињењу српских земаља. Приштина, 1995 // Историјски часопис. Београд, 1995–1996. Књ. XLII–XLIII. С. 460–462.

³⁸ См., например, материалы научной конференции: Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.

³⁹ Обратим внимание, что в этой работе сербский историк в главе «Историки как судьи» сделал подробный анализ освещения программы «Начертания» в историографии. См.: *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 18–43.

⁴⁰ *Љушић Р.* Историја српске државности. Књига II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001.

Почти одновременно с монографией Люшича о «Начертании» в самый разгар межэтнической гражданской войны в Хорватии появилась работа молодого хорватского историка, ныне профессора Загребского университета, Дамира Агичича «Тайная политика Сербии в XIX веке»⁴¹. Эта монография основывается на его же магистерской работе «Тайная политика Сербии по отношению к Балканам в середине XIX века». В центре внимания Агичича находятся как программа «Начертание», так и начало деятельности по ее выполнению, в частности реализация «Уставов политической пропаганды». Причем с самого начала автор делает однозначный вывод: «“Начертание” и вся деятельность, основанная на нем, носит отчетливый великосербский характер»⁴². Характерно, что Агичич высоко оценивает книгу другого хорватского историка – Петра Шимунича⁴³, вышедшую во время другой войны, в 1944 г., в печально известной Независимой державе Хорватия (НДХ) и перепечатанную в 1992 г. Естественно, что Шимунич также заявлял о великосербском характере «Начертания».

Наверное, во многом условиями межэтнической гражданской войны в Хорватии можно объяснить и заключительный вывод Д. Агичича: «Политика, которую начал проводить Гарашанин, означает начало сербского империализма». А заверченный вид он якобы приобрел в XX столетии – в ходе Балканских войн, при создании Королевства сербов, хорватов и словенцев и во время проходившего тогда югославского кризиса⁴⁴. Говорить о сложных межэтнических отношениях на Балканах в XX в., о проявившемся в этом веке «сербском империализме» и не упоминать о развязанном хорватами геноциде против сербов во время Второй мировой войны, по крайней мере, не совсем морально.

Но и без этого называть еще даже не освободившихся до конца от турецкой зависимости сербов «империалистами», конечно же, нелепо. Неверно распространять это понятие и на всю сербскую историю нового и новейшего времени. Это столь же неверно, как называть хорватов «геноцидным народом», распространяя на всю их историю и абсолютизируя трагический случай геноцида сербского населения на территории Независимой державы Хорватии.

⁴¹ Agičić D. *Tajna politika Srbije u XIX. stoljeću*. Zagreb, 1994.

⁴² Ibid. S. 16.

⁴³ Šimunić P. *Načertanije. Tajni spis srbske nacionalne i vanjske politike*. Zagreb, 1944.

⁴⁴ Agičić D. *Tajna politika Srbije... S. 113.*

Большим вкладом в изучение «Начертания» и связанной с этой программой политики стало издание в 2005 г. рукописи Драгослава Страняковича «Илија Гарашанин»⁴⁵. В «Предисловии» сам Д. Странякович объяснял, что его книга – результат многолетнего труда, и она основана на огромном, часто впервые публикуемом документальном материале. Кстати, это исследование задумывалось Страняковичем в ряду книг о пяти главных, по его мнению, личностях новой сербской истории – вожде Карагеоргии, князе Милоше Обреновиче, Илие Гарашанине, Йоване Ристиче и Николе Пашиче – двух правителях Сербии и трех государственных деятелях. Причем он считал, что из этой тройки государственных деятелей именно Гарашанину достались самые тяжелые условия, но он сумел многого добиться на всех трех направлениях, которыми занимался, – внутреннем, внешнем и национальном⁴⁶.

Из задуманного Странякович успел опубликовать только монографию о Карагеоргии, но собрал огромный материал по всем пяти героям. Особо надо отметить, что монографию о Гарашанине он писал в самое тяжелое военное время – в 1941–1945 гг. Работу много раз приходилось прерывать, а почти весь 1944-й год за причастность к Равногорскому движению⁴⁷ историк провел в концлагерях – сначала в немецком как антифашист (январь–июль), потом в коммунистическом как человек, близкий к четникам (ноябрь–декабрь). Несмотря на то, что Странякович «долгое время жил в тяжелых психологических и материальных условиях», он продолжал упорно работать. По его словам, «он никогда не сдавался и не сгибался, равняясь на жизнь самого Гарашанина, боролся изо всех сил, стойко все переносил, продолжал работу, пока ее не завершил»⁴⁸.

Однако и на этом злоключения вокруг Страняковича и его главного труда не закончились. Нормально работать в социалистической Югославии довоенный профессор Философского факультета Белградского университета уже не мог. Сначала он был принудительно отправлен на пенсию в 44 года и лишь через десять лет смог найти работу на Богословском факультете. Но проработал недолго, снова

⁴⁵ *Страняковић Д. Илија Гарашанин*. Крагујевац, 2005.

⁴⁶ Там же. С. 9–10.

⁴⁷ Равногорское или четническое движение – сербское движение Сопротивления в годы Второй мировой войны, возглавляемое полковником (позже – генералом) Драголюбом (Дражей) Михайловичем и подчинявшееся королевскому правительству Югославии в изгнании.

⁴⁸ Там же. С. 10.

ушел на пенсию, уже по болезни, и в 65-летнем возрасте умер в Белграде. При жизни свою книгу напечатанной он так и не увидел.

Как пишет в «Послесловии» к книге Страняковича «Илиа Гарашанин» академик Василие Крестич, причины отказа в публикации были не научные, а политические и идеологические. «Гарашанин Коммунистической партией Сербии, Хорватии и Югославии, коммунистами в целом и официальной историографией из-за “Начертания” подозревался и обвинялся в том, что являлся идейным творцом великосербских идей и великосербских устремлений»⁴⁹. Но все же, как известно, рукописи не горят, или, по крайней мере, иногда не горят. Рукописная книга Страняковича попала в Архив Сербской академии наук и искусств и пролежала там несколько десятилетий. Наконец, через 60 лет после написания и через 40 лет после смерти Страняковича, его книга о Гарашанине дошла до читателя.

В. Крестич дал в «Послесловии» и первую оценку опубликованного труда. Он обратил внимание на две особенности этой книги. Во-первых, она построена не по хронологическому, а по проблемному, тематическому принципу. Отсюда «неизбежные повторы, которых автор не мог избежать». Во-вторых, влюбленному в источники Страняковичу было трудно сделать выбор из множества с большим трудом найденных документов, и он стремился все их сообщить читателю. Причем он их часто сообщал без особого анализа, полагая, что факты говорят сами за себя и не требуют дополнительного объяснения. «В результате такого методологического подхода монография об Илие Гарашанине имеет скорее вид хорошей событийной, но менее аналитической и синтетической исторической работы»⁵⁰.

Со временем, как это порой бывает, недостатки превращаются в достоинства. Поскольку многие документы были утрачены во время и после войны, объемная и трудночитаемая, перегруженная фактическим материалом работа Страняковича осталась важным источниковедческим исследованием, а такие работы не могут устареть. Прав В. Крестич, который указывает, что книга Страняковича «не потеряла научного значения, поскольку написана на основе первозрядной, разнообразной и богатой документальной базы. Исследования такого источникового характера, в отличие от обоб-

⁴⁹ Крестич В. Поговор // Страняковић Д. Илија Гарашанин. С. 582.

⁵⁰ Там же. С. 584.

щений, имеют долгосрочное, а не временное значение»⁵¹. Надо сказать, что различные отрывки из рукописи Страняковича были известны сербским историкам и использовались ими в своих работах, однако, кроме него, никто из них так и не обратился к изучению жизни и деятельности Гарашанина на монографическом уровне.

Из книг, появившихся на рубеже веков, необходимо отметить выдержавшую уже несколько изданий монографию академика Милорада Экмечича «Долгий путь между резнёй и пашней. История сербов в новое время (1492–1992)»⁵². Это исследование развивает еще раз идеи, изложенные в его этапной работе «Создание Югославии». Экмечич выделяет в новой монографии сюжеты, связанные с Сербией, и подводит итоги многолетним размышлениям над историей сербского народа.

Назовем также две большие фундаментальные работы еще одного известного сербского историка, академика Василие Крестича, посвященные так называемым «пречанам», сербам, проживающим за Дунаем и Савой, то есть сербам в Хорватии и Славонии, а также в Венгрии⁵³. По сути дела, читатель получил настоящие энциклопедии сербской жизни в Габсбургской монархии. Нас в этих работах интересуют прежде всего сюжеты, связанные с революцией 1848–1849 гг.

В начале нашего столетия одна за другой вышли и две монографии сербского историка Радомира Й. Поповича, посвященные вождям уставобранительского режима – Томе Вучичу-Перишичу⁵⁴ и Авраму Петрониевичу⁵⁵. Люди это были абсолютно разные – по происхождению, воспитанию, характеру, убеждениям. Можно сказать даже, что трудно найти людей столь непохожих – шумадинец и пречанин (хотя и не по рождению), безграмотный жестокий воин и склонный к компромиссам полиглот-дипломат, демагог-популист и интеллектуал-законник, плебейский трибун и патриций. Но в сербскую историю они вошли вместе как неразлучная пара – Вучич и Петрониевич.

Упомянем и еще одну недавнюю монографию сербской исследовательницы Бояны Милькович-Катич «Сельское хозяйство

⁵¹ Там же. С. 585.

⁵² *Экмечич М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом Веку (1492–1992). (Друго, допуњено издање). Београд, 2008.

⁵³ *Крестић В.* Историја Срба у Хрватској и Славонији. 1848–1914. Београд, 1995; *он же.* Срби у Угарској 1790–1918. Нови Сад, 2013.

⁵⁴ *Поповић Р.Ј.* Тома Вучић Перишић. Београд, 2003.

⁵⁵ *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. 1791–1852. Београд, 2012.

Сербского княжества (1834–1867)»⁵⁶. Без понимания процессов, происходивших в главной хозяйственной отрасли княжества, трудно понять и все остальные направления развития Сербии, в том числе и в сфере внешней и национальной политики.

Карагеоргиевичи в сербской истории, в отличие от Обреновичей, добившихся для Сербии многого мирным дипломатическим путем⁵⁷, выступали скорее как военные предводители – от основателя династии Карагеоргия и до короля-объединителя Александра Карагеоргиевича. В этом плане князь Александр Карагеоргиевич, с именем которого неразрывно связано правление уставобранителей, не был характерным представителем своей династии. Несмотря на то, что на портретах его почти всегда изображали в военной форме, князь был человеком мирным и нерешительным, мало приспособленным к государственной, политической деятельности. На его долю не выпало больших войн, главным из военных потрясений было движение сербов в соседней Воеводине за свои права во время революции 1848–1849 гг. Может быть, именно поэтому Александру Карагеоргиевичу посвящено совсем мало специальных работ.

Но такие работы все-таки есть. Из последних назовем, в частности, написанную в жанре традиционной биографии полунаучную-полупублицистическую книгу Миладина Стевановича «Князь Александр Карагеоргиевич», где автор явно идеализирует своего героя, противопоставляя его лидерам уставобранителей, прежде всего Вучичу и Гарашанину – бунтовщикам и искусным демагогам, также претендовавшим на сербский престол⁵⁸.

Более важным в научном плане представляется нам интересное монографическое исследование Небойши Йовановича о повседневности (правда, повседневности княжеской), которое называется «Двор князя Александра Карагеоргиевича». Издатель дал этой монографии характерный подзаголовок – «первая книга о первом

⁵⁶ *Мильковић Катић Б.* Польопривреда Кнежевине Србије (1834–1867). Београд, 2014.

⁵⁷ Не случайно в Белграде в честь представителей Обреновичей названы самые значительные магистрали – улицы в честь князя Милоша и князя Михаила, короля Милана, бульвар в честь короля Александра. Главный конный памятник и один из символов сербской столицы также установлен в честь Обреновича – князя Михаила.

⁵⁸ *Стевановић М.* Кнез Александар Карађорђевић. Београд, 2008. С. 213.

сербском дворе»⁵⁹. Подобная тематика пользуется ныне большой популярностью в исторической науке. Причем надо иметь в виду, что в сербском языке слово «двор» обозначает не только лиц, окружавших монарха в его домашней жизни, но и место его проживания – дворец. Правда, до середины XIX в. в этом втором значении еще часто употреблялось турецкое слово «конак». Н. Йованович делится точным наблюдением – из всех Карагеоргиевичей князь Александр в памяти народа оставил наименьший след, и именно поэтому время его правления названо не его именем, а именем политической группировки уставобранителей⁶⁰.

В Сербии в последние годы выходили и другие работы, посвященные различным аспектам сербской истории в интересующий нас период. Обратим внимание, в частности, на работу Чедомира Антича «Великобритания, Сербия и Крымская война (1853–1856). Нейтралитет как независимость»⁶¹. Автор уже в начале работы, объясняя ее название, пишет, что «в великой войне нейтралитет, по сути, значил независимость, а его поддержание открыло период, который завершился международным признанием суверенной Сербии в 1878 г.»⁶². Как будто и не было перед этим герцеговинского восстания, сербо-турецкой войны, участвовавших в ней русских добровольцев и, наконец, решающей кровопролитной русско-турецкой войны 1877–1878 гг., начатой в том числе и для спасения Сербии. Да и внутреннюю свободу Сербия получила все-таки не в 1856, а в 1867 г., после вывода с территории княжества последних турецких гарнизонов.

Много раз переиздавалось и само «Начертание» – у того же Радоша Люшича в «Книге о “Начертании”» или отдельными изданиями⁶³. Последний раз оно публиковалось в совсем недавно увидевшей свет на английском языке и соответственно рассчитанной пре-

⁵⁹ *Jovanović N. Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). Drugo izdanje.* Beograd, 2011.

⁶⁰ *Ibid.* S. 17.

⁶¹ *Антић Ч. Велика Британија, Србија и Кримски рат (1853–1856). Неутралност као независност.* Београд, 2004.

⁶² Там же. С. X.

⁶³ *Љушић Р. Књига о Начертанију.* С. 151–165. О рукописних копијах «Начертанија» и его публикацијах см. там же: С. 11–17; например: *Гарашанин И. Начертаније. Програм спољне и националне политике Србије 1844. године / Предговори и коментари: М. Витезовић 2009. год. Д. Калајић 1998. год. Д. Страњаковић 1921. год.* Београд, 2009.

имущественно на западную аудиторию монографии Душана Т. Батаковича «Внешняя политика Сербии (1844–1867). “Начертание” Или Гараšанина»⁶⁴. Таким образом, сербский историк исследует оба периода реализации Гараšанином своей программы – когда сербским князем был Александр Карагеоргиевич и во время второго правления Михаила Обреновича. Фактически речь идет даже о гораздо более долгом временном отрезке, поскольку половина книги посвящена предыстории появления знаменитой программы – от Средневековья до первых правлений князей Милоша и Михаила Обреновичей. Завершает работу специальный небольшой раздел о последствиях «Начертания».

Из книг, вышедших в этот период на Западе, отметим обобщающую работу известного немецкого историка Хольма Зундхаусена «История Сербии. 19–21 вв.», вышедшую на немецком языке в 2007 г. и переведенную на сербский – в 2008 г.⁶⁵ Мы согласны с мнением автора послесловия к этой работе Д. Батаковича, что эта книга представляет собой нечто среднее между «обновленными стереотипами и предрассудками о Сербии» и «порой солидным историческим повествованием»⁶⁶.

В российской историографии в конце XX – начале XXI в. также произошли важные изменения. В 1997 г. была опубликована коллективная монография «На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в.». В этой книге в главе «Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.)» И.С. Достян подробно изложила свое видение проблемы, связанной с «Начертанием»⁶⁷.

⁶⁴ *Bataković D.T. The Foreign Policy of Serbia (1844–1867). Ilija Garašanin's Načertanije. Belgrade, 2014.*

⁶⁵ *Sundhaussen H. Geschichte Serbiens 19.–21. Jahrhundert. Wien-Köln; Weimar, 2007; Зундхаусен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008. С. 129.*

⁶⁶ *Батаковић Д.Т. Сликe модерне Србије: домети, ограничења, оспоравања // Зундхаусен Х. Историја Србије... С. 562; см. также: Терзич С. История Сербии с гневом и пристрастием // Славяноведение. 2010. № 5. С. 82–96.*

⁶⁷ *Достян И.С. Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.) // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 82–110.*

Она уже почти полностью отошла от бытовавшей некогда в советской исторической науке убежденности в «великосербских тенденциях» в этой программе. «Концепция “Начертания”, – отмечала Достян, – по-разному трактовалась в историографии. Некоторые историки отрицают, другие признают наличие националистических тенденций внешнеполитической программы. Представляется, однако, что “Начертание” было по своему содержанию и целям противоречивым». Вместе с тем, подчеркивала автор, сформулированные в 1844 г. идеи не только отвечали национальным задачам сербов – созданию полноценного экономически жизнеспособного государства, – но и совпадали со стремлением большинства южных славян освободиться от власти Османской империи»⁶⁸.

В 2000 и 2002 гг. появились две книги С.А. Романенко «Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.)» и «Югославия, Россия и “славянская идея”. Вторая половина XIX – начало XXI века»⁶⁹. Проблемы, связанные с «Начертанием», затрагиваются в них лишь вскользь. Однако, как можно понять, автор находит в этой программе и югославянскую, и великосербскую идеи.

Из работ, появившихся на рубеже веков, нужно обязательно отметить также книгу Е.П. Кудрявцевой «Россия и Сербия в 30–40-х гг. XIX века»⁷⁰, вышедшую в 2002 г. и прямо относящуюся к интересующей нас теме. Затем эта монография и более ранняя работа Е.П. Кудрявцевой «Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833 гг.)»⁷¹ составили книгу «Россия и становление сербской государственности (1812–1856)»⁷². Базирующиеся на отчасти уже введенных в научный оборот документах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), эти книги про-

⁶⁸ Там же. С. 96.

⁶⁹ Романенко С.А. Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000; *он же*. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002.

⁷⁰ Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30–40-х гг. XIX века. М., 2002.

⁷¹ *Она же*. Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833 гг.). М., 1992.

⁷² *Она же*. Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М., 2009.

слеживают сложные перипетии политики России в Сербском княжестве, приведшие в результате к потере ею к началу Крымской войны своего доминирующего влияния в регионе, а вместе с ним и единоличного покровительства над православными славянами. Е.П. Кудрявцевой принадлежит также интересная работа «Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века»⁷³. В этой монографии помимо посольства в Константинополе описывается сеть российских консульств на территории тогдашней Турецкой империи, в том числе и российское генеральное консульство в Белграде⁷⁴.

Привлекший наше внимание период сербской истории первой трети – середины XIX в. совпал со временем, когда в России началось уже относительно систематическое изучение славянских народов. Русские ученые впервые отправились в славянские, в том числе и югославянские, земли и оставили об этом интересные наблюдения и сведения. Изучению этого уникального наследия русских ученых посвящено исследование М.М. Керимовой «Югославянские народы и Россия»⁷⁵.

О «Начертании» и его освещении в историографии написал статью профессор Нижегородского университета М.В. Белов⁷⁶.

Интересующие нас сюжеты затрагивались и во втором томе «Истории Балкан»⁷⁷, подготовленном в Институте славяноведения РАН под редакцией В.Н. Виноградова. В «Предисловии» к этому труду он замечает, что «в 1844 г. появилось “Начертание” Или Гарашанина – первый план объединения сербского этноса вокруг еще маленького княжества»⁷⁸. Автором сюжетов по истории Сербии в

⁷³ Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010.

⁷⁴ Там же. С. 155–158.

⁷⁵ Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997.

⁷⁶ Белов М.В. Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 205–211.

⁷⁷ История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2012.

⁷⁸ Виноградов В.Н. Предисловие // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). С. 7.

этом томе являлся А.В. Карасев, который также полагал, что в «Начертании» ставилась задача «освобождения и объединения всех сербов Балканского полуострова в одном государстве». И если польский агент Зах «делал больший упор на югославянские моменты», то Гарашанин, ясно понимая, что «в настоящее время Сербия может рассчитывать на успех только в провинциях Османской империи, заселенных славянами, сосредоточил свое внимание на объединении и освобождении сербов»⁷⁹. Впрочем, этими несколькими фразами и ограничивается все описание «Начертания» в упомянутом труде.

В.Н. Виноградов продолжил на монографическом уровне исследовать русско-английское противостояние на Балканах. Теперь он обратился к 230-летней истории Российской империи, которой на Балканах противостояла не только Великобритания, но и Австрия, а временами и Франция. В книге «Двуглавый российский орел на Балканах» рассматриваются десять русско-турецких войн, названных Виноградовым «вехами на пути Балкан к свободе»⁸⁰.

Наконец, в России и Сербии в последнее время вышли из печати сразу несколько крупных собраний документов. Прежде всего это «Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е годы XIX века» (отв. ред. и сост. Е.П. Кудрявцева)⁸¹. Выход в свет большого корпуса документов – всегда важное событие. Тем более что одновременно по тому же периоду был издан сборник документов о русско-черногорских отношениях в 1830–1850-е гг. (отв. ред. Ю.П. Аншаков и Р. Распопович)⁸². Оба сербских государства той поры получили документальное освещение важнейшей части своей истории и своих особых отношений с Россией.

Назовем также шеститомное издание архивных материалов из фонда Администрации города Белграда, хранящихся в Историческом архиве Белграда, под названием «Жить в Белграде» (отв. ред. Б. Прпа, сост. М. Йованович, П. Маркович, М. Перишич, Д. Стоянович и М. Ристович). Мы использовали первые три тома, которые ох-

⁷⁹ Карасев А.В. Сербское княжество во время правления Милоша Обреновича и режима уставобранителей (1815–1856 гг.) // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). С. 387–388.

⁸⁰ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010.

⁸¹ Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е годы XIX века: документы российского МИД. М., 2013.

⁸² Петр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы. М., 2013.

ватывают крайне важный для нас период в тридцать лет – с 1837 по 1867 г.⁸³ Эти документы позволяют ощутить во всем ее многообразии повседневную жизнь главного города Сербии в середине XIX в.

Наконец, отметим еще и четырехтомник – совместную двуязычную публикацию документов «Москва – Сербия, Белград – Россия», подготовленную Главным архивом Москвы и Архивом Сербии и иллюстрирующую историю взаимоотношений двух стран на протяжении нескольких сотен лет – с XVI в. и до 1945 г. До настоящего времени вышли в свет три тома, освещающие период до 1917 г.⁸⁴ Четвертый том будет посвящен периоду между двумя мировыми войнами. Для нас важен второй том, подготовленный М. Йовановичем, А. Тимофеевым, Л. Кузьмичевой и Е. Ивановой и раскрывающий русско-сербские связи на протяжении большей части XIX в. Речь в этих публикациях идет главным образом о культурно-просветительских и церковно-духовных контактах России и Сербии.

Появление новых крупных научных работ, публикация большого массива документов, которые имеют принципиальное значение, а также неожиданно резкая актуализация проблематики «Начертания» в связи с югославским кризисом 1991–2001 гг. побудили нас почти через тридцать лет вновь обратиться к этой теме и рассмотреть создание и начало реализации первой внешнеполитической и национальной программы Сербии в широком контексте сербской, балканской и европейской истории в 1842–1853 гг. Этот период, как было сказано, во многом и надолго предопределил черты сербской политики, ее основные начертания. Еще дольше, вплоть до нашего времени, на сербской истории сказывается интерпретация этого периода и принятых тогда программ не всегда добросовестными сторонними наблюдателями.

⁸³ Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 1. 1837–1841. Београд, 2003; Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 2. 1842–1850. Београд, 2004; Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 3. 1851–1867. Београд, 2005.

⁸⁴ Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 1. Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. Белград; М., 2009; Москва – Сербия. Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Белград; М., 2011; Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. Белград; М., 2012.

СЕРБСКИЙ КРИЗИС 1842–1843 гг.

1. Великие державы и смена власти в Сербии

30 ноября 1830 г.¹, в день Св. Андрея Первозванного, на Ташмайда-не вблизи Белграда, там, где сегодня высится величественный храм Св. Марка, закрывая вид на маленькую русскую церковь Св. Троицы, со специально насыпанного холма Сербия была торжественно провозглашена вассальным княжеством Османской империи². Значение этого факта трудно было переоценить. Сербская государственность окончательно возродилась после долгого мрачного небытия. С тех пор и вплоть до 1882 г. 30 ноября праздновалось в Сербии как главный государственный праздник, когда с Врачара еще до рассвета пушки салютовали торжественными залпами³.

Полунезависимое Сербское княжество возникло в результате двух восстаний против власти Турции (1804–1813 гг., 1815 г.) и при всесторонней военной и дипломатической помощи России⁴. Более того, при возникновении нового сербского государства помощь России имела решающее значение. Внутреннюю автономию турки предоставили сербам с третьего раза. Первые два раза – после Бухарестского мира 1812 г. и Аккерманской конвенции 1826 г. –

¹ Все даты в книге приводятся по старому стилю.

² Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. Београд, 2003. С. 53–54.

³ Јовановић Н. Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). Drugo izdanje. Beograd, 2011. S. 81–82.

⁴ Более трех веков, с конца XVII в., Россия вела с Турцией многочисленные войны. Эти войны преследовали ясные цели. Сначала выход России на свои естественные пределы на юге – к берегам Черного моря. Затем выход из этого закрытого моря в более открытое – Средиземное. Этот выход вел через Босфор и Дарданеллы. В борьбе за Проливы Россия пыталась опираться на православные народы – греков, сербов, болгар. Но и эти народы были заинтересованы в России, ведь каждая из русско-турецких войн ослабляла Османскую империю, приближая тем самым их собственное освобождение.

данные сербам под давлением России обещания не выполнялись. Однако после новой победы России в войне с Османской империей в 1828–1829 гг. и Адрианопольского мира обязательства пришлось выполнять⁵.

Автономия Сербского княжества была узаконена двумя хатти-шерифами – 1830 и 1833 гг. Еще один хатти-шериф 1838 г. вводил в Сербии октроированную султаном так называемую «турецкую конституцию». В политическом отношении Сербское княжество оставалось в зависимости от Турции, которой платило дань. Для изменения конституции требовалось согласие турецкого правительства. На территории княжества сохранялись турецкие крепости с турецкими военными гарнизонами. Вокруг крепостей жило турецкое население, не подчинявшееся сербской юрисдикции. Несмотря на встречающиеся иногда в последнее время в историографии мнения об общем и длительном государственном симбиозе турок и южных славян, сербское население никогда не считало Османскую империю своим государством. В Сербии сербы и турки жили не вместе, а параллельно, и принцип у сербов долгие годы был один: «Чем меньше турок, тем свободнее Сербия».

Особенностью государственного устройства княжества, согласно «турецкой конституции», являлось ограничение всевластия князя. Высшим сувереном власти в автономной Сербии наряду с князем стал Государственный совет, семнадцать членов которого сменялись только при согласии Порты. Совет делил с князем не только административные, но и законодательные функции, поскольку все законы и налоги могли устанавливаться лишь с его санкции. В то же время в конституции 1838 г. было закреплено «полное игнорирование скупщины – института, ставшего в ходе национальной борьбы важным органом государства»⁶. Итак, «власть князя ограничивалась, но не народным представительным органом, каковым могла стать скупщина, а Советом как олигархическим органом, состоящим из богатых и влиятельных старейшин»⁷. Исполнительная власть в княжестве принадлежала князю и правительству (Центральному правлению) во главе с премьер-министром (княжеским

⁵ *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010. С. 252.

⁶ *История Югославии.* Т. I. М., 1963. С. 336.

⁷ *Формирование национальных независимых государств на Балканах.* Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 132.

представителем). Оно состояло из четырех министерств (попечительств) – иностранных дел, внутренних дел, права и просвещения, финансов. Министры выбирались из членов Совета, никакого разделения властей еще, разумеется, не существовало.

Сербское княжество возникло в границах Белградского пашалыка, территория которого представляла холмистую, густо покрытую лесами местность, получившую название Шумадия (от сербского слова «шума» – лес). Милошу Обреновичу мирным путем удалось присоединить к княжеству шесть спорных нахий, входивших в состав государства времен Первого сербского восстания, но затем утраченных. Этим актом территория Сербии была расширена на 50%, и в 1833–1878 гг. она составляла 37 740 кв. км⁸. Население княжества по переписи 1841 г. насчитывало 806 578 человек⁹. В 1846 г. оно достигло уже 913 603 человек. Но, как видим, в момент появления «Начертания» в конце 1844 г. население Сербии не достигло еще 1 млн¹⁰.

Население Белграда, главного города княжества, в 1847 г. составляло всего 13 724 жителя¹¹. Белград был маленьким захолустным городишком, что подчеркивалось даже в его названии – варош, а не град. Он совсем недавно вновь стал столицей¹². Город отличался сырым, нездоровым климатом, чреватый постоянными вспышками малярии. Впрочем, сказать, где кончается село и начинается город, было еще довольно трудно. Недаром городские власти в 1840-е годы несколько раз запрещали жителям выпускать на белградские улицы скот¹³. Но все-таки изменения происходили. В начале 1844 г. появилась нумерация домов, а в феврале 1848 г. – 30 важнейших улиц города впервые получили официальные названия.

⁸ Љушић Р. Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 34.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Главный архив (далее – ГА). 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 228об.

¹⁰ Љушић Р. Књига о Начертанију. С. 56.

¹¹ Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 2. 1842–1850. Београд, 2004. С. 28.

¹² Столичный статус Белграду вернул Михаил Обренович во время своего краткого первого правления. Превратившись в столицу, Белград стал стремительно расти. Напомним, что в 1818–1841 гг. главным городом Сербии был Крагуевац.

¹³ Марковић П.Ј., Стојановић Д., Ристовић М., Перишић М., Јовановић М. У немирним годинама // Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 2. С. 21.

ния. К концу правления Александра Карагеоргиевича город дорос до Врачара¹⁴. Сегодня на этом месте, где некогда турки сожгли мощи Св. Саввы, высится одноименный величественный храм – один из самых крупных православных храмов в мире.

Интересны воспоминания известного русского слависта И.И. Срезневского, побывавшего в Белграде в октябре 1841 г. «О городе могу сказать немного, – писал ученый, – он стоит при впадении Савы в Дунай; на стрелке на возвышении стоит крепость, находящаяся, как и все сербские крепости, в руках турок... в городе улицы кривые, довольно узкие, домики довольно бедные, большею частью из дерева, есть впрочем и несколько хороших кирпичных домов, и несколько других строится. Лавки всею передней стеной открыты; в лавках портяжных и сапожных работники работают открыто зимой и летом. Мечетей множество; церковь наша только одна... Сербы одеты... в шароварах, поясах, за которыми пистолеты, и куртках, с красными шапками на головах и косами (фески с кисточками. – *К.Н.*). Языка другого не слышно, кроме сербского. Высшее общество начинает, впрочем, поговаривать по-русски»¹⁵. Кстати, как человек, побывавший в Белграде, Срезневский по возвращении в Земун (Землин) должен был провести десять дней в австрийском карантине (по словам ученого, «десятидневным заключением заплатить за путешествие в Сербию»)»¹⁶.

Хатти-шерифы 1830 и 1833 гг. и конституция 1838 г. окончательно ликвидировали в Сербском княжестве турецкую феодальную систему. За крестьянами, освободившимися от уплаты ренты турецким помещикам-спахиям, были признаны права собственности на обрабатываемую ими землю. В Сербии после получения автономии стало преобладать мелкое крестьянское землевладение, хотя некоторые крупные земельные участки, принадлежавшие прежде туркам, захватили князь Милош Обренович, воеводы и старейшины. Крупным землевладельцем стала и Сербская православная церковь. В сельском хозяйстве, ведущей отрасли экономики княжества, постепенно, очень медленно начали развиваться товарно-денежные отношения, связанные с ростом внешней и в меньшей мере внутренней торговли. В экономике же сербского города

¹⁴ *Jovanović N. Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). S. 14, 72.*

¹⁵ Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Белград; М., 2011. С. 181.

¹⁶ Там же. С. 180.

Илл. 1. Вид Белграда в 1849 г.

продолжало господствовать мелкое цеховое производство. Но появлялись новые виды ремесел, отмечался постепенный рост городского населения. Рост городов еще не сопровождался появлением промышленных предприятий: искусственные единичные попытки основать их в Сербии терпели неудачи.

Нерадужную картину состояния экономики княжества в это же время рисовал собеседник Срезневского российский консул Г.В. Ващенко¹⁷. В отчете за 1842 г. он писал: «Сербы при всей своей понятливости, исключая завода свиней и в малом количестве коз, овец и рогатого скота – другого ничего не знают. В селах у них кузнецы – кочующие цыгане; а по городам кузнецы, каретники, портные, сапожники, столяры, хлебники, плотники и каменщики австрийскоподданные. Довольное число плотников и каменщиков приходит также каждый год из Румелии и Албании, и все

¹⁷ Ващенко Герасим Васильевич (1790 – после 1850), надворный советник. Дипломатическую службу начал в посольстве в Константинополе, служил консулом в Яссах, Сливене и Оршове. В 1838–1843 гг. – генеральный консул в Белграде, первый постоянный дипломатический представитель России в Сербии. С 1845 г. – вице-консул, в 1847–1849 гг. – консул в Адрианополе. См.: Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е годы XIX века: документы российского МИД. М., 2013. С. 107; Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. С. 535.

сии мастеровые выносят из Сербии ежегодно миллионы. Сербин, в отношении к труду, занимается только хлебопашеством и выгонкою из слив водки, обыкновенно сколько нужно ему для годового обихода, редко для продажи, и то работают большей частью женщины»¹⁸.

Через несколько лет, в 1846 г., временно управляющий российским консульством в Сербии А.Т. Федоров давал схожую характеристику различным сербским сословиям и отраслям. «Духовенство в большинстве своем невежественное и суеверное, часто подает дурные примеры», – писал он. И далее: «В Сербии напрочь отсутствуют ремесла и промышленность; при этом обрабатывается едва ли 8-я часть ее плодородной земли... Целые деревни выкошены сифилисом, который из-за отсутствия знающих врачей, больниц, медикаментов и благодаря повсеместному доверию к знахарям производит ужасающие опустошения... Наличие в Сербии постоянно растущей армии иностранных ремесленников и рабочих, которые особенно легко добывают себе там средства к существованию, поскольку не платят никаких налогов; порочные нравы большей части из них, служащие дурным примером народу, посредственное качество и непомерная стоимость их изделий – уже давно свидетельствуют о необходимости правильной организации ремесленного производства... Сербский крестьянин по природе своей равнодушен и ленив, с избытком наделенный землей, он возделывает ее лишь в той мере, в какой это необходимо для содержания его семьи и выплаты скромной аренды; самая плодородная земля остается вследствие сего невозделанной, обносится им подчас весьма дорогостоящей изгородью и не пользуется даже для выпаса скота». Однако Федоров находил и некоторые признаки улучшения ситуации, а прохладное отношение к труду справедливо связывал все же не с «врожденной леностью сербского народа», а с ярмом, которое «отягощало его в прежние времена», и поборами со стороны прежнего правительства. Отсюда и «отвращение к тяжкому труду, приносящему избыток, неизменно у него отбивавшийся прежде»¹⁹.

И хотя, как мы видим из этих донесений, общественно-экономическая отсталость, обусловленная многовековым турецким господством, еще далеко не была преодолена, рост торговли, но

¹⁸ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 228–228об.

¹⁹ Политические и культурные отношения... С. 362–366.

еще больше образование собственного полунезависимого государства, привели к ускорению процесса складывания сербской нации и росту сербского национального самосознания.

Дальнейшему развитию сербского народа препятствовало то, что он оказался территориально и административно разобщен. Кроме автономного Сербского княжества, существовала еще и фактически независимая от Турции маленькая Черногория, население которой рассматривало себя особой частью сербского народа. Переписей в Черногории тогда, естественно, никто не проводил, но по некоторым данным в 1832 г. на ее территории проживало 38 500 человек²⁰. Немногом больше было и через десять лет. В составе Румелии (европейских владений Османской империи) продолжала оставаться историческая сербская область – Старая Сербия²¹. Около 500 тыс. сербов (или 48% всех жителей)²² вместе с католическим и исламизированным славянским населением проживало в выделенной Портой из Румелии и получившей особое управление Боснии и Герцеговине.

Значительное сербское население находилось также в Австрийской империи. Основной территорией расселения в ней сербского народа являлась Южная Венгрия – Банат, Бачка и Срем. За этими районами утвердилось чуть позже название Сербской Воеводины. Причем именно на территории будущей Воеводины в конце XVIII – начале XIX в. начало формироваться ядро сербской нации, переместившееся затем в автономное Сербское княжество. Всего в Южной Венгрии проживало до 300 тыс. сербов, но наряду с ними также венгры, валахи, немцы и т. д. Примерно 150 тыс. сербов имелось в Хорватии и Славонии, более 300 тыс. – на хорватско-славонской и банатской частях Военной Границы. Все эти земли формально или фактически относились к Венгерскому королевству. Наконец, в Далмации (уже непосредственно в подчинении Австрии) проживало также более 80 тыс. православных сербов (или 1/5 всего

²⁰ Љушић Р. Историја српске државности. Књ. II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 268.

²¹ Под названием «Старая Сербия» обычно понимают Санджак (Рашку), Косово и Метохию и Скопско-Тетовскую область. Подробнее см.: Терзић С. Стара Србија (XIX–XXI). Драма једне цивилизације. Рашка, Косово и Метохија, Скопско-Тетовска област. Нови Сад; Београд, 2012.

²² Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 168.

населения)²³. М. Экмечич приводит данные австрийской статистики, согласно которым всего в Австрийской империи в середине века проживало немногим более 1,5 млн сербов²⁴.

Помимо прочего, сербский народ подчинялся разным церковным юрисдикциям. Во-первых, большая часть сербского населения, находившаяся в составе Османской империи, подчинялась Константинопольской патриархии. Во-вторых, с 1830 г. образовалось автономное Сербское княжество, где возникла автономная митрополия. В то время митрополитом сербским и архиепископом белградским был Петр Йованович, кстати, пречанин по происхождению. В-третьих, сербы Австрийской империи подчинялись карловацкому митрополиту (с 1848 г. – патриарху). Наконец, в-четвертых, существовали еще и сербские обители на Афоне²⁵.

Тем не менее сербское самосознание было достаточно развитым, и не только в самом Сербском княжестве. Один из первых русских славистов О.М. Бодянский писал, что «сам слышал, как все сербы православные в Среме, Бачке, Банате, Славонии зовут себя сербами, малый и большой, грамотный и безграмотный». Он же «утверждал, что и далматинцы, черногорцы, босняки, герцеговинцы православного вероисповедания также зовут себя сербами, и при этом ссылался на мнения различных иностранных путешественников»²⁶.

И наоборот, исходя из сведений, оставленных другими русскими путешественниками, первыми побывавшими в славянских землях, хорваты столь развитым самосознанием еще не обладали. Так, русский ученый П.И. Прейс «подчеркивал, что самоназвание *хорват* (*рват* – *хорват*) охватывает главным образом население трех жупаний – Загребской, Вараждинской и Крижевацкой. Жители Славонии называют себя славонцами, этноним *хорват* здесь почти не употребляется». В материалах других русских ученых можно

²³ Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980. С. 31.

²⁴ *Экмечич М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом Веку (1492–1992). (Друго, допуњено издање). Београд, 2008. С. 205.

²⁵ См. также: *Кузьмичева Л.В.* Москва и сербский вопрос в 1804–1878 гг. // Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. С. 59.

²⁶ *Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 98.

найти «сведения о разных группах хорватов: влахи-морлаки, буневцы, чичи, личане, безьяки, загорцы». Причем буневцы и личане, например, были некогда православными переселенцами, многие из которых перешли затем в католичество²⁷.

Писатель и славянофил В.А. Панов так описывал хорватское население Боки Которской: «Все эти сербы, отставшие от своей первоначальной православной церкви, сохранили свою народность только в частном семейном быту... Известно, что ни один далматинец, который хотя и не знает другого языка, кроме сербского, если он римской веры, не назовет себя сербом. Он или только добротчанин, или перастчанин, или прчанин. В Далмации житель Боки Которской назовет себя бокезом, а в дальних странах, где все эти частные названия совершенно уже неизвестны, назовет себя далматинцем. Более общего сознания он не имеет». Похожие сведения оставил и ученый-славист П.А. Лавровский: «В Дубровнике же и католики образованные позволили себе улыбнуться, когда я назвал их хорватами, а о православных которцах нечего уже и говорить: те прямо считают себя сербами»²⁸.

Подобное различие между сербами и хорватами проводят и современные сербские авторы. Так, М. Экмечич пишет, что «хорваты еще не успели хорватизировать католическое население Далмации, Славонии и Боснии и Герцеговины. Хорватское национальное имя было известно только образованным людям, но и то было далеко до того, чтобы они все его признавали»²⁹. По словам Д.Т. Батаковича, в то время преобладали региональные названия и локальные идентичности: славонцы, далматинцы, герцеговинцы, граничары (краишники). Католическое население не имело общего языка, общим была лишь приверженность папе и римско-католической вере. Этому населению еще предстояло стать хорватским народом³⁰.

Процесс расширения сербского государства после Первого и Второго восстаний продолжился. Милош Обренович мирным дипломатическим путем сумел присоединить к княжеству шесть нахий. После этого его замыслы распространялись прежде всего на территорию Боснии и Герцеговины и Старой Сербии. По сообщению француза Боа-ле-Конта, в беседе с ним князь Милош говорил, что

²⁷ Там же. С. 81, 84–86, 94.

²⁸ Там же. С. 88, 97.

²⁹ *Екмечич М.* Дуго кретање између клања и орања. С. 237.

³⁰ *Bataković D.T.* The Foreign Policy of Serbia (1844–1867). Ilija Garašanin's Načertanije. Belgrade, 2014. S. 135.

Сербии необходимо предоставить полную независимость и сравнять с землей оставшиеся там турецкие крепости³¹. Однако ничего существенного сербский князь предпринять не успел.

После введения «турецкой конституции» 1838 г. обострилась борьба за власть между ним и уставобранителями (конституционалистами) – сторонниками ограничения княжеской власти с помощью конституции. Уставобранители представляли собой довольно пеструю социальную группу, в которую входили крупные торговцы, старейшины, участвовавшие в борьбе против турок, и высокопоставленная чиновничья бюрократия. Резкое недовольство уставобранителей вызывали самодержавная политика Милоша Обреновича, его самоуправство, правовая необеспеченность личности и имущества, привилегии и монопольные права для князя и узкого круга его приближенных³².

Первую победу в борьбе за власть уставобранители одержали весной 1839 г., когда они вынудили Милоша Обреновича отречься от престола и эмигрировать в Австрию. Княжеский престол перешел к его старшему сыну – Милану, который был неизлечимо болен туберкулезом. В связи с этим было образовано регентство – наместничество из трех человек. В него вошли брат Милоша – Еврем Обренович и два вождя группировки уставобранителей – Тома Вучич-Перишич и Аврам Петрониевич. К двум последним, по существу, и перешла вся полнота власти. Вскоре Милан умер, но еще почти целый год до утверждения Портой князем другого сына Милоша, Михаила, и до его приезда в княжество уставобранители были хозяевами в стране. Это время они использовали для укрепления своих позиций, что впоследствии сыграло важную роль в их борьбе за власть³³.

Скопив силы, уставобранители во главе с Вучичем подняли хо-рошо подготовленный мятеж³⁴ и в конце августа 1842 г. принудили

³¹ *Достян И.С.* Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.) // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 87.

³² *История Югославии.* Т. I. С. 333–334.

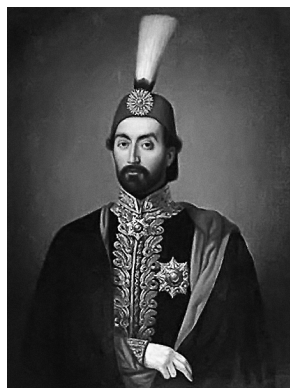
³³ *Жакшић Г., Страняковић Д.* Србија од 1813 до 1858 // Српски народ у XIX веку. Књ. 2. Београд, 1937. С. 81.

³⁴ В историографии для обозначения событий 1842 г., которые привели к смене сербской правящей династии, обычно используется термин «мятеж Вучича». Однако иногда он оспаривается и заменяется, в частности, на название «революция Вучича». См. подробнее: *Поповић Р.Ј.* Тома Вучић Перишић. С. 139.

уже Михаила Обреновича вслед за своим отцом бежать в Австрию. Однако это еще не означало полной победы рвавшейся к власти группировки. Вследствие того, что Сербское княжество находилось не только в автономной зависимости от Османской империи, но и под покровительством России, его новое руководство, как минимум, должны были официально признать два этих государства. Кроме того, события в Сербии привлекли к себе внимание Австрии, Франции и Великобритании.

Одним из проявлений противоборства великих держав на Балканах, неуклонно обострявшегося в 30-е гг. XIX в., стала их реакция на события в Сербии начала 1840-х гг. Возникший в связи с мятежом Вучича дипломатический конфликт между Россией и Турцией мог перерасти в военный, существенным образом повлиять на дальнейшее развитие Восточного вопроса. От исхода этого конфликта зависело также правовое признание власти уставобранителей и все дальнейшее государственное развитие Сербского княжества. Указанные события с легкой руки В. Вучковича называют обычно в историографии сербским кризисом в Восточном вопросе³⁵.

Первоначально представители европейских держав действовали заодно. Узнав о мятеже, консулы России, Австрии, Франции и Великобритании посетили в Белградской крепости турецкого коменданта Кьямил-пашу и в присутствии специального эмиссара Порты Шекиб-эфенди передали коллективный протест по поводу «движения Вучича и Петрониевича против законной власти». Российский консул Г.В. Ващенко особо подчеркнул, что отныне он будет иметь дело только с Кьямил-пашой как единственным представителем легитимной власти. Последний пытался оправдать действия Вучича и резко выступил про-

*Илл. 2. Султан
Абдул-Меджид I*

Илл. 3. Император Николай I

³⁵ Вучкович В. Српска криза у Источном питању (1842–1843). Београд, 1957.

тив коллективного демарша европейских консулов. Австрийскому консулу Д. Атанацковичу, французскому – Д.М. Кодрике и английскому – Т.Г. Фонбланку Кьямил-паша заметил, что только Ващенко имеет право вмешиваться во внутренние дела Сербии, а консулы западных держав – лишь «коммерческие агенты»³⁶.

Спеша закрепиться у власти и поставить своих противников перед свершившимся фактом, уставобранители уже 2 сентября 1842 г. созвали скупщину в пригороде Белграда Врачаре и избрали сербским князем младшего сына предводителя Первого сербского восстания Александра Карагеоргиевича, вернувшегося в Сербию в 1839 г. из России. Всеми делами на скупщине заправлял Т. Вучич, явившийся в крестьянской одежде, с феской на голове, опанках на ногах и пистолетом за поясом. Он несколько раз выступал и агитировал собравшихся против Михаила Обреновича и за Александра Карагеоргиевича. На скупщине было составлено также прошение на имя Кьямил-паши и Шекиб-эфенди, в котором говорилось, что, так как князь Михаил «удалился из земли», сербский народ избрал себе другого князя и просит султана прислать ему берат на княжение. Помимо прочего, Михаил обвинялся в подстрекательстве к восстанию в соседних областях «против своего и нашего царя», то есть султана. Оба турецких сановника выразили депутации скупщины во главе с А. Петрониевичем свое полное удовлетворение действиями сербов. Турки передали скупщине письмо, в котором говорилось, что они «по власти, данной им султаном», одобряют выбор народа³⁷. А Шекиб-эфенди еще и «пред всем народом надел князю на голову феску»³⁸.

Одновременно в Константинополь с вестью об избрании нового князя был отправлен Алекса Симич – еще один видный уставобранитель, министр финансов при князе Михаиле. Симич должен был добиться от Порты подтверждения избрания Александра Карагеоргиевича и временно исполнять функции сербского представителя в Турции («капу-кегая»). Через месяц в Белград был доставлен ответ от великого визиря, в котором говорилось о посылке в княжество берата, узаконившего Александра в кня-

³⁶ Попов Н. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. Ч. II. М., 1869. С. 166–167.

³⁷ Там же. С. 172–173; Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 147–148.

³⁸ Ђирковић С.Ц. Књаз Михаило Обреновић. Живот и политика. Београд, 2011. С. 52.

жеском достоинстве. И на самом деле этот берет был зачитан на очередной скупшине в конце октября на Калемегдане. Причем на этой церемонии из всех иностранных консулов не присутствовал только Г.В. Ващенко.

Тогда же сформировалось и новое сербское правительство. Аврам Петрониевич стал премьер-министром и министром иностранных дел, Тома Вучич-Перишич – министром внутренних дел, Паун Янкович-Бача³⁹ – министром права и просвещения, Павле Станишич – министром финансов. Государственный совет возглавил Стоян Симич, а член Совета Илия Гарашанин исполнял также функции заместителя министра внутренних дел⁴⁰. Власть в стране полностью поменялась. Многие чиновники бежали из Сербии вместе с Михаилом Обреновичем. Одновременно уставобранители отстранили от власти многих прежних чиновников, особенно выходцев из Австрии. Так, по некоторым неполным данным, в начале уставобранительского правления 53 чиновника были убиты, 241 чиновник разного уровня – смнен, из них 204 – подверглись пыткам и избиениям⁴¹.

Таким образом, турецкое правительство фактически безоговорочно поддержало происшедший в княжестве переворот. Главной причиной этого было недоверие, с которым Порта относилась к Михаилу Обреновичу. Она считала его виновным (об этом доносили и уставобранители) в подстрекательстве и оказании помощи антитурецким выступлениям, особенно известному Нишскому восстанию 1841 г. и волнениям в Боснии и Герцеговине в 1840–1841 гг.⁴² Не могла нравиться Турции и в известной степени прорусская ориентация сербского князя.

Характерно, что Кьямил-паша не только знал заранее о возможном перевороте, но и принимал в его подготовке самое деятельное участие. В белградской крепости Калемегдан турецкого коменданта неоднократно посещали вожди уставобранителей. На этих, обычно ночных, встречах и был разработан детальный план

³⁹ Паун Янкович хорошо знал русский язык, поэтому князь Милош звал его «Бачушка» или «Бача». Отсюда и прозвище. См.: *Jovanović N. Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858)*. S. 205.

⁴⁰ *Страњаковић Д.* Влада уставобранителя 1842–1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932. С. 35–36.

⁴¹ *Поповић Р.Ј.* Тома Вучић Перишић. С. 149–150.

⁴² *Вучковић В.* Српска криза у Источном питању. С. 22–23; *Страњаковић Д.* Указ. соч. С. 30.

переворота. Кроме того, когда он уже начался, турецкое правительство приказало подтянуть часть своих войск в Болгарии к сербской границе, а правителю Видинского пашалыка в случае необходимости – поддержать уставобранителей. Сразу после переворота был заметно укреплен гарнизон крепости в Белграде: из Видина туда были направлены 2116 турецких солдат⁴³.

Повторим, что все это было не случайно. Связи лидеров нового режима в Сербии с турецкими властями окрепли еще в 1841 г., когда находившиеся в ссылке в Константинополе вожди уставобранителей установили связь с главным эмиссаром правого крыла польской эмиграции по Юго-Восточной Европе Михаилом Чайковским. Сербы жаловались ему на российскую дипломатию, которая в конституционном конфликте поддерживала Михаила Обреновича. Используя сложившуюся ситуацию для ослабления русского влияния на Балканах, Чайковский выступил посредником между уставобранителями и Портой. Османские власти обещали сербским оппозиционерам возможность вернуться на родину, если уставобранители в случае прихода к власти изменят антитурецкую направленность внешней политики княжества.

Контакты между Чайковским и уставобранителями шли в русле общей линии лидера польской эмиграции Адама Чарторыйского, разработавшего программу возрождения Польши. Так как главными врагами ее независимости Чарторыйский считал Австрию и Россию, то применительно к Балканам ставилась задача их освобождения от влияния этих двух держав путем создания на полуострове специальных польских агентств. В своей деятельности лидер польской эмиграции рассчитывал на поддержку Франции, Англии и Османской империи⁴⁴.

Иначе, чем Порта, отнеслось к сербским событиям правительство России. Оно усмотрело в них нарушающий принципы легитимизма «революционный акт». Но даже не это, хотя подавление любых революционных движений в Европе являлось одной из главных целей внешней политики Николая I, повлияло в первую

⁴³ *Страњаковић Д.* Вучићева буна. Београд, 1936. С. 53, 139.

⁴⁴ *Гросул В.Я.* Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-е – начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. II; *Дурковић-Јакшић Љ.* О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841–1843) // Зборник за историју. 1974. 9. С. 37; Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 94. С. 674.

очередь на негативную оценку мятежа Вучича в России. Основным было то, что российская дипломатия боялась потерять свое преобладающее влияние в этом стратегически важном районе Балкан, которое и так было значительно поколеблено другими державами, и прежде всего Великобританией⁴⁵.

Особые подозрения Николая I вызывала связь уставобранительского режима с польской эмиграцией. О деятельности в Белграде ее агента Людвика Зверковского (известного в Сербии как Луи Ленуар) сообщал Ващенко. Ленуар являлся секретарем Чайковского в Константинополе и был послан оттуда в Сербию вместе с амнистированными уставобранителями в 1841 г.⁴⁶ В Белграде польский агент сразу же предложил Петрониевичу «вступить в тайные сношения с западными державами, чтобы привлечь их на свою сторону и устранить русское влияние среди славянодунайских племен». Глава сербского правительства склонялся к одобрению этого замысла, о чем немедленно было сообщено Чарторыйскому в Париж⁴⁷.

Чарторыйский после переговоров во «французском министерстве» и посольствах Австрии и Англии ответил, что все три державы «готовы содействовать Сербии в деле ее» и заменить русское влияние своим покровительством. Петрониевич после этого призвал «своих единомышленников не опасаться более ничего со стороны России». Причем его во всем поддерживал Паун Янкович, «а все прочие члены Совета молчат обыкновенно и не одобряют поступков его против России». Более того, Стефан Стефанович-Тенка «в разговоре с ними убедился в негодовании их на Авраама и Янковича за несправедливое роптание на Россию»⁴⁸.

В целом царское правительство придерживалось принципа разрешать все конфликты, касавшиеся русско-турецких взаимоотношений, балканских и кавказских проблем, путем двусторонних переговоров с Портой. Показательно, что действия Ващенко, участвовавшего в коллективном демарше белградских консулов, не

⁴⁵ Достян И.С. К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е годы XIX в. // Советское славяноведение. 1966. № 6; Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 166–171.

⁴⁶ Дурковић-Јакшић Љ. О почетку југословенске политике... С. 40.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 253–254.

⁴⁸ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 283–284.

были одобрены в российском МИД. Российскому консулу строго указали, что представителю покровительствующей державы, «которой присвоены в Сербии исключительные права», не следует так поступать, что его подпись «на коллективной ноте иностранных консулов есть некоторым образом признание правильности вмешательства их во внутренние дела Сербии»⁴⁹.

Позиция Австрийской империи во время сербского кризиса была двойственной. Открыто не выступая ни за князя Михаила, ни за уставобранителей, она, тем не менее, сначала симпатизировала последним. Это проявилось, в частности, в деятельности ее консула Д. Атанацковича и выполнявшего специальную миссию австрийского правительства в пограничном с Сербией городе Земуне генерала С. Гауера.

Атанацкович был в близких отношениях с династией Обреновичей (Еврем Обренович был даже крестным отцом одного из его детей) и имел хорошие связи в правящих сербских кругах. Последние инструкции, полученные из Вены, давали ему понять, что Габсбургская монархия всецело заинтересована в сохранении в Сербии мира и порядка⁵⁰. Это повлияло на неприятие австрийским консулом сербского переворота и на его участие в коллективном дипломатическом демарше.

В противоположность Атанацковичу генерал Гауер, бывая неоднократно в Белграде, общался прежде всего с Кьямил-пашой и уставобранителями. Это вызвало подозрение российского консула, который еще за два месяца до переворота доносил в Азиатский департамент МИД, что почти ежедневные посещения австрийским генералом Белградской крепости, свидания его там с Вучичем и Петрониевичем «заставляют думать, что общие действия Гауера и паши направлены против сербского правительства и законного влияния в сем княжестве высочайшего двора»⁵¹.

Помогая уставобранителям, Гауер выходил за рамки своих официальных полномочий. Но вначале австрийские власти смотрели на это сквозь пальцы, так как полагали, что цель Вучича – лишь смена нескольких министров, а не князя. Когда же произошел переворот, Вена стала беспокоиться, что волнения в христианских владениях Турции могут перекинуться и на славянские земли Ав-

⁴⁹ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. Д. 223. Л. 54–54об.

⁵⁰ Вучковић В. Српска криза у Источном питању. С. 45.

⁵¹ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 36–37.

стрийской империи. Министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства К. Меттерних заявил, что сожалеет по поводу активного участия Гауера в сербских событиях, что это никоим образом не отвечало «его положению мирного наблюдателя»⁵². Генерал Гауер был отозван из Земуна, а австрийские власти приняли на своей территории бежавшего князя Михаила Обреновича и его сторонников⁵³.

И все же Меттерних был доволен ослаблением в Сербии русского влияния. Чтобы не раздражать уставобранителей, он заодно отозвал из княжества и консула Атанацковича. Его обязанности были временно возложены на командующего в Земуне генерала М. Унгерхофера. А Гауеру не чинились препятствия вновь наезжать в Белград, встречаться с Вучичем и Петрониевичем и ночевать в Белградской крепости⁵⁴.

В целом у Австрии были традиционно прочные позиции в Сербии, которые обуславливались экономическими причинами и даже географическим положением. Как писал несколько позже, в 1845 г., русский консул Г.И. Данилевский, «воспитатели юношества, судьи, разбирающие споры, возникающие в недрах сербских фамилий, медики, работники – всё здесь, без исключения, австрийское. В учебных заведениях изучают только два языка – сербский и немецкий. Научкам обучают согласно методам и системам, принятым в австрийских школах... Когда обращаешь внимание на эти огромные возможности для германизации, несказанно удивляешься тому, что Австрия... по сей день не добила никакого зримого успеха»⁵⁵.

Вместе с Ващенко и Атанацковичем, как уже упоминалось, в коллективном протесте держав против переворота в Сербии участвовали консулы Франции и Великобритании. Правительства этих стран, также стремившиеся к ограничению русского влияния на Балканах, моментально почувствовали неплохую перспективу для продвижения своих интересов. Они лишь боялись дать России повод для перехода к решительным действиям, а потому направляли процесс в русло мирных, дипломатических решений. В то время как Петербург стремился решать все сербские вопросы

⁵² *Страњаковић Д.* Вучићева буна. С. 146; *Поповић В.* Меттернихова политика на Блиском Истоку. Београд, 1931. С. 184–185.

⁵³ *Попов Н.* Россия и Сербия. С. 179.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1842. Д. 223. Л. 8.

⁵⁵ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 348.

путем двусторонних переговоров с Османской империей, западноевропейские державы старались навязать принцип коллективных действий. Выступая совместно с Ващенко и Атанацковичем, они создавали удобный прецедент на будущее.

Из двух западноевропейских держав наиболее сочувственно к уставобранителям относилось правительство Франции. Поэтому вскоре после совместного демарша консулов Д.М. Кодрика получил выговор и приказ «впредь воздерживаться от подобных поступков», могущих принести вред новому режиму⁵⁶.

Получив сведения о согласии Порты на избрание сербским князем Александра Карагеоргиевича, Николай I через посланника в Константинополе А.П. Бутенёва передал послание султану Абдул-Меджиду. В нем турецкая сторона обвинялась в нарушении договорных обязательств и подчеркивалось, что Россия никогда не признает «незаконное и несправедливое положение, которое произведено мятежом». Николай I сообщал также, что для рассмотрения создавшегося положения на месте он посылает в Турцию и Сербию в качестве

специального комиссара своего флигель-адъютанта барона Ливена⁵⁷.

Проездом в Вене В.К. Ливен⁵⁸ имел долгий разговор с Меттернихом, после которого австрийский канцлер окончательно осудил и переворот в Сербии, и признание Турцией нового князя. Затем Ливен прибыл в Белград. Официальные контакты он поддерживал только с Кьямил-пашой, но в присутствии турецкого коменданта сумел переговорить также с Вучичем и Петрониевичем: сначала в Белградской крепости, а затем и в российском консульстве. Ливена не удовлетворили переданные ему сербскими руководителями обвинения в адрес князя Ми-

Илл. 4. Аполлинарий
Петрович Бутенёв

⁵⁶ Стражаковић Д. Вучићева буна. С. 154–155.

⁵⁷ Попов Н. Россия и Сербия. С. 184–186.

⁵⁸ Ливен Вильгельм Карлович (1800–1880 или 1881), барон, генерал-майор (с 1842 г.), флигель-адъютант императора (с 1836 г.). В 30-е годы уже выполнял дипломатическое задание в Константинополе. См.: Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 225; Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. С. 694.

хаила. По словам русского комиссара, никакие жалобы не могли оправдать восстание против законного правителя, утвержденного господствующим и покровительствующим дворами⁵⁹.

После этого Ливен выехал в турецкую столицу, где более месяца вел переговоры с министром иностранных дел Порты Сарим-эфенди. Последний аргументировал законность избрания князя Александра тем, что Михаил – не старший сын и на него не распространялось право наследования власти. В берате, подтверждавшем княжеское достоинство Михаила, было сказано лишь, что он провозглашен князем на основе «народного избрания». Условиями его правления, по словам Сарим-эфенди, объявлялись верность сербского князя султану и уважение народных прав. И именно эти условия Михаил нарушил⁶⁰.

Франция пыталась помочь Порте, предложив обсудить сербский вопрос на специальной конференции держав. Но австрийское правительство, первое, к кому обратились французы с такой идеей, наотрез отказалось. Меттерних уже заметил связь сербских событий с интригами польской эмиграции и полностью поддерживал деятельность царских дипломатов в Константинополе и их требования. Опытный канцлер не без основания полагал, что эта эмиграция борется не только против России, но и против Австрии⁶¹.

В этих условиях Меттерних больше склонялся к тому, что лучшим сербским князем для Австрии был бы не Александр Карагеоргиевич и не Михаил Обренович, а старый Милош. Его деспотическая манера правления могла бы, с одной стороны, подавить все революционные выступления, а с другой – противостоять активной русской политике на Балканах. В то же время Меттерних высокомерно заявлял, что для австрийского правительства не так уж важно, кто будет сербским князем. Сербией в любом случае будут

Илл. 5. Вильгельм
Карлович Ливен

⁵⁹ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 177–177об.; Вучкович В. Српска криза у Источном питању. С. 69, 71–72; Попов Н. Россия и Сербия. С. 186.

⁶⁰ Вучкович В. Српска криза у Источном питању. С. 76–78.

⁶¹ Страняковић Д. Вучићева буна. С. 155; Попович В. Указ. соч. С. 185.

дурно управлять, так как «в этой варварской стране нет способных и культурных людей»⁶².

В самом конце января 1843 г. было, наконец, сформулировано ответное послание Абдул-Меджида русскому царю. В нем в основном излагалась прежняя турецкая позиция. Согласие на избрание князем Александра объяснялось не только проступками Михаила, но и его бегством из страны и нежеланием искать убежища в Белградской крепости. Поддержав уставобранителей, турецкая сторона лишь не допустила дальнейших смут и кровопролития. В конце послания заявлялось, что решения, которые предлагают Ливен и Бутенев, «никоим образом не могут быть согласны ни с нашим достоинством, ни с правом нашей верховной власти»⁶³.

Российские дипломаты даже не сочли возможным направлять такой ответ царю, а лишь проинформировали о содержании послания своего министра К.В. Нессельроде. Но ждать больше было нельзя. Петербург решил перейти к решительным действиям. После соответствующих инструкций Бутенев предъявил Сарим-эфенди следующие требования: Александр Карагеоргиевич отрекается от престола; выборы сербского князя проводятся вновь «согласно конституции»; помогавший перевороту Кьямиль-паша смещается со своего поста; Вучич и Петрониевич как «главные бунтовщики» высылаются из Сербии. В случае негативного ответа Бутенев уполномочивался самостоятельно, не дожидаясь решения своего правительства, оказывать дальнейшие меры воздействия на Порту, вплоть до разрыва дипломатических отношений⁶⁴.

Дело стало принимать крайний оборот, и турки, в конце концов, были вынуждены уступить. Это советовали сделать и австрийские дипломаты. В апреле 1843 г. Сарим-эфенди в письменном виде дал согласие на замену коменданта Белградской крепости и высылку из Сербии вождей уставобранителей. Также было удовлетворено требование о новом избрании сербского князя, хотя Порты и просила при этом о действии своему ставленнику Александру Карагеоргиевичу⁶⁵.

В мае царское правительство, заявив в очередном своем послании, что новые выборы должны состояться в присутствии русского и турецкого комиссаров, уже не настаивало на исключении Алек-

⁶² Там же.

⁶³ Попов Н. Россия и Сербия. С. 208–210.

⁶⁴ Вучкович В. Српска криза у Источном питању. С. 82–86.

⁶⁵ Там же. С. 84–86, 89–90.

сандра Карагеоргиевича из числа кандидатов на престол, «ибо сербы имеют право, основанное на трактатах, свободно избирать себе князя». Более того, оно пожелало даже, чтобы Михаил Обренович «по молодости лет его и по другим не менее важным причинам» был отстранен от участия в выборах. О Милоше Обреновиче не говорилось ничего. В духе этого русского послания был составлен турецкий ферман на имя нового коменданта Белградской крепости Хафиз-паши, предписывавший ему организовать повторные княжеские выборы⁶⁶.

Таким образом, правительство России само не стало настаивать на сохранении престола в руках Михаила, то есть на возвращении к положению, существовавшему в Сербии до переворота. А именно это отвечало бы принципам легитимизма. По-видимому, учитывая настроения в княжестве, оно пришло к заключению, что требование возвращения Михаила нереально и чревато новыми волнениями с непредсказуемыми результатами. В слабовольном же и неопытном Александре Карагеоргиевиче Россия не видела угрозы для своего влияния. Тот же Ливен говорил Сарим-эфенди, что в сущности сербскими князьями являются Вучич и Петрониевич, а не Александр⁶⁷. Об этом же писал тогда один из сторонников Обреновичей: «Влияние князя на государственные дела очень мало... Все, что происходит, совершает Вучич как диктатор...»⁶⁸

2. Борьба уставобранителей за укрепление своей власти

Когда уставобранители после поднятого Вучичем мятежа повторно пришли к власти, им было уже ясно, что пока на престоле остается представитель династии Обреновичей, их положение не будет прочным. Опыт времен конфликта с князем Михаилом в 1840 г. показывал, что для утверждения группировки у власти необходима смена правящей династии. Наиболее подходящей кандидатурой им представлялся Александр Карагеоргиевич. Он не был искушен в делах, не мог ограничить их власть, но благодаря своему отцу был достаточно популярен в народе.

⁶⁶ Попов Н. Россия и Сербия. С. 223.

⁶⁷ Страняковић Д. Вучићева буна. С. 82–83.

⁶⁸ Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 154.

В своей борьбе за власть уставобранители искали поддержки вовне, прежде всего в Константинополе. Но опора на многовекового врага сербской независимости – Османскую империю – была ненадежна и вряд ли могла соответствовать народным представлениям. Необходимо было заручиться и поддержкой какой-нибудь европейской державы.

Такие попытки делались через австрийского генерала С. Гауера, а когда он был отозван – через польского агента Людвика Зверковско-Ленуара, который одно время даже жил в доме Петрониевича. Давление России на Сербию еще больше укрепило это сотрудничество. Ленуар передавал Чайковскому письма князя Александра, Петрониевича и Гарашанина. Сербский князь писал также в Париж непосредственно Адаму Чарторыйскому, благодаря его за поддержку и высказываясь за дальнейшие тесные связи между сербами и польскими эмигрантами. Одной из идей, которые Петрониевич вынашивал и о которой через Ленуара сообщил Чарторыйскому, было провозглашение Сербии королевством. Польский князь передал эту идею во французское Министерство иностранных дел и в посольства Англии и Австрии⁶⁹.

В феврале 1843 г. Петрониевичу было передано письмо Чайковского, в котором тот по поручению Чарторыйского сообщал о поддержке уставобранительского режима со стороны Франции и советовал Сербии и Турции не уступать угрозам Николая I. По получении этого письма сербский премьер наказывал А. Симичу в Константинополь «не допускать турецких министров до уныния и одушевлять их надеждой на помощь европейских дворов»⁷⁰. Кроме того, для укрепления взаимодействия с польской эмиграцией в марте в Париж в качестве неофициального представителя при Адаме Чарторыйском был послан Димитрие Црнобарац⁷¹.

Однако попытки уставобранителей заручиться через поляков деятельной поддержкой Парижа оказались тщетными. Французское правительство, хотя и симпатизировало новым сербским властям, все же не решилось активно содействовать акциям Чарторыйского на Балканах. Раздавая польским эмигрантам определенные посулы, оно использовало их исключительно ради достижения

⁶⁹ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 34об., 242–242об.; *Дурковић-Јакшић Љ.* О почетку југословенске политике... С. 40, 42; *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. 1791–1852. Београд, 2012. С. 162–163.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 289об.–290.

⁷¹ *Вучковић В.* Српска криза у Источном питању. С. 103.

французских целей в Восточном вопросе. Министр иностранных дел Франции Ф. Гизо позже писал, что возрождение Польши никогда не было действительной целью его страны⁷².

В конце апреля в княжестве узнали о согласии Порты на русские требования. Не желая покинуть Сербию, Вучич вызвался в случае необходимости возглавить вооруженное сопротивление. Но члены Совета не захотели заходить так далеко и решились на перевыборы. Однако до их проведения они просили у Порты не изгонять из страны Вучича и Петрониевича. Это оправдывалось тем, что в противном случае сторонники Обреновичей не замедлят поднять восстание. Узнав о таком решении, комендант Белградской крепости Хафиз-паша, несмотря на протесты Ващенко, запросил новых инструкций из Константинополя⁷³.

Оставшееся до выборов время уставобранители использовали для обеспечения своей победы на предстоящей скупщине. На заседаниях министров и советников было решено вновь голосовать за Александра Карагеоргиевича. Тогда же в Белград нелегально под видом французского офицера Жана де Кано приезжал Чайковский, который, как и за месяц до этого Лемуар, остановился в доме Петрониевича. Чайковский и руководил фактически подготовкой к выборам, присутствуя на всех заседаниях сербского правительства⁷⁴.

В конце мая 1843 г. из Константинополя в Белград приехал барон В.К. Ливен, а спустя несколько дней состоялось заседание так называемой «малой скупщины», определявшей порядок и способ выборов князя. Больше всего ее делегатов волновал, тем не менее, не вопрос нового князя, а вопрос высылки из Сербии Вучича и Петрониевича. Участники скупщины направили депутацию в 150 человек к царскому комиссару, и тот неожиданно пошел на уступки. После переговоров Ливена с приехавшим также в Белград новым турецким министром иностранных дел Рифат-пашой и двумя сербскими представителями (председателем Совета С. Симичем и членом Совета С. Стефановичем-Тенкой) было решено, что Вучич и Петрониевич поедут не в Константинополь, как предполагалось ранее, а в сербский город Крагуевац⁷⁵.

⁷² Там же. С. 99.

⁷³ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 356–356об.

⁷⁴ *Жакшић Г., Страњаковић Д.* Указ. соч. С. 99; *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. С. 165–166.

⁷⁵ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 52–53.

Пребывание в стране во время выборов двух главных уставобранителей фактически предопределяло переизбрание Александра Карагеоргиевича. Именно так и воспринял это решение И. Гарашанин. Он с воодушевлением писал, что решения на «малой скупщине» приняты согласно желаниям сербского народа и что он даже не надеялся на столь благоприятное разрешение Ливеном их просьбы⁷⁶.

В. Вучкович в своей монографии «Сербский кризис в Восточном вопросе», рассуждая о неожиданной уступчивости Ливена, полагал, что тот в разговорах с уставобранителями убедился в неискренности их туркофильства и понял, что их национализм рано или поздно приведет к конфликту с Турцией и сближению с Россией. Кроме того, еще до приезда Ливена Белград покинул вызывавший подозрение российских дипломатов польский агент Зверковский (Ленуар)⁷⁷. Важность отъезда Ленуара из Белграда подчеркивает и Р.Й. Попович⁷⁸.

Однако этот вывод трудно полностью разделить. По поводу Ленуара Ващенко сообщал в Петербург, что польский агент выехал «во внутренность Сербии с намерением внушать сербам превратные мысли о России, а напротив склонять их в пользу Франции»⁷⁹. Ливен этого не мог не знать. И именно связи уставобранителей с польской эмиграцией, боязнь «революционных» потрясений в княжестве, рост там влияния Франции гораздо больше затрагивали в тот момент интересы царского правительства, чем мнимое или действительное туркофильство нового режима.

Нам представляется, что Ливен был, по-видимому, противником дальнейшего ухудшения отношений с Сербией. А это бы неминуемо произошло, если бы он продолжал настаивать на высылке Вучича и Петрониевича. В отличие от непреклонного в данном вопросе Ващенко, Ливен, познакомившись с позициями великих держав в Константинополе и с обстановкой в самом княжестве, явно стал проявлять большую гибкость, склоняться к компромиссным решениям. Его позиция свидетельствовала, что в российских правительственных кругах при всей первоначальной непримиримости

⁷⁶ Преписка Илије Гарашанина. Књ. 1. Београд, 1950. С. 36. Характерно, что даже в «Начертании» И. Гарашанин в одном месте отступил от описания стратегических задач княжества и, обратившись к современным ему событиям, назвал В.К. Ливена мудрым советчиком.

⁷⁷ Вучковић В. Српска криза у Источном питању. С. 109.

⁷⁸ Поповић Р.Ј. Аврам Петронијевић. С. 169–170.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. Д. 6. Ч. II. Л. 319.

к уставобранителям существовали уже различные точки зрения на решение сербской проблемы.

Кстати сказать, и задание, полученное Ливеном перед поездкой, располагало к подобной умеренности. Он должен был «советами своими водворить между влиятельнейшими старейшинами мир и согласие, успокоить умы» и внушать сербам избегать всего, «что могло бы снова нарушить общественное спокойствие». И далее: «Не желая нисколько стеснять сербов в свободном, но правильном выборе нового князя, высочайший двор приглашает генерала Ливена воздержаться тщательно от всего, что бы могло подать повод думать, будто бы Россия благоприятствует кому-либо из лиц, могущих быть избранным, и намерена употребить нравственное свое влияние в пользу того или другого»⁸⁰. Конечно, в поручении добиться «свободного», но «правильного» выбора было определенное противоречие, но, в любом случае, жесткой такую позицию назвать никак нельзя.

Другим решением «малой скупщины» было разрешение лицам, покинувшим страну в связи с переворотом, вернуться в Сербию и принять участие в выборах. Правда, количество таких людей жестко ограничивалось. Разрешение на въезд в Сербию распространялось только на уроженцев княжества; на лиц, не замешанных в убийствах и других преступлениях и не подозреваемых в том, что они могут вызвать волнения в стране. Фактически эти ограничения распространялись на большинство сторонников Обреновичей. Лишь небольшое их число смогло прибыть в Сербию, да и то только накануне скупщины. Большинство сербских беженцев решило вообще не рисковать и не принимать участие в выборах.

Кроме того, на «малой скупщине» для проведения выборов и для управления страной до подтверждения избрания Турцией и Россией нового князя было создано временное правительство. В него вошли С. Стефанович-Тенка, М. Здравкович-Ресавац и Л. Теодорович⁸¹.

После этого Александр Карагеоргиевич отрекся от престола и уехал в Раковицкий монастырь под Белградом ожидать результаты новых выборов. Для его охраны в монастырь была послана регулярная сербская конница. Петрониевич уехал в Ягодину, а Вучич, отправ-

⁸⁰ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 290–291.

⁸¹ Попов Н. Россия и Сербия. С. 223–224; Вучковић В. Српска криза у Источном питању. С. 108.

Илл. 6. Князь Александр
Карагеоргиевич

ляясь в Крагуевац, взял с собой для охраны часть войска и четыре пушки (другая часть сербского войска и артиллерии оставалась в Белграде для защиты предстоящей скупщины). Вучич уполномочивался также в случае возникновения беспорядков «стать во главе армии и народа»⁸².

15 июня 1843 г., в легендарный для сербов день Св. Вита (серб. Видовдан)⁸³, в пригороде Белграда Топчидере в присутствии российских и турецких представителей состоялись новые княжеские выборы. Перед началом скупщины Хафиз-паша (через переводчика), а затем знавший сербский язык Ващенко⁸⁴

объявили депутатам, что, поскольку Александр Карагеоргиевич отрекся от престола, а Михаил Обренович исключен из числа кандидатов на него, необходимо избрать нового князя. Как и ожидалось, на состоявшихся затем выборах князем вновь выбрали Александра Карагеоргиевича. На другой день после скупщины Ливен, посчитав свою миссию выполненной, отбыл в Петербург⁸⁵.

Сразу же после выборов сербским правительством было составлено послание султану Абдул-Меджиду с просьбой утвердить их результаты и помиловать Вучича и Петрониевича. Аналогичное прошение направили и на имя русского царя. Однако откликнуться на него Николай I не пожелал. Более того, в Варшаве по пути в Петербург Ливен получил письмо от Нессельроде с приказом воз-

⁸² Страњаковић Д. Влада уставобранитеља... С. 53–55; Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 158–159.

⁸³ В этот день в сербской истории происходили многие судьбоносные события, достаточно назвать Косовскую битву 1389 г. или убийство Франца Фердинанда в 1914 г. в Сараево.

⁸⁴ Впрочем, по свидетельству И.И. Срезневского, Ващенко хоть и говорил по-сербски, но плохо. См.: Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. С. 181.

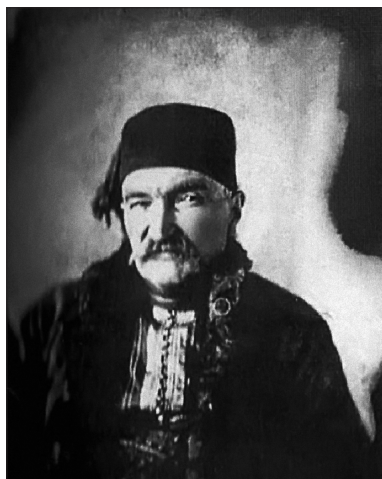
⁸⁵ Попов Н. Россия и Сербия. С. 225–227.

вращаться в Белград. Хотя деятельность Ливена в этом письме в целом была одобрена, ему было указано на невыполнение постановления об удалении из Сербии Вучича и Петрониевича. Это требование царский представитель должен был подкрепить угрозой неполучения Александром Карагеоргиевичем султанского берата, утверждающего его в княжеском достоинстве⁸⁶.

Вернувшись в Сербию, Ливен сообщил об этом приказе Ващенко и добавил даже, что в случае необходимости Россия сможет употребить все меры «к усмирению бунтовщиков». По-видимому, речь шла о намерении Николая I послать в Сербию 20-тысячный корпус, расквартированный у Могилева⁸⁷. В истории отношений двух стран это был редчайший эпизод. Р.Й. Попович пишет даже, что, «похоже, это был единственный случай, когда Россия угрожала Сербии военным вторжением»⁸⁸.

Таким образом, оказалось, что российский МИД и лично Николай I настроены куда более непримиримо по отношению к новым сербским властям, чем предполагал Ливен. Имевшаяся договоренность с Портой о высылке Вучича и Петрониевича и невмешательство других держав позволяли Петербургу настаивать на своем. Более того, с венским двором уже шли переговоры о пропуске через австрийскую территорию русских войск, если Вучич и Петрониевич останутся в стране. Меттерних поддержал требование об их высылке, так как полагал, что после этого у России пропадет всякий повод для активного вмешательства в сербские дела⁸⁹.

В такой ситуации сербы должны были смириться. На очередной

Илл. 7. Тома Вучич-Перишич

⁸⁶ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1843. Д. 6. Ч. II. Л. 389; Попов Н. Россия и Сербия. С. 227–228.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Поповић Р.Ј. Аврам Петронијевић. С. 171.

⁸⁹ Вучковић В. Српска криза у Источном питању. С. 117; Поповић В. Меттернихова политика на Блиском Истоку. С. 190.

Илл. 8. Аврам Петрониевич

скупщине в Крагуеваце после сообщения Ливена Вучич и Петрониевич заявили, что подчиняются силе и покидают страну с надеждой доказать свою невиновность. За это решение и проголосовала скупщина, составив тут же прошение на имя Николая I с просьбой помиловать двух старейшин. Ходатайствовать об этом обещал сербам и сам барон Ливен. Он выразил сожаление о том, что получение приказа о возвращении в Белград не дало ему возможности употребить «все усилия, чтобы склонить императора к помилованию Вучича и Петрониевича»⁹⁰.

После заседания скупщины Вучич и Петрониевич с супругами отбыли сначала по Дунаю в болгарский город Видин. И уже оттуда, несмотря на то, что одной из причин их высылки была связь с польской эмиграцией, обратились к эмиссару Чарторыйского в Лондоне В. Замойскому. Петрониевич сообщал ему о последних событиях и просил посодействовать в том, чтобы изгнание не было долгим⁹¹.

После отъезда сербских старейшин 2 сентября 1843 г. был, наконец, получен султанский берат, подтверждавший повторное избрание Александра Карагеоргиевича. Причем сделано это было после предварительных согласований с Россией. Следует подчеркнуть также, что по этому берату Александр, в отличие от Милоша Обреновича, оказался в достаточно уязвимом положении, поскольку ему не было пожаловано право на наследственную княжескую власть⁹².

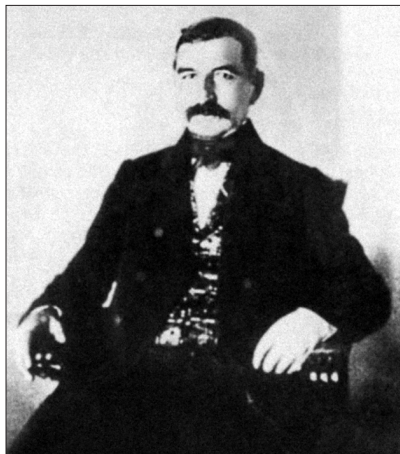
Длившаяся ровно год борьба уставобранителей за признание Турцией и Россией сербским князем Александра Карагеоргиевича

⁹⁰ Попов Н. Россия и Сербия. С. 228–234.

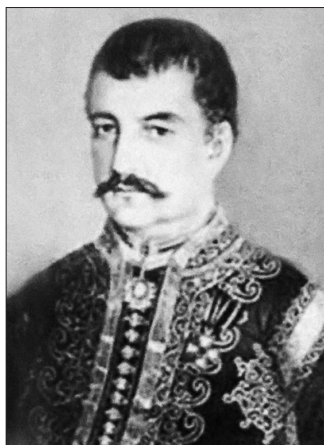
⁹¹ Вучковий В. Српска криза у Источном питању. С. 122.

⁹² АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1843. Д. 224. Л. 36–36об.; Вучковий В. Српска криза у Источном питању. С. 123.

завершилась. Этим в основном закончился и так называемый сербский кризис в Восточном вопросе. Но не все трудности нового режима были преодолены. В изгнании находились лидеры движения уставобранителей – Тома Вучич-Перишич и Аврам Петрониевич. До их возвращения говорить о стабильности в стране было нельзя. И главным образом потому, что все еще грозную силу представляли для сербского правительства сторонники Обреновичей. Кстати, именно реальной опасностью, исходившей от Обреновичей, обосновывали сербские власти свое упорное нежелание расстаться с Вучичем и Петрониевичем.

Илл. 9. Алекса Симич

Илл. 10. Стоян Симич

Став князем, Александр Карагеоргиевич назначил на освободившиеся посты премьер-министром и министром иностранных дел Алексу Симича, а министром внутренних дел – Илию Гарашанина.

Александр Карагеоргиевич стал обживать в новом статусе. Во второй половине 1844 г. он переселился в двухэтажный дворец с шестью комнатами на верхнем и пятью – на нижнем этажах, так называемый Старый конак (между современными Старым и Новым дворцами). Дворец был выкуплен государством у председателя Совета Стояна Симича⁹³

⁹³ Стоян Симич построил этот просторный дом в конце 1830-х – начале 1840-х гг. После его продажи он через дорогу в 1843 г. возвел другой особняк, меньшего размера, на нынешней улице короля Милана. Позже дом и участок земли под ним были выкуплены российской миссией. Со стороны улицы здание было одноэтажным и имело три комнаты с семью окнами, с боковым входом, а из-за неровности рельефа со стороны двора оно имело еще и цокольный этаж. Существует легенда, что между

специально для нужд князя и его двора. Княжеский конак был немного перестроен, в частности, к нему достроили два крыла. Однако Александр Карагеоргиевич получил его лишь в пользование, а не в собственность.

Переезд князя за город, в достаточно безлюдный район, находившийся сразу за Теразие, способствовал быстрому развитию этого места, бывшего когда-то заросшим камышами болотом, где охотились на водоплавающих птиц. Александр Карагеоргиевич въехал во дворец, когда к нему от Варош-капии была вымощена каменная дорога. После князя в этом месте стали строиться и другие видные деятели того времени – Стеван Петрович-Кничанин, Александр Ненадович, Еврем Ненадович, Еврем Гаврилович, Александр Трифкович, Урош Кнежевич⁹⁴.

Выполнив теперь уже окончательно свою миссию, барон Ливен на этот раз не спешил покидать Белград. Это начинало вызывать беспокойство французского и английского консулов. Помимо всего прочего, Ливен решил дожидаться нового генерального консула своей страны – Г.И. Данилевского⁹⁵. Отзыв Ващенко был связан с установившимися у него неприязненными отношениями с лидерами уставобранительского режима и новым сербским князем, избранию которого он первоначально противился⁹⁶. И только в ноябре

посольством и королевским дворцом пролегал тайный подземный ход. В межвоенный период в бывшем здании посольства находилось представительство российских беженцев, ниже по склону ими в 1933 г. был сооружен сохранившийся до наших дней «Русский дом имени императора Николая II». Здание же посольства (известное как Симичев конак) простояло более 100 лет и было уничтожено в 1957 г. На его месте задумывался небольшой парк с видом на Саву. Долгое время в образовавшемся проеме между домами находился цветочный киоск, а осенью 2014 г., к столетию начала Первой мировой войны, на этом месте воздвигнут памятник русскому царю Николаю Второму.

⁹⁴ *Jovanović N. Dvor kneza Aleksandra Karadorđevića (1842–1858). S. 59–62.*

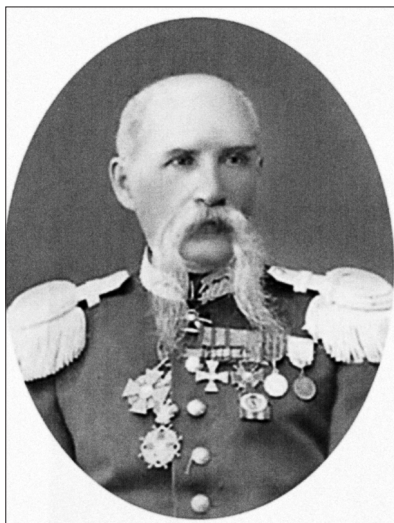
⁹⁵ Данилевский Григорий Иванович (1800 – после 1858), полковник Генерального штаба. Был главой военной миссии в Хивинском ханстве, оставив его описание. Генеральный консул в Сербии в 1843–1849 гг. Оставил службу по болезни в чине генерал-майора. Племянником Г.И. Данилевского был Н.Я. Данилевский, автор знаменитой книги «Россия и Европа» (см.: Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 318).

⁹⁶ Тем не менее, К.В. Нессельроде ходатайствовал перед Николаем I о награждении Г.В. Ващенко орденом Св. Анны 2-й степени (Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 315).

1843 г., дождавшись приезда нового российского консула, Ливен выехал в Петербург⁹⁷.

За это время специальный комиссар Николая I установил довольно хорошие отношения с сербским руководством. Когда Порта, поддерживавшая уставобранителей с самого начала, но теперь уже не желавшая нового конфликта с Россией, потребовала от Вучича и Петрониевича переселиться подальше от сербской границы, именно Ливен успокаивал сербов. Он говорил, что лидеры уставобранителей ничем новым не прогневали Россию и что он уже докладывал Николаю I об их большом вкладе в благополучное завершение скупщины по выборам князя. Уезжая, Ливен обещал князю Александру просить царя о скором возвращении Вучича и Петрониевича, так как это «желание народа и необходимость для Сербии»⁹⁸. Позже царский посланник был награжден Александром Карагеоргиевичем и сербским Советом саблей «в знак признательности за труды, понесенные им на пользу отечества их во время пребывания его в Сербии»⁹⁹.

Как и в предыдущий период, когда сербское правительство пыталось добиться признания Александра Карагеоргиевича, в борьбе за возвращение Вучича и Петрониевича оно больше всего рассчитывало на помощь Франции и Англии. Но и в этом случае реальной деятельной поддержки Сербское княжество не получило. Гарашин жаловался, что французы и англичане не идут дальше обещаний и праздных речей и ничего существенного для Сербии не делают. Новый сербский министр был недоволен и позицией Порты. Он писал, что теперь уже не знает, кого считать большим противником возвращения Вучича и Петрониевича: Россию, которая настояла на

*Илл. 11. Григорий Иванович
Данилевский*

⁹⁷ Попов Н. Россия и Сербия. С. 235–236; см. также: Международные отношения на Балканах. С. 143–144.

⁹⁸ Преписка... С. 39, 50, 55.

⁹⁹ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 341.

изгнании, или Турцию, которая могла их защитить, но не захотела этого сделать¹⁰⁰.

Другой задачей нового режима, выдвигавшейся часто на первый план, была борьба против попыток Обреновичей вернуться к власти. Уставобранителям не удалось полностью подорвать их позиции внутри страны. И вне Сербии, в эмиграции, Обреновичи обладали довольно значительными силами. Правда, эти силы были разобщены. Меньшая часть эмигрантов поддерживала Милоша Обреновича, находившегося в Вене и опиравшегося на Австрию, бóльшая – Михаила, имевшего сильные позиции в Воеводине и все еще рассчитывавшего на помощь России.

С конца 1842 г. по конец 1843 г. в Сербии было раскрыто несколько заговоров сторонников Обреновичей. Эта деятельность не прекратилась и после повторного избрания Александра Карагеоргиевича. В самом конце 1843 г. крупный заговор во главе с бывшим министром князя Михаила Цветко Раевичем был раскрыт в Смедерево. В начале следующего года заговорщики были отправлены в Крагуевац и, несмотря на просьбы Г.И. Данилевского, осуждены самым суровым образом¹⁰¹.

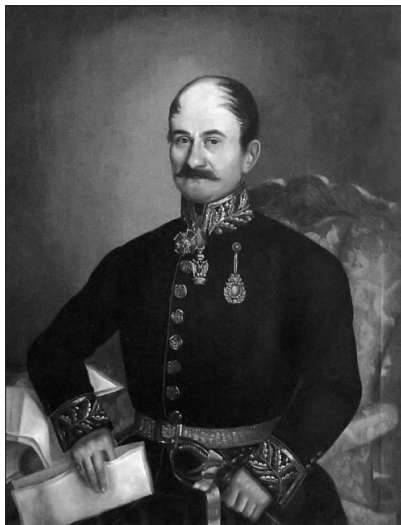
Этот заговор чуть было не привел к новому ухудшению отношений между Сербией и Россией. Просьбы Данилевского не расправляться с заговорщиками были вызваны, скорее всего, боязнью новых волнений. Но активность консула была истолкована как попытка России содействовать Обреновичам в их борьбе за власть. Кроме того, министр внутренних дел Сербии Гарашанин был обеспокоен тем, что в руководстве княжества вновь стали появляться сторонники сближения с Россией. Так, в государственном Совете прорусскую группировку образовал Стефан Стефанович-Тенка. Однако когда Данилевский в обмен на удовлетворение своих просьб предложил добиться для князя Александра титула «светлости» (который в свое время был присвоен Михаилу Обреновичу), а также возвращения в Сербию Вучича и Петрониевича, сербское руководство сразу же заменило смертные приговоры зачинщикам Смедеревского заговора на каторгу¹⁰².

¹⁰⁰ Преписка. С. 46–47, 49–50.

¹⁰¹ Вучковий В. Српска криза у Источном питању. С. 129; Политичке и културне одношине Русије и Србије... С. 317–322.

¹⁰² Преписка... С. 72–73, 74–75.

До этого события на все просьбы сербских властей об амнистии для своих лидеров царское правительство отвечало отказом. Например, в ноябре 1843 г. Нессельроде сообщал князю Александру, что «возвращение Вучича и Петрониевича было бы неудобно». Но положение изменилось. В середине февраля следующего года Россия пожаловала Александру обещанный ему титул «светлость»¹⁰³. А в апреле Данилевский сообщил сербскому князю о намерении царя одобрить возвращение двух старейшин до конца мая¹⁰⁴.

Илл. 12. Стефан Стефанович-Тенка

После этого сербское руководство решило, что Данилевский ему не опасен. Гарашанин писал, что, хотя Россия и назначила пенсии бывшим министрам Михаила Обреновича Протичу и Радичевичу¹⁰⁵, сербское правительство не будет обращать на это внимание. «Мы с русским консулом, – объяснял Гарашанин, – в хороших отношениях, и с каждым днем отношения все улучшаются...»¹⁰⁶

Но ожидаемое возвращение вождей уставобранителей не состоялось. Нессельроде уведомил князя Александра, что «соизволение государя императора приостановилось единственно вследствие получения из Вены известий, будто Вучич и Петрониевич имеют весьма близкие и частые сношения с некоторыми возмутителями из поляков», которые в разных областях Турции, в том числе и в Сербии, стараются «поколебать внутреннее спокойствие края для достижения злонameranых видов своих». Окончательно вопрос будет решен, когда станет ясно, «до какой степени справед-

¹⁰³ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 324.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. ГА V–A2. 1843. Д. 224. Л. 39; Там же. 1844. Д. 225. Л. 3.

¹⁰⁵ О назначении денежных пособий «бывшим сербским попечителям» Райовичу, Протичу и Радичевичу ходатайствовал еще барон Ливен (Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 316, 329).

¹⁰⁶ Переписка... С. 85, 86, 94–95.

лива весть о соучастии Вучича и Петрониевича в замыслах польских эмиссаров»¹⁰⁷.

Именно связи вождей уставобранителей с агентами Адама Чарторыйского вызвали самые большие опасения царского правительства. По той же причине позицию России в вопросе о ссыльных старейшинах часто разделяла Австрия. Нессельроде и Меттерних оправдывали свое вмешательство в сербские дела деятельностью польских эмигрантов, которые пытаются создать в Сербии «очаг революционных переворотов», распространить его на соседние страны и в конечном итоге вызвать европейский конфликт¹⁰⁸.

Постепенно и в руководстве Сербского княжества наметились разные мнения о целесообразности возвращения в страну лидеров уставобранителей. Окружение Александра Карагеоргиевича стало укреплять свою собственную власть и занимать руководящие посты в управлении государством. Оно начинало опасаться возвращения прежде всего такой сильной и популярной в народе личности, как Тома Вучич. Гарашанин с тревогой писал, что некоторые окружающие князя лица теперь тайно выступают против возвращения старейшин, что привело к возникновению двух группировок: сторонников Вучича и сторонников князя¹⁰⁹.

Узнав о том, что их возвращение откладывается, Вучич и Петрониевич, отпустив своих жен в Сербию, сами отправились в Константинополь, чтобы уже там добиваться положительного исхода своего дела. По дороге в Турцию они встретились с Ващенко, направлявшимся к новому месту службы. Сербские старейшины хотели заручиться и его поддержкой, но бывший консул в Сербии дал понять, что он лично «убежден в погрешности их»¹¹⁰. Уже в турецкой столице, ожидая окончательного решения, Вучич и Петрониевич вновь установили контакты с М. Чайковским¹¹¹.

Однако последнее осталось неизвестным российскому правительству. Данилевский сообщал, что известия о связях вождей уставобранителей с польскими эмигрантами объясняются «интригами Милоша и австрийских пограничных чиновников». По считав, что сведения из Вены «не подтвердились положительным

¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. ГА V–A2. 1844. Д. 225. Л. 76–77.

¹⁰⁸ Вучкович В. Српска криза у Источном питању. С. 133.

¹⁰⁹ Преписка... С. 86.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1844. Д. 832. Л. 145.

¹¹¹ Вучкович В. Српска криза у Источном питању. С. 137–139.

образом», царское руководство разрешило Вучичу и Петрониевичу вернуться в Сербию¹¹².

Получив сопровождающие письма к князю Александру и белградскому паше, Вучич и Петрониевич отправились сначала в Галац, а оттуда на пароходе по Дунаю – в Белград¹¹³. Российские дипломаты в разговорах с турецкими властями и с самими старейшинами подчеркивали, сколь необходимо «соблюсти благоразумную скромность и воздержаться от всего, могущего придать их возврату неуместную важность в глазах народа и в их собственном понятии». В конце августа опальные уставобранители были уже в Белграде, где их все-таки торжественно встречали как «защитников народной свободы». Более того, торжества по поводу их возвращения стали одним из самых больших публичных празднований в Белграде того времени. В Соборной церкви была организована специальная служба. Вечером стреляли пушки, играла музыка, а на месте нынешней Студенческой площади зажглась невиданная до тех пор в городе иллюминация. Народные гуляния с обильным питьем и едой продолжались три дня¹¹⁴.

Однако если Петрониевичу были возвращены прежние посты премьер-министра и министра иностранных дел, то Вучич своего старого поста не получил. Он был наименован воеводой, да и то только после того, как разразилась «Катанская буна» (*катана* – по-сербски всадник, отсюда и название) – вооруженный мятеж сторонников Обреновичей.

Сербский кризис и сопутствовавшие ему события, конечно, не повлияли на дальнейшее развитие Восточного вопроса, но внесли некоторые изменения во взаимоотношения великих держав в этом районе Балкан, в их отношения с Сербским княжеством. Это не могло не оказать последующего влияния на внешнюю политику уставобранителей. Небольшому автономному княжеству было трудно, если не невозможно, проводить полностью независимый внешнеполитический курс. Необходимо было опираться на поддержку хотя бы одной великой державы. В свою очередь каждая из этих держав отстаивала свои собственные интересы в Восточном вопросе и, в частности, в делах, связанных с Сербским княжеством.

¹¹² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1844. Д. 832. Л. 132–132об.; Там же. Ф. Отчеты МИД. 1844. Д. 15. Л. 227.

¹¹³ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 340–341.

¹¹⁴ Попов Н. Россия и Сербия. С. 237–238; Вучкович В. Српска криза у Источном питању. С. 137–139; Страњаконич Д. Влада уставобранитеља... С. 65; Попович Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 167–168, 179.

Определяющим моментом в сербском кризисе была политика России, выступавшей в роли покровителя всех христианских народов Османской империи и связывавшей с Сербией и другими южнославянскими землями свои давние интересы на Балканах. С началом сербского кризиса традиционно хорошие отношения между Россией и Сербией были сильно подорваны. Одно время дело чуть ли не дошло до военного вмешательства России во внутренние дела княжества.

Но бытующее в историографии мнение только о таком исключительно бесцеремонном давлении Петербурга на Белград во время сербского кризиса нам представляется односторонним. Действия Ливена, а затем и Данилевского свидетельствовали о том, что по крайней мере некоторые представители царской дипломатии довольно скоро осознали, что надо устанавливать контакты с новым режимом, искать компромиссные решения, что без этого восстановить позиции России в Сербии невозможно. Это осознал и Нессельроде.

Уезжая в Белград, Данилевский получил инструкцию, согласно которой его миссия должна была заключаться в возобновлении русского влияния, в продолжении политической линии, начатой Ливеном. Ему предписывалось безоговорочно считать законным повторное избрание князем Александра Карагеоргиевича. «Надо стараться, – наставлял консула Нессельроде, – создать в Сербии управление сильное и регулярное, способное создать условия, обеспечивающие ему стабильность»¹¹⁵.

В результате стараниями Ливена и Данилевского Россия в какой-то степени вернула свое влияние в Сербии, но оно не достигло прежнего уровня. Р.И. Попович связывает это ухудшение отношений тем, что уставобранители опасались перерастания русского покровительства в русский протекторат. И во время отсутствия в стране Вучича и Петрониевича олицетворением анитирусских настроений стали позиции князя Александра и И. Гарашанина. Но если у Александра Карагеоргиевича были преимущественно личные мотивы, то Гарашанин исходил из государственных интересов¹¹⁶. Как он их, конечно, понимал.

В то же время главные трудности для России заключались не в политике отдельных дипломатов. Проблемы возникали из общего курса России того времени, направленного на сохранение целостности Османской империи. Тот же Нессельроде в 1846 г. писал, что «одной из наиболее трудных проблем нашей политики является

¹¹⁵ АВПРИ. Ф. ГА V–A2. 1843. Д. 224. Л. 29–30.

¹¹⁶ Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 165.

сочетание поддержки у власти султана с покровительством христианскому населению, томящемуся под мусульманским игом»¹¹⁷. Как разрешить это противоречие, было непонятно.

В 1842–1843 гг. во время сербского кризиса режим уставобранителей решил основную «оборонительную» внешнеполитическую задачу этих лет – укрепился у власти и получил правовое признание от союзника и покровителя, от Турции и России. Однако сторонники свергнутой династии еще продолжали представлять грозную силу. В это время сербское руководство с целью придать своему режиму прерванную легитимность было вынуждено четыре раза созывать скупщину.

В этот же период обозначились и сложные внешнеполитические проблемы, стоявшие перед княжеством. Ни одна из европейских держав по разным причинам не оказывала режиму уставобранителей деятельной реальной помощи. Сплотившиеся в борьбе за власть сербские руководители, едва эта задача была в основном решена, стали бороться друг с другом. В руководстве страны явно наметился раскол. Этому, несомненно, способствовала и высылка из Сербии двух влиятельных старейшин, когда князь Александр смог почувствовать себя намного самостоятельнее.

Хорватский историк Д. Агичич указывает, что у уставобранителей проявились три внешнеполитические концепции: туркофильская (Аврам Петрониевич), русофильская (братья Симичи, позже эту позицию разделил Тома Вучич) и «нейтральное течение». К последнему Агичич почему-то отнес Илию Гарашанина. Правда, он тут же пишет, что Гарашанин был расположен к Франции и польским эмигрантам, группировавшимся вокруг князя Адама Чарторыйского¹¹⁸. Получается, что нейтральной позиция Гарашанина отнюдь не была.

Примерно такой же, как и у Агичича, вывод содержится в книге «Новая история сербского народа» (под редакцией Д.Т. Батаковича). В ней говорится, что в связи с поддержкой, которую оказывали или которую ожидали извне, в Сербии образовалось три центра: туркофильский (А. Петрониевич), русофильский (Т. Вучич-Перишич) и нейтральный¹¹⁹. Лидер последнего центра не назван, но, несомненно, имеется в виду И. Гарашанин.

¹¹⁷ Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 125.

¹¹⁸ *Agićić D. Tajna politika Srbije u XIX. stoljeću. Zagreb, 1994. S. 12.*

¹¹⁹ *Батаковић Д.Т., Протић М.Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 153.*

Во многом именно его позиция была определяющей. В отсутствие в стране Вучича и Петрониевича именно на И. Гарашанина легла основная тяжесть решения задачи отстаивания режима уставобранителей. Он сумел отбить все попытки Обреновичей вернуть себе власть. Когда в сентябре 1844 г. старейшины вернулись в Сербию, Гарашанину стало намного легче. Разразившийся тогда же последний и самый крупный мятеж сторонников Обреновичей – Катанская буна – подавлялся уже с помощью Тома Вучича. Освободившись от некоторых текущих государственных обязанностей, Гарашанин смог сконцентрироваться на решении стратегических вопросов. В конце 1844 г. им была составлена программа внешней и национальной политики Сербского княжества¹²⁰.

3. «Созданный возглавлять государство»

Великий сын сербского народа, один из общепризнанных «сербских великанов» Илия М. Савич-Гарашанин заслуживает отдельного разговора. Он, безусловно, – центральная и самая крупная фигура Сербии времен автономии. Даты его жизни (1812–1874) почти точно укладываются в промежуток от начала до окончания борьбы сербов за воссоздание своего государства. Фактически Гарашанин вступил во взрослую жизнь одновременно с возникновением автономной сербской государственности и ушел в мир иной незадолго до обретения Сербским княжеством полной независимости. Именно сербскому государству он без остатка посвятил всю свою богатую на события жизнь.

Илия Гарашанин родился на исходе Первого сербского восстания против турок 16 января 1812 г. в самом центре тогдашнего Белградского пашалыка, близ города Крагуеваца в селе Гараши (отсюда и прозвище, переросшее в фамилию). Гарашанины вели свое происхождение от фамилии Бошковичей, принадлежавшей черногорскому племени Белопавличей, из села Орья-Лука близ современного города Даниловграда. Отец Илии, Милутин Савич, был крупным скотоводом и торговцем и пользовался у сербов большим влиянием. В качестве воеводы он участвовал в обоих Сербских восстаниях (1804–1813 и 1815), а затем был членом Государственного совета автономного Сербского княжества во время первых правлений князей Милоша и Михаила Обреновичей.

¹²⁰ *Лушић Р.* Књига о Начертанију. С. 62–63.

В детстве маленький Илия вместе с братьями пас скот в имении своего отца. Одновременно Милутин Савич пытался дать сыну домашнее образование, а затем отправил его учиться в соседнюю Австрийскую империю, на территорию современной Воеводины. Получить хорошее образование в самой Сербии в то время было практически нигде. Илия посещал сначала греческую школу в Земуне (Срем), а затем доучивался в немецкой – в Ораховице (Банат). В последней он выучил немецкий – единственный иностранный язык, которым владел¹²¹. На

Илл. 13. Илия Герашанин

обе школы Илия потратил около четырех лет и больше нигде толком не учился, оставаясь, по сути, блестящим самоучкой. В 1832 г. 20-летний Гарашанин женился на Софии (Соке) Данич. От этого долгого и счастливого брака у них было два сына – Светозар и Милутин.

Как раз к тому времени сербская государственность возникла вновь после многовекового небытия. В 1834 г., на двадцать втором году жизни, Илия начал государственную службу в качестве таможенника в местечке Вишнич около Белграда, на пограничном с Австрией Дунае. Через три года князь Милош Обренович по просьбе Милутина Савича вызвал Илию к себе. Он поручил молодому человеку управлять своим небольшим военным штабом. И. Гарашанин, хотя и не имел никакой военной подготовки, сразу же получил звание полковника. Вскоре вместо этого военного штаба было образовано военное отделение при министерстве внутренних дел. Его начальником остался И. Гарашанин. Он занялся разработкой военных законов и формированием так называемой «гарнизонной армии», ставшей прообразом первого сербского регулярного войска. С этих пор началось почти непрерывное тридцатилетнее пребывание И. Гарашанина на руководящих постах Сербского княжества.

Молодую сербскую автономию раздирали междоусобицы. В этой внутривластной борьбе семья Гарашаниных оказалась в

¹²¹ Д.Т. Батакович утверждает, что Гарашанин еще мог читать и писать на греческом языке // *Bataković D.T. The Foreign Policy of Serbia (1844–1867)*. S. 130.

лагере уставобранителей, то есть противников самоуправления князя Милоша Обреновича. В 1840 г. после очередного конфликта с князем Илия вместе с отцом и старшим братом Лукой, наряду с другими уставобранителями, оказался высланным из страны. Братья еще смогли задержаться в приграничном болгарском Видине, а их отец был вынужден уехать отбывать ссылку в Константинополь. Правда, уже через год все они смогли вернуться в Сербию.

В 1842 г. уставобранители в результате мятежа Вучича захватили власть и избрали князем Александра Карагеоргиевича. Отец и брат И. Гарашанина во время этого мятежа были зверски убиты. Их отрубленные головы насадили на колы, засунув каждой в рот по зажженной трубке. Сам же Илия после победы уставобранителей был назначен членом Государственного совета и заместителем министра внутренних дел при министре Т. Вучиче. В 1843 г., после того как вожди уставобранителей по требованию России за совершенный переворот были высланы из страны, Гарашанин остался лидером этой группировки в Сербии. Он занял освободившийся пост министра внутренних дел и почти полных десять лет находился на этой должности. В тогдашней Сербии пост министра внутренних дел был наиболее важным. В ведении Гарашанина были армия, полиция, экономика, транспорт, здравоохранение, почта.

Во многом благодаря усилиям И. Гарашанина уставобранители в тот период смогли удержаться у власти. Сербский министр смог подавить все попытки находившихся в эмиграции Обреновичей вернуться в страну. Причем действовал он решительно и твердо, установив внутри княжества жесткий полицейский режим. По его инициативе в 1850 г. был принят Полицейский законник, предусматривавший наказание палками; а в 1852 г. – закон против распространения ложных слухов о правительстве и власти. По складу своего характера Гарашанин любил строгий порядок и дисциплину. Он никогда не менял своих консервативных, в чем-то даже патриархальных взглядов на устройство государства, и в целом считается основателем не только полицейской, но и всей бюрократической системы Сербии, надолго пережившей своего создателя. Требовать от Гарашанина чего-то другого, более либерального, было бы наивным.

Сербия в то время была воистину глухими задворками Европы. Под стать был и менталитет местного населения, причем не только народа, но и верхушки. Турецкое влияние буквально пронизывало все стороны жизни сербского общества. В этих условиях 32-летний самоучка Гарашанин сформулировал программу «Начертание»

(1844 г.), где с самых первых строк ставилась задача «встать в один ряд с остальными европейскими государствами». Эта программа остается едва ли не самым цитируемым документом новой сербской истории. Споры и дискуссии вокруг этой сербской внешнеполитической и национальной доктрины не утихают до сих пор.

В 1852–1853 гг. Илия Гарашанин занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел. Правда, вскоре князь Александр Карагеоргиевич отправил его в отставку по требованию России и Австрии, которые не могли простить сербскому премьеру тесные связи с польской эмиграцией и ориентацию на Францию. Однако уже в 1856 г. Гарашанин был возвращен в Государственный совет. Его также считают одним из организаторов созыва Свято-андреивской скупщины (1858), которая отправила в отставку уже князя Александра Карагеоргиевича, а к власти в стране вернула династию Обреновичей.

Хотя на самой скупщине Гарашанин не был особенно заметен и бал правили другие политики, его карьера вновь, как бы по второму кругу, пошла вверх. Свою государственную деятельность он продолжил в 1858–1859 гг. на посту министра внутренних дел и в 1861–1867 гг. – будучи премьер-министром и министром иностранных дел.

Таким образом, Гарашанин оказался замешанным в отстранении от власти как династии Обреновичей, так и династии Карагеоргиевичей. Его никак нельзя считать убежденным сторонником какой-либо одной из двух сербских династий. Для него вопрос династических споров всегда играл второстепенную подчиненную роль, главным было освобождение и объединение сербов. Ходили слухи, что Илия Гарашанин в начале 1850-х гг. и сам примерялся к сербскому престолу¹²². Известно также письмо Гарашанина, которое он в 1855 г. отправил французскому министру иностранных дел и в котором развивал мысль о приглашении на сербский престол иностранного принца, поскольку «сербский народ имеет неудачный опыт со своими князьями, плохо образованными и неспособными создать в стране порядок, отвечающий потребностям времени и интересам народа»¹²³.

Нельзя также сказать что-то определенное и про его внешнеполитические пристрастия. В период правления уставобранителей

¹²² Љушић Р. Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812–1874). Београд, 1991. С. 184.

¹²³ Страњаковић Д. Илија Гарашанин. Крагујевац, 2005. С. 174–176.

Гарашанин предлагал в борьбе с Турцией искать поддержки на Западе, прежде всего во Франции. Но сами уставобранители пришли к власти при поддержке именно Турции и на словах всегда выказывали Порте полную лояльность. Позже Гарашанин переориентировался на Россию, а подготовку войны против Турции уже почти не скрывал. Это было, когда в 1861–1867 гг. он стал главной опорой князя Михаила Обреновича. По словам Д. Страняковича, «в это время Гарашанин был великим русофилом и имел большую поддержку от России по всем внешнеполитическим вопросам»¹²⁴.

Сербский премьер по-прежнему был противником либеральных идей. Он считал, что авторитарная и патриотическая власть легче решит задачи, стоявшие перед сербами. Тесной связи между внутренними преобразованиями и решением национальных задач Гарашанин не видел. Но основным направлением деятельности Гарашанина в этот период все-таки была внешняя политика.

Первый большой успех на этом поприще – выселение турок из княжества. После инцидента, известного как бомбардировка Белграда (1862), и долгих дипломатических переговоров в Константинополе турки в 1867 г. были вынуждены покинуть крепости в Ужице и Соколе. Затем ими были оставлены еще четыре крепости – в Белграде, Шабаци, Смедерево и Кладове. Символично, что во главе княжеской гвардии сербский флаг над Белградской крепостью водрузил старший сын Или Гарашанина – Светозар. Это было триумфом.

Ликвидация последних шести турецких крепостей означала обретение Сербией полной внутренней независимости. Векового неприятеля на территории княжества больше не было. Недаром названия этих шести сербских городов выбиты на постаменте известного конного памятника Михаилу Обреновичу в самом центре Белграда.

Но главным совместным детищем И. Гарашанина и князя Михаила Обреновича была новая подготовка восстания против Османской империи. Вновь на территории европейской Турции была развернута широкая сеть агентов. В 1866 г. был подписан договор между Сербией и Черногорией. В 1867 г. к соглашению присоединились Народная партия Й. Штроссмайера в Хорватии и болгарская эмигрантская «Добродетельная дружина». В том же году был подписан договор о союзе между Сербией и Грецией, в следующем – между Сербией и Румынией. Наконец, в 1868 г. была подписана сербско-греческая

¹²⁴ Там же. С. 198.

военная конвенция. Так сложился первый Балканский союз, задачей которого было одновременное выступление против Турции.

Но вновь никакого восстания не состоялось. Князь Михаил решил переориентироваться на Австро-Венгрию, обещавшую ему некоторые уступки, и в 1867 г. отправил Гарашанина в отставку. Уже на следующий год князь пал от рук заговорщиков, подкарауливших его в Топчидерском парке под Белградом. При этом покушении был ранен и его адъютант – Светозар Гарашанин.

Другой сын Илии Гарашанина – Милутин Гарашанин (1843–1898) – пошел по стопам отца, сделав блестящую карьеру государственного деятеля. Он был одним из лидеров партии «напредняков» (прогрессистов) и занимал посты министра внутренних дел, премьер-министра и председателя парламента. Являлся посланником Сербии во Франции и умер в Париже, будучи еще и академиком Сербской королевской академии наук и искусств¹²⁵.

Современников всегда поражала работоспособность Илии Гарашанина. У него не было никакого особого увлечения, кроме охоты, занимала его по большому счету только политика. На политические темы он вел бесконечные разговоры и писал длинные письма соратникам. Все свои силы и всю страсть он отдавал сербскому государству. И добился на этом поприще очень многого. Можно сказать, что он заложил основы и начал развивать почти все главные направления возрожденной сербской государственности.

Как будто о Гарашанине говорил крупнейший сербский историк, правовед и государственный деятель первой половины XX в. С. Йованович, анализируя характер и поведение сербов: «Свое государство они создавали в долгой и кровавой борьбе против чужеземного ига. Государственная идея для них слилась с национальной и стала столь же значимой, как идея национальной свободы. Таким образом, сербы искали в государстве высшее выражение свободы, ради которого стоит быть готовыми в любое время на самые большие жертвы»¹²⁶.

Гарашанин отошел от дел, но не от размышлений о судьбе сербов. После отставки он уехал в свое имение в местечке Гроцка около

¹²⁵ Его внук (правнук Илии), тоже Милутин Гарашанин (1920–2002), был известным археологом и так же академиком Сербской академии наук и искусств.

¹²⁶ Цит. по: *Бондарева Е.* Рождение и слом Югославии // Аналитические записки «Голоса России». М., 2002. № 2. С. 74.

Белграда, где прожил еще семь лет. Он много читал – книги и газеты на сербском и немецком языках. В 1870 г. с большим интересом прочел переведенную на сербский язык книгу Н.А. Попова «Россия и Сербия»¹²⁷. Будучи очень скромным, никогда не выпячивал своих заслуг. В Сербии, где министры часто становились миллионерами, Гарашанин не нажил себе состояния, а под конец жизни был вынужден даже продать дом в Белграде. Гарашанин умер 10 июня 1874 г., находясь на лечении в Белграде, когда до независимости сербского государства оставалось всего четыре года. Похоронен был сначала в Гроцке, затем перезахоронен в Белграде около церкви Св. Марка на Ташмайдане и затем – на Новом гробле, куда перенесли старое белградское кладбище¹²⁸.

Характерным был и внешний облик этого человека. Гарашанин был одним из самых высоких людей в Сербии своего времени, худой, но ширококостный, черноволосый, с крупными чертами лица, на котором отчетливо выделялись большие усы и следы от оспы. С виду он казался хмурым и суровым, не склонным к излишним сантиментам. Но в то же время любил шутки и юмор. Гарашанин много курил, не пил ничего, кроме кофе в больших количествах. Слабое здоровье компенсировали неукротимый дух и непреклонная воля. В последние годы жизни Гарашанин был почти беззубый, руки его были скрючены от подагры, но при этом в разговоре и поведении настолько приятен, что всегда увлекал своими мыслями собеседника.

Современникам И. Гарашанин напоминал «борзую собаку». Слободан Йованович сравнивал его со «старым венецианским сенатором», писал, что он порой был столь же «холодным, бесстрастным, безжалостным», исходящим только из государственных интересов. В любом случае этот гордый и упрямый самоучка выглядел как настоящий аристократ. Еврем Груич, один из зачинателей либерального движения в стране, вспоминал: «С каким величием сидит перед народом Гарашанин, с каким достоинством распоряжается и как нам импонирует его позиция и его речь, я много раз ловил себя на мысли: да, этого человека Бог создал для того, чтобы он возглавлял государство»¹²⁹.

¹²⁷ *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин. С. 486.

¹²⁸ Там же. С. 479, 559.

¹²⁹ *Љушић Р.* Илија Гарашанин о српској државности. С. 188; *Милатович П.* Гарашане, семья, прославившая Сербию // <http://www.srpska.ru/article.php?id=11831>.

ПРОГРАММА «НАЧЕРТАНИЕ»
И НАЧАЛО ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
(1844–1847 гг.)

1. «Начертание» Илии Гарашанина

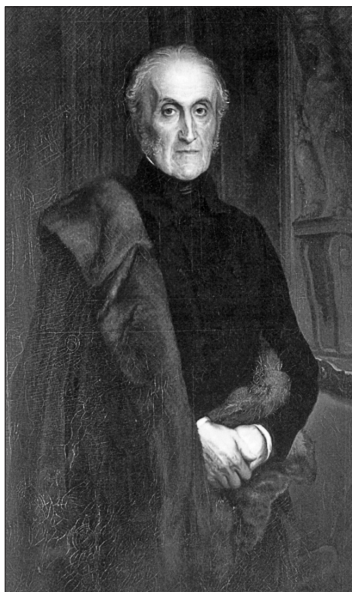
Идея объединения сербского народа в одном независимом государстве появилась еще в конце XVIII в., она фигурировала в некоторых внешнеполитических планах в период сербских восстаний и не угасала во время правления Милоша Обреновича¹. Михаил Обренович пытался продолжать эту политику своего отца². Но на качественно новую ступень планы расширения территории княжества поднялись во время правления уставобранителей, что нашло выражение в составлении первой сербской внешнеполитической национальной программы, получившей название «Начертание» и ставшей самым важным документом Сербии в Новое время.

Этот документ отражал уже достаточно высокий уровень развития сербской политической мысли. Как отмечала И.С. Достян, «общественно-экономический прогресс Сербского княжества, складывание национального самосознания народа способствовали наступлению нового этапа в формировании политической мысли сербов и появлению впервые ее достаточно четкой программы»³. Кроме того, на содержание этого документа, помимо существования в предшествующем периоде идеи расширения княжества (прежде всего у Милоша Обреновича), большое воздействие оказало правое крыло польской эмиграции. Именно оно помогло заклю-

¹ *Vučković V.* Knez Miloš i osnovna politička misao sadržana u Garašani-povom «Načertanju» // *Jugoslovenska revija za međunarodno pravo.* 1957. № 1. S. 35; см. также: *Лушић Р.* Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. С. 381–393.

² *Историја српског народа.* Књ. V. Т. I. Београд, 1981. С. 257.

³ *Достян И.С.* Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.) // *На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв.* М., 1997. С. 93.

Илл. 14. Адам Чарторыйский

чить иногда достаточно аморфные идеи в жесткие рамки политической концепции.

С сербским вопросом вождь польской эмиграции Адам Чарторыйский познакомился еще в первые годы XIX в., в начале своей политической карьеры, будучи управляющим МИД России (1804–1806 гг.). В 1804 г. в Петербург приезжала сербская депутация во главе с протоиереем Матией Ненадовичем; тогда же карловацкий митрополит Стефан Стратимирович посылал царскому правительству свой проект создания большого «славяно-сербского государства»; аналогичное предложение, составленное неким сербом из Воеводины Софронием Юговичем, посылал и бачский епископ Йован Йованович⁴.

В 1804–1807 гг. в правительственных кругах России (и лично Чарторыйским) строились планы основания на Балканах автономных или независимых государств как заслона против наполеоновской агрессии в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье⁵. Много лет спустя, в совершенно иной политической обстановке в Европе и с новыми задачами, Чарторыйский как бы возродил свои прежние замыслы. Его внимание привлекла Сербия.

В начале января 1843 г., то есть всего через несколько месяцев после избрания сербским князем Александра Карагеоргиевича, Чарторыйский послал вождям уставобранителей послание, в ко-

⁴ *Страњаковић Д.* Како је постало Гарашаниново «Начертание» // Споменик Српске краљевске академије. 1939. Књ. 91. С. 66; *Достян И.С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // *Славяне и Россия.* М., 1972. С. 100–102.

⁵ *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. М., 1962. С. 335–352, 411–425; *Сироткин В.Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806–1807 гг. // *Ученые записки Института славяноведения.* 1962. Т. XXV; *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 69.

тором сформулировал свои советы по вопросам внутренней и внешней политики Сербского княжества («Советы Чарторыйского»).

В области внешней политики он рекомендовал сербам оставаться лояльными по отношению к Порте и, используя хорошие отношения с ней, добиваться все больших прав: наследственной княжеской власти, расширения границ в сторону Черногории и Герцеговины, обеспечения свободного торгового пути к Адриатическому морю, изгнания турок из сербских городов и т. д. К России, советовал Чарторыйский, как к покровительствующей державе следует относиться с осторожностью. Он полагал, что она может оказать давление на Турцию, когда это понадобится. Но нельзя позволять ей вмешиваться во внутренние дела княжества. Австрию Чарторыйский считал врагом славянских народов. И, наконец, заключал он, Сербии надлежит ориентироваться на Францию и Англию, сблизиться с соседними южными славянами и в будущем их присоединить⁶.

Весной 1843 г., когда Чайковский помогал организовывать повторные выборы в Сербском княжестве, он одновременно договорился с Александром Карагеоргиевичем о создании в Белграде постоянного представительства польской эмиграции во главе с ее тайным агентом. Таким агентом в Сербии стал Франьо А. (Франтишек Александр) Зах – чех, выходец из Моравии. Зах участвовал в польском восстании 1830–1831 гг., а затем вместе с его руководителями эмигрировал во Францию⁷.

В апреле 1843 г. Ф. Зах представил Чарторыйскому рапорт о задачах дипломатического агента в Сербии, в котором повторял в основном общие положения из «Советов» своего руководителя⁸.

Илл. 15. Франьо Зах

⁶ Дурковић-Јакшић Љ. О почетку југословенске политике Адама Чарториског (1841–1843) // Зборник за историју. 1974. 9. С. 43–45.

⁷ Там же. С. 47–48; Žáček V. Česko i poljsko učešće u postanku Garašaninovog «Načertanija» (1844) // Historijski zbornik. 1963. № 1–4. С. 38.

⁸ Дурковић-Јакшић Љ. О почетку југословенске политике Адама Чарториског. С. 58–59.

Более конкретную программу будущий польский агент в Сербском княжестве мог предложить, лишь познакомившись с местными условиями, с позициями вождей уставобранителей, других южнославянских лидеров.

Приехав в конце 1843 г. в Белград, Ф. Зах близко сошелся с И. Гарашанином, который в отсутствие высланных из страны Вучича и Петрониевича приобрел в сербском руководстве большой вес. Тогда же Зах начал сочинять трактат о задачах сербской политики. В январе следующего года он уже сообщал М. Чайковскому в Константинополь: «Мои частые разговоры с г. Илией о славянах в Турции и Австрии предоставили мне возможность мало-помалу изложить взгляды об этих народах. Собственно говоря, я обещал составить ему план о способе воздействия на славян, так как он понимает, что уже настало время, чтобы заняться этим... систематически. Я работал тщательно и передаю Вам перевод своего проекта. Разрешите мне выразить радость за доверие министра...» В феврале в новом письме Зах докладывал: «Мое сочинение, которое содержит план о славянской политике Сербии, почти завершено. Чтобы его закончить, нужно написать только главу о Хорватии и иллиризме». Эту главу польский агент составил после бесед с некоторыми деятелями иллирийского движения, находившимися тогда в Белграде⁹. В мае 1844 г. Зах передал свой «План» Гарашанину.

На основе «Плана» Ф. Заха И. Гарашанин в конце 1844 г. сформулировал первую программу внешней политики Сербского княжества. Программа была безымянной, начиналась со слова «Введение», затем шло: «в конце года 1844-го» и далее сразу с места в карьер: «Сербия должна и в этом отношении встать в один ряд с остальными европейскими государствами...» Название «Начертание» появилось позже. Кому принадлежит авторство этого названия – в историографии не прояснено. Возможно, оно принадлежит первооткрывателю программы М. Вукичевичу, хотя свою публикацию он назвал просто, заменив слово «Введение» словами «Программа внешней политики Илии Гарашанина в конце 1844 г.».

Вначале слово «начертание» использовали, по-видимому, в его первоначальном смысле, как обозначение того, что перед читателем «проект», «набросок», «план». Однако довольно быстро это слово превратилось в имя собственное, обычно употребляемое в

⁹ *Žáček V. Česko i poljsko učešće u postanku Garašaninovog «Načertanija»*. S. 42–44.

кавычках и с большой буквы, а также почти всегда с упоминанием имени автора документа. Таким оно вошло и в русскую научную литературу – «Начертание» Илии Гарашанина.

Самый дотошный исследователь документа, Д. Странякович, использовал уже устоявшееся к тому времени название «Начертание» вместе с подзаголовком – «Программа внешней и национальной политики», то есть добавлял к названию М. Вукичевича еще и определение «национальная». В своей «Книге о “Начертании”» Р. Люшич, лучший знаток этого документа наших дней, дал подзаголовок: «Национальная и государственная программа Княжества Сербии (1844 г.)». Определение «внешнеполитическая» оказалось заменено определением «государственная». И все эти определения справедливые. «Начертание», действительно, представляло собой и государственную, и внешнеполитическую, и национальную программу. Оно должно было реализовываться государством (пусть и не все в руководстве этого государства, включая премьер-министра, имели о нем представление), действовать предостояло за пределами Сербского княжества, наконец, программа была направлена на решение национальных задач сербского народа.

В любом случае «Начертание» за 170 прошедших с момента его написания лет избежало забвения и до сих пор остается на слуху. Споры и дискуссии вокруг него не прекращаются до сих пор. Из множества дискутируемых вопросов можно выделить два главных: *авторство* программы и *характер* задумываемого в ней государства.

Начало серьезной дискуссии положил в 1939 г. Д. Странякович, поместивший в статье «Как возникло “Начертание” Гарашанина» рядом с найденным им в архиве «Планом» Заха внешнеполитическую программу Гарашанина. Это позволило наглядно сравнить два документа.

Во введении Зах писал о потребности Сербии в долгосрочной программе государственной политики и подчеркивал, что ее основной чертой должна стать южнославянская направленность. В соответствующем месте у Гарашанина говорилось, что основа сербской политики – в том, чтобы не замыкаться в рамках границ княжества, а «стремиться притянуть к себе все народы сербские, которые ее окружают».

Зах считал, что существуют два способа перекройки Османской империи: раздел ее владений между Австрией и Россией (что невыгодно Сербии) и создание на развалинах Турции большого славянского государства (к чему Сербия и должна стремиться). Что-

бы осуществился второй вариант, княжеству нужно опереться на Францию и Англию, так как эти страны противятся расширению и усилению Австрии и России. В деле создания южнославянского государства Сербия должна использовать свои богатые исторические традиции, выступать наследницей Душанова царства. Гарашанин принял эту часть «Плана» практически без изменений, озаглавив ее только «Политика Сербии» вместо заховского названия – «Славянская политика Сербии».

Следующий большой раздел «Плана» Зах делил на семь частей.

Первая часть называлась «Предварительные средства». Чтобы лучше узнать положение дел в южнославянских землях, говорилось в ней, необходимо послать по одному агенту в Боснию и Герцеговину, Черногорию и Северную Албанию, а также в Славонию, Хорватию и Далмацию. Здесь Гарашанин добавлял, что главное внимание нужно уделить Боснии и Герцеговине, Черногории и Северной Албании.

Вторая часть посвящалась отношениям Сербии с Болгарией. Из всех южнославянских земель Болгария находилась в наихудшем положении: близость к турецкой столице предопределяла то, что Османская империя держала там больше половины своего войска. Поэтому, по мнению Заха, свое освобождение болгары видят только при содействии России. Но она лишь «для себя старается и болгар запрягла бы в ярмо, много тяжелее турецкого». И только из-за противодействия Европы сделать это самостоятельно Россия не может. Раньше царское правительство использовало в своих целях Михаила Обреновича. Теперь же, когда правительство князя Александра «не желает быть ее слепым орудием», Россия, по-видимому, выступает за смену нового режима. Она будет добиваться прихода к власти в княжестве безусловно преданного ей руководства и никогда не допустит, чтобы «такое малое государство, как Сербия, ставило ей условия». Зах считал необходимым вывести болгар из-под российского влияния и привлечь их на сербскую сторону: помогать Болгарии в деле просвещения и образования, бороться с засильем в болгарской церкви греков, печатать в Сербии книги на болгарском языке и т. д.

Соглашаясь в целом с автором «Плана» относительно политики в Болгарии, а также негативной роли России, Гарашанин дополнил эту часть документа своими размышлениями о взаимоотношениях Сербии с покровительствующей державой. Он добавлял, что «Сербия ни с кем легче бы не достигла своей цели, как в согла-

сии с Россией. Но это только в том случае, если бы та совершенно и полностью приняла бы условия Сербии». Как можно понять, речь шла об обеспечении Россией территориального расширения княжества и об ее отказе от союза с Австрией. «Хотя я не надеюсь, – писал Гарашанин, – что Россия когда-либо искренне захочет относиться к Сербии, все же нужно отметить здесь, какую бы пользу это нам принесло».

Третья часть документа затрагивала отношения Сербии с Боснией, Герцеговиной, Черногорией и Северной Албанией. Зах считал, что на эти земли Сербия может иметь наибольшее влияние. И для этого он предполагал выдвинуть там три принципа сербской политики: 1) свободы вероисповедания, что необходимо для всех христиан, а возможно, со временем и для мусульман; 2) наследственной власти сербского князя в будущем общем государстве, без чего немислим союз сербов княжества с другими южными славянами (у Гарашанина – союз с другими соседними сербами) и 3) народного единства, то есть Сербия должна выступать покровительницей всех турецких славян.

Государственное устройство Сербского княжества должно было быть распространено на Боснию. В этих целях предполагалось принять на сербскую службу и научить сербским методам управления некоторое количество молодых боснийцев. В княжестве для населения Боснии следовало наладить печатание патристических книг с параллельными текстами кириллицей и латиницей. Для привлечения на свою сторону боснийских католиков предполагалось установить тесные связи с монахами-францисканцами, «увлечь их идеей объединения Боснии с Сербией». Одного из этих монахов было решено привлечь для преподавания латыни в белградском лицее и в качестве священнослужителя для духовных нужд проживавших в Сербии католиков. Через Черногорию и Северную Албанию Сербия должна была получить выход к Адриатическому морю. Позже это позволило бы сербам освободиться от торговой зависимости от Австрии. Предполагалось оказывать также черногорскому владыке ежегодную денежную помощь. Гарашанин принял эту часть «Плана» практически полностью.

Четвертая часть работы Заха была посвящена отношениям с Хорватией. Польский агент выступал за союз со сторонниками иллиризма, но высказывался против этого термина. Общее южнославянское государство он задумывал как «сербское царство», а не «иллирийское королевство». Эту часть Гарашанин целиком исклю-

чил из «Начертания». (У Заха эта часть плана, по мнению многих экспертов, была самой слабой, так как реального положения дел в Хорватии он не знал.)¹⁰

Пятую и шестую части «Плана» о союзе с воеводинскими сербами и «чешскими славянами» Гарашанин основательно сократил. Он фактически ничего не оставил от идеи союза с чехами, а в отношении сербов Воеводины был согласен только на то, что надо попытаться установить контакты с их лидерами и иметь там газету, публикующую материалы в интересах Сербского княжества. Это могло в будущем помочь вырвать Воеводину из-под австрийского влияния и привлечь ее на свою сторону.

Имевшуюся у Заха седьмую часть о внутренней политике Сербии Гарашанин не включил в «Начертание», так как составлял только внешнеполитическую программу¹¹. Батакович пишет, что в отличие от романтика-идеалиста Заха, который ожидал быстрой модернизации Сербии, Гарашанин взвешивал каждое слово и ничего подобного не предвидел. Режим уставобранителей оставался восточным режимом, схожим с первым правлением князя Милоша Обреновича. Результаты, достигнутые в 1840-е гг. в сфере модернизации, были скромными, но все-таки значительными по сравнению с предыдущим десятилетием¹².

Сравнив два документа, Д. Странякович убедительно показал, что 90% текста «Плана» без каких-либо изменений вошло в «Начертание». Отрицать то, что Зах подготовил черновой вариант программы, стало невозможно. Однако между документами все же имелись довольно существенные качественные различия. Гарашанин, в отличие от Заха, ограничивал деятельность Сербского княжества только сербскими землями, находившимися под турецкой властью. Зах во многом исходил из польских интересов, стремясь создать сильный противовес на Балканах Австрии и России, а Гарашанин приспособил его «План» к насущным задачам и реальным возможностям Сербского княжества, понимая невозможность одновременной борьбы и с Турцией, и с Австрией.

Непосредственной задачей Сербии для Гарашанина в качестве своеобразной программы-минимум было расширение за счет

¹⁰ *Bataković D.T. The Foreign Policy of Serbia (1844–1867). Ilija Garašanin's Načertanije. Belgrade, 2014. S. 141.*

¹¹ *Страняковић Д. Како је постало... С. 75–102.*

¹² *Bataković D.T. The Foreign Policy of Serbia. S. 147.*

Боснии и Герцеговины, Черногории и Северной Албании, а также получение выхода к Адриатическому морю. В этом и заключалась суть «Начертания», все остальное являлось второстепенным.

По мнению многих сербских историков, под Северной Албанией у Гарашанина подразумевалась Старая Сербия. Но, например, немец Х. Зундхауссен это оспаривает. Он пишет, что «Косово (“Старая Сербия”) и Македония (“Южная Сербия”) вообще в “Начертании” не упоминались, что на первый взгляд может казаться неожиданным. Но задуманная картина “царства Стефана Душана” делала это излишним»¹³.

В любом случае замышляемое Гарашанином сербское государство распространялось прежде всего на этнически сербские территории или земли, где сербы составляли большинство населения. Лишь в случае с территорией Северной Албании этнические сербские рамки оказались Гарашанину малы. Ему был крайне необходим выход к морю, и ради этого он в этом месте пренебрег этническим принципом.

Однако и здесь не все так просто. Д. Батакович, например, приводит события Первой балканской войны, когда этот пункт плана Гарашанина был, по сути, почти выполнен. Сербская армия, заняв Косово, устремилась тогда в Северную Албанию и дошла до Адриатического моря (сербь радостно кричали: «Да здравствует Сербское море!»). Решение сербского правительства и армии захватить Северную Албанию, этнически албанский регион, основывалось, пишет сербский историк, на общем убеждении двора, Верховного командования, политических партий, научных кругов и общественности Сербии в том, что «арбанасы» (то есть албанцы. – К. Н.), разделенные тремя верами, не имеют еще настоящего национального самосознания, что они еще не сформировались как народ в современном смысле этого слова¹⁴. Батакович пишет про 1912-й год. Но что тогда говорить про 1844-й? Знания об этом регионе в Сербии были очень приблизительными.

И если идея расширения сербского государства была выражена в «Начертании» ясно и недвусмысленно, то намного труднее оценить те разделы программы, где речь шла о пропаганде, которую следует вести в Хорватии, Славонии, Далмации, Болгарии и отча-

¹³ Зундхауссен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008. С. 129.

¹⁴ Батакович Д.Т. Косово и Метохија: историја и идеологија. Екатеринбург, 2014. С. 99–100.

сти в южной Венгрии. Хотя нигде прямо не говорилось о присоединении этих земель к Сербскому княжеству, все же можно предположить, что в будущем не отрицалась чисто гипотетическая возможность некоего южнославянского союза или даже объединения. Главным образом это касалось Болгарии. И именно этот южнославянский фон югославские историки (особенно в межвоенный период) часто выдвигали на первый план и всю программу трактовали как южнославянскую.

Так характеризовал программу и ее первый и главный толкователь Д. Странякович. Причем он даже пытался увидеть в «Начертании» разницу между национальной и государственной идеей: «национальная идея была сербской, государственная – южнославянской или еще шире – балканской»¹⁵. Нам представляется, что это было скорее данью времени, югославскому государству, в котором историк жил. Комментируя много лет спустя эти взгляды, В. Крестич пишет, что такая позиция среди историков не являлась исключением, поскольку и некоторые другие, весьма авторитетные, ученые давали такие же или похожие оценки¹⁶.

Р. Люшич подсчитал, что шесть ученых видели в «Начертании» южнославянскую программу, восемь – великосербскую, и только Р. Перович и Й. Миличевич трактовали ее как сербскую. Прибавим к числу последних и самого Люшича, хотя он и не отрицал, что целью «Начертания» в отдаленной перспективе, после создания сербского государства, было образование государства южнославянского – сербско-хорватско-болгарского¹⁷. Список Люшича можно продолжить – за двадцать лет, прошедших после выхода его книги, добавились новые исследователи.

Характерно, что в период после Второй мировой войны историки (прежде всего из Хорватии) оценивали разделы, относившиеся к несербским землям, уже не как признак наличия в программе южнославянских тенденций, а как подтверждение сербского гегемонизма, великосербских претензий на иноэтничные территории. Всплеск указанного подхода хорватских историков произошел по понятным причинам с началом недавнего югославского кризиса 1991–2001 гг.

¹⁵ Страняковић Д. Илија Гарашанин. Крагујевац, 2005. С. 557.

¹⁶ Крестић В. Поговор // Страняковић Д. Илија Гарашанин. С. 583.

¹⁷ См.: Люшић Р. Књига о Начертанију. Национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Београд, 1993. С. 94.

В качестве примера приведем позицию современного хорватского историка Д. Агичича. В своей книге, изданной в 1994 г., он пишет, что Зах написал южнославянский план, а Гарашанин переделал его в великосербский. Агичич обрушивается с критикой на известного сербского историка В. Крестича за то, что тот подчеркивает гарашанинский югославизм. «Как это убеждение Крестича понимается в современной политической деятельности Сербии и как сербские политики понимают гарашанинский “югославизм”, – восклицает он, – лучше всего показала их агрессия против Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины»¹⁸.

Агичич обвиняет Гарашанина даже тогда, когда тот предпочитает промолчать. Казалось бы, то, что в «Начертание» не попал имевшийся у Заха раздел, посвященный Хорватии, говорит о нежелании Гарашанина объединять Сербию с иноэтническими землями, но нет. Агичич пишет, что в своей идеализации хорватской политики и хорватско-сербских отношений Зах зашел так далеко, что утверждал, будто бы Гай выступал не за «иллирийское королевство, а за сербское царство с династией Карагеоргиевичей». «Но для Гарашанина было недостаточно даже переделать и сократить главу Заха, как он это делал в других местах, – заключает хорватский историк, – он ее просто перескочил»¹⁹.

В книге «Новая история сербского народа» дается, на наш взгляд, взвешенная оценка характера «Начертания»: в отличие от Заха, «Гарашанин создал сербскую национальную программу, заменив южнославянский план сербскими национальными целями». Речь шла о «реальной программе объединения провинций, находившихся под турецкой властью (Герцеговина, Босния, Старая Сербия, Северная Албания), в единое сербское государство». Культурная и просветительская работа велась на территории Турции для привлечения на свою сторону еще не освобожденных сербов. То же самое можно сказать и о сербах Габсбургской монархии. Южнославянское сотрудничество было прописано «в общих рамках дальнейшей работы, прежде всего для установления сербского влияния на Боснию»²⁰. И в своей последней работе Батакович прямо утверждает, что объединение сербов Османской империи,

¹⁸ *Agčić D.* Tajna politika Srbije u XIX. stoljeću. Zagreb, 1994. S. 17, 20.

¹⁹ Там же. S. 26.

²⁰ *Батаковић Д.Т., Протић М.Ст., Самарцић Н., Фотић А.* Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 155–156.

описанное в «Начертании», конечно, не было проектом «Великой Сербии», концепции которой самые стойкие пропагандисты наших дней приписывают исключительно негативные коннотации»²¹.

Немецкий историк Х. Зундхауссен о характере программы «Начертание» пишет осторожно: «Как государственный, так и национальный концепт Гарашанина – неточен. В одном месте он говорит “обо всех сербских народах” (во множественном числе!), в другом, имея в виду жителей Боснии, – “о двух народах” (восточно-православной и римско-католической веры), которые должны были договориться о “своей совместной национальной политике”. А то говорит о “единстве народа”, о “славянском народе”, о “духе народного единства сербов и бошняков”, о “бошняках-католиках” или “народах (множественное число) католического вероисповедания”. Из-за всего этого не видно ни одного законченного национального концепта – все равно, (велико)сербского или южнославянского»²².

Однако в подавляющем большинстве случаев в западной литературе «Начертание» характеризуется как великосербская программа. Причем это характерно и для стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Например, планом по созданию Великой Сербии называет «Начертание» чешский историк Я. Рыхлик²³.

В российской постсоветской историографии И.С. Достян заняла позицию, близкую взглядам Р. Люшича. Она писала, что, «внеся некоторые коррективы в “План” Заха, Гарашанин не упоминал в “Начертании” о южнославянской державе, о вхождении в нее хорватов, а говорил лишь о создании “сербского царства”». Однако «перспектива государственного объединения всех южных славян – не только находившихся в составе Османской империи, но и Австрии, – все же не отвергалась». Автор заключала, что «проблема основания южнославянского государства выходила за рамки исторического права сербов, да и недостаточно созрела к середине 40-х гг. Возможно, эти обстоятельства и побуждали Гарашанина проявлять осторожность и не затрагивать данной темы сколько-нибудь конкретно и определенно»²⁴.

²¹ *Bataković D.T.* The Foreign Policy of Serbia. S. 155.

²² *Зундхауссен Х.* Историја Србије... С. 129.

²³ *Rychlík J.* Od autonomie k samostatnosti // *Dějiny Srbska.* Praha, 2004. S. 182.

²⁴ *Достян И.С.* Укрепление государственности Сербии и Черногории... С. 94–95.

Тем не менее, разногласия вокруг характера гарашанинской программы сохраняются и в начале XXI в.

Так, С.А. Романенко пишет, что «переработанный И. Гарашанином в 1843–1844 гг. вариант платформы А. Чарторыйского провозглашал две цели: освобождение южнославянских народов от османского ига и создание крупного государства, прообразом которого было бы средневековое сербское королевство». «Обширные территориальные планы Гарашанина... обосновывались “историческим государственным правом” и государственными традициями сербов, а не лозунгом и принципом национального самоопределения». И такая «трактовка югославянской идеи, восходящая к “Начертанию”, принципиально отличалась от хорватской. В то же время хорватская идея «Великой Иллирии», не проводившая принципиальных различий между южными славянами, отражала, по мнению автора, «неизбежную неразвитость в 30–40-е годы XIX в. хорватского национального самосознания»²⁵. В другой своей книге С.А. Романенко уже фактически прямо связывает «Начертание» не только с югославянской идеей, но и с великосербской. Кроме того, он пишет, что идея «Великой Сербии», направленная не только на объединение всех сербских этнических территорий, но и на региональное лидерство, «неизбежно приходила в конфликт с Россией, поскольку вся сербская политическая мысль основана на неприятии “панславизма” и решающей роли России, желавшей господствовать на Балканах...»²⁶.

Получается, что ни сербы, ни хорваты, хотя и по разным причинам, не выдвигали в это время «лозунг и принцип национального самоопределения». Хорватам это простительно, а сербам – нет. Хорваты этого не делали потому, что были еще недостаточно развиты, а сербы, наоборот, поскольку уже так развились, что выступили за объединение всех сербских этнических территорий. Однако в отличие от С.А. Романенко, мы не видим ничего криминального ни в сербской объединительной идее, ни даже в сербской идее регионального лидерства в деле освобождения южных славян. Тем

²⁵ Романенко С.А. Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000. С. 16–17, 42.

²⁶ Он же. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002. С. 19.

более что такое лидерство уже фактически существовало, ввиду того, что сербы ценой огромных усилий и жертв первыми из всех южных славян добились автономной государственности. Отметим попутно, что панславизм никогда не был официальной российской политикой, а неизбежность конфликта между Россией и Сербией явно надумана.

Выводы С.А. Романенко отчасти повторяет Е.П. Кудрявцева, которая в 2009 г. пишет, что «Начертание» представляет собой великосербскую по форме, но южнославянскую по содержанию программу внешней политики Сербии». Не убеждает ни первое, ни второе. И далее исследовательница дает короткое разъяснение, которое тоже совсем не убеждает: «Великосербской она была потому, что признавала за сербами главную – инициативную и руководящую – роль в процессе сближения всех южнославянских народов ... южнославянское содержание программы вытекало из того разнообразия славянских народов, которые планировалось объединить в рамках единой державы»²⁷.

Безапелляционный вывод делается и в новейшей обобщающей работе российских ученых – многотомной «Всемирной истории». Автор соответствующего раздела 5-го тома этого фундаментального труда О.Е. Петрунина пишет, что в Сербском княжестве «на фоне борьбы за власть двух династий, Карагеоргиевичей и Обреновичей, в 1844 г. была сформулирована программа создания Великой Сербии»²⁸. Как будто бы не существует многочисленной литературы и многолетней дискуссии. И борьба сербских династий здесь совсем ни при чем.

Таким образом, спор среди историков возник и продолжается в основном вокруг планов Гарашанина проводить политическую пропаганду в несербских землях с туманными и нечеткими целями. В зависимости от своих убеждений и политической конъюнктуры, знания или незнания предмета ученые часто называли эти расплывчатые идеи «Начертания» то южнославянскими, то великосербскими и распространяли такие оценки на всю программу.

²⁷ Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М., 2009. С. 159–160.

²⁸ Петрунина О.Е. Становление национальных государств в Юго-Восточной Европе // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 677.

В то же время о создании южнославянского государства в «Начертании» нигде прямым текстом не говорилось. И, как можно понять, Гарашанин все-таки рассматривал своих южнославянских и балканских соседей скорее как союзников, чем как жителей будущего сербского государства. Так, уже в самом начале «Начертания» подчеркивалось, что, поскольку Сербия еще такая маленькая, она только «в союзе с остальными окружающими ее народами» может «будущее свое обеспечить»²⁹.

Теперь что касается великосербских тенденций. Подчеркнем, само словосочетание «Великая Сербия» в «Начертании» отсутствует, а анализ программы показывает, что в ней не было выдвинуто идей национализма (шовинизма), национального доминирования или национального превосходства. Более того, в программе в качестве одного из главных принципов утверждалась свобода вероисповедания, ставилась задача установления атмосферы доверия и толерантности, прежде всего между сербами и католиками Боснии и Албании. Кроме того, следует заметить, что борьба Сербского княжества (пусть даже в своих собственных интересах) за освобождение соседних балканских народов, находившихся под чуждым господством, имела в тот период и для этих народов определенное положительное значение.

Отметим также, что мы не видим большой крамолы и в определении «Великая Сербия». Например, никого не смущает такое название, как Великобритания. Центральные губернии России до 1917 г. также назывались Великороссией. Это была территория складывания (велико)русской нации и (велико)русского языка. В широком смысле термин «Великороссия» употреблялся в качестве синонима России. Правда, и здесь не всё и не всегда было просто. В большевистской пропаганде еще с подачи В.И. Ленина активно использовался термин «великорусский шовинизм», с которым надлежало бороться на всех уровнях.

С названием «Великая Сербия» получилось еще хуже. Причем этот термин был связан не столько с внутренними сербскими процессами, сколько с австро-венгерской политикой на Балканах, с планами Габсбургов окончательно присоединить к себе Боснию и Герцеговину. Сербский историк Н.Б. Попович не без основания пишет, что понятие «Великая Сербия» не являлось сербским изо-

²⁹ См., например: Гарашаниново Начертаније // *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 151.

бретением, «поскольку было сфабриковано вне сербской нации и государства»³⁰:

Эта западная пропаганда оказалась весьма успешной³¹. Со временем приписанный «Начертанию» термин «Великая Сербия» приобрел однозначно отрицательный, великодержавный и даже реакционный смысл. Он превратился в своего рода жупел. Кстати, примерно таким же способом и в тех же немецкоязычных кругах, но чуть позже, был сотворен жупел и из «панславизма» как русской угрозы, нависшей якобы над Германией и Австро-Венгрией. Политика раздувания ложных страхов перед сербской или русской угрозой носила явно спекулятивный характер, призванный прикрыть и оправдать собственные экспансионистские планы.

Добавила масла в огонь и идеологическая борьба титовских коммунистов против так называемого великосербского гегемонизма. Наконец, очень активно великосербское пугало использовалось в антисербской пропаганде во время последнего югославского кризиса 1991–2001 гг. Но современные критики «великосербизма» не всегда догадывались, что, по сути, повторяли австро-венгерскую или коммунистическую пропаганду.

Итак, термин «Великая Сербия» – детище более поздней пропаганды, искусственно привязавшей его к «Начертанию». Но все же многие сербские историки предпочитают «не дразнить гусей» и говорить о всесербском, а не о великосербском характере объединительной программы Гарашанина. Хотя, на наш взгляд, всесербской программа тоже не была, поскольку непосредственно затрагивала лишь тех сербов, которые находились под турецкой властью.

В любом случае прав Д.Т. Батакович, который пишет, что «Начертание» – всего лишь одна из многих идейных программ прошлого, и нет никакого смысла ее осовременивать. И участники восстаний в Боснии и Герцеговине в 1876, 1877 и 1878 гг., и те боснийские сербы, которые голосовали за объединение с Сербией в 1918 г., и те, кто на фоне распада Югославии провозгласил в 1992 г. создание Республики Сербской, вряд ли могли знать что-то о «Начертании». Попытка Международного уголовного трибунала по бывшей Югос-

³⁰ Поповић Н.Б. Европске силе и великонационализми на Балканском полуострву почетком XX века // Први светски рат и балкански чвор. Београд, 2014. С. 46.

³¹ Подробнее см.: Велика Србија. Истина, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.

лавии в Гааге заклеить «Начертание» в качестве идеологического источника «сербской агрессии» не выдерживает критики³².

Еще раз подчеркнем, в «Начертании» ясно и четко выражена идея создания полноценного, политически и экономически жизнеспособного государства. И можно говорить лишь о наличии некоего южнославянского фона, отдельных южнославянских мотивов в безусловно сербской по своему характеру программе.

Отметим также, что попытки создания национального государства путем преодоления этнической раздробленности – закономерный этап в развитии многих государств. Балканы здесь не являются исключением. Так, тогда же в 1844 г. возникла известная доктрина «мегали идея» (великая идея) в Греции, позже идеи объединения Дунайских княжеств, создания Великой Болгарии, Великой Албании и т. п. В этом смысле ничего сверхъестественного в гарашанинской программе не было.

По поводу методов достижения поставленных задач в «Начертании» говорилось в общих чертах только, что «Сербии следует пытаться от здания турецкого государства только камень за камнем откалывать, дабы преуспеть в том, чтобы из этого добротного материала на старом и прочном фундаменте древнего царства сербского заново великое сербское государство построить»³³. Как можно было понять, расчет строился на добровольные уступки Порты, о ее насильственном разделе речь не шла. Анализируя программу «Начертание», В. Чубрилович пришел к выводу, что, хотя само Сербское государство возникло революционным путем, Гарашанин в основном по совету Чарторыйского (менее – Заха) исходил в 1844 г. не из принципа самоопределения народов и революционных методов борьбы за его осуществление, а из консервативного принципа исторического права, традиций сербского государства времен Душана, рассчитывая на компромиссы и постепенность³⁴.

Однако революционный период в развитии Сербии в тот момент себя уже исчерпал. Необходима была передышка, пауза, чтобы закрепиться на достигнутых рубежах и накопить силы для следующих шагов. Гарашанин это хорошо осознавал. В известной

³² *Bataković D.T.* The Foreign Policy of Serbia. S. 193.

³³ Гарашаниново Начертаније // *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 157–158.

³⁴ *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 167, 175–178, 182, 186.

мере он продолжал политику князя Милоша, получившего шесть спорных нахий мирным, дипломатическим путем. И все же такая политика в долгосрочной перспективе имела и свои существенные недостатки. История свидетельствует, что за независимость чаще всего приходится бороться с оружием в руках.

Нуждается в уточнении и «консерватизм» гарашанинской программы. Если консерватизм в буквальном смысле означает сохранение того, что есть, консервацию существующего положения, то Гарашанин добивался расширения Сербии и ее полной независимости, хотя и опирался при этом на консервативный принцип исторического права и мирные методы достижения цели. В.И. Фрейдзон называл вследствие этого Гарашанина деятелем консервативного типа, но его программу – не консервативной. Он предложил характеризовать деятелей типа Гарашанина «сторонниками революции сверху». Политика консервативных (в социальном плане) сил в национальной сфере, объяснял Фрейдзон, в эпоху кризиса феодализма и перехода к капитализму была способна не быть консервативной, а участвовать в революционном национальном движении³⁵.

Это интересное замечание вряд ли применимо к Гарашанину. Ведь если «революция сверху» – это реформы, то в «Начертании» нигде нет ни слова о каких-либо преобразованиях – как в самом Сербском княжестве, так и во вновь присоединяемых землях. На наш взгляд, более точен Р. Люшич, который считает программу «Начертание» не консервативной, но и не революционной. Он называет ее «прогрессивной программой сербской внешней политики»³⁶. Сегодня, правда, многие споры не только по этому, но и по другим вопросам, которые велись в рамках марксистской идеологии еще тридцать лет назад, и используемая тогда терминология кажутся уже чистой схоластикой.

Довольно сложно обстоит дело и с оценкой взглядов Гарашанина на отношения с великими державами. Академик В. Чубрилович утверждал, например, что та часть программы, где говорилось о внешнеполитической ориентации княжества, отвечала жизненным интересам Сербии³⁷. Этому вторят и некоторые другие серб-

³⁵ Фрейдзон В.И. Илија Гарашанин в контексте эпохи и русско-сербских отношений в 60-е годы XIX в. // Илија Гарашанин (1812–1874). Београд, 1991. С. 225–226.

³⁶ Љушић Р. Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812–1874). С. 155.

³⁷ Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. С. 179–181.

ские историки, в том числе и работающие сегодня. Однако нам представляется, что эти историки преувеличивают положительное значение для национальных интересов Сербии долгосрочной ориентации на Запад.

В данном случае, вероятно, ближе к истине был Р. Перович, который считал эту заимствованную у польской эмиграции прозападную и антирусскую ориентацию невыгодной для Сербии. Он писал, что польская эмиграция рекомендовала в то время придерживаться лояльной позиции по отношению к Порте, удовлетворяться уступками с ее стороны. Это происходило из-за боязни ничего не выгадать для решения польского вопроса в случае распада Османской империи, который могли бы использовать Австрия и Россия. Из-за этой своей позиции поляки, в сущности, старались приглушить национально-освободительные движения балканских народов, в то время как Россия своей антитурецкой политикой, проводимой дипломатическими и военными средствами, объективно помогала процессу освобождения балканских народов, хотя и в рамках данных политических обстоятельств, в соответствии со своими государственными интересами, но систематическим образом. Балканские же национальные государства могли возникнуть только на развалинах Османской империи³⁸. И этот вывод не утратил своего значения.

Необходимо сказать и об экономических интересах. Так, например, торговые потребности побуждали Сербское княжество расширять связи с Западной Европой, с той же Австрией, а не с Россией. Гарашанин в «Начертании» с горечью замечал: «Вся внешняя торговля Сербии находится в руках Австрии»³⁹.

Был и неправильный прогноз самого Гарашанина, который под влиянием Заха и других польских агентов боялся раздела Турции между Россией и Австрией, что, по мнению сербского министра, могло бы поставить крест на мечте о сильной сербской державе. Однако, в отличие от Австрии, никаких экспансионистских планов в отношении болгарских, сербских и других южнославянских земель у России не было. Дальнейший ход истории показал это со всей очевидностью.

Отвергая априори русскую поддержку, Гарашанин ослаблял возможность реализации национальных задач сербов, отталки-

³⁸ *Perović R.* Око «Нацертанија» из 1844. godine // *Istorijski glasnik*. 1963. № 1. S. 92–93.

³⁹ Гарашаниново Начертаније // *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 162.

вал от них другие южнославянские народы, которые продолжали верить в освободительную миссию России. Ведь действительно, в отличие от западных держав, именно Россия, еще с петровских времен ведя многочисленные войны с Турцией, ослабляла османское владычество и шаг за шагом приближала сербскую свободу.

Таким образом, под влиянием прежде всего польской эмиграции Гарашанин в своей программе сделал попытку отойти от традиционной, основанной на этнической и религиозной близости ориентации на Россию. Политика же Чарторыйского определялась не столько нуждами сербов, сколько интересами поляков и стремлением подорвать влияние России в самой важной для нее опорной базе на Балканах.

Впрочем, вопрос о внешнеполитической ориентации Сербии, и прежде всего о ее отношении к России, для сербов почти вечен. И если русофильство сербского народа никогда не подвергалось сомнению, то в части правящих сербских кругов регулярно генерировались прозападные настроения⁴⁰. Запад с его демократическим устройством, финансовыми возможностями и новыми технологиями часто выглядел привлекательнее «матушки России». Этот фактор становился заметнее по мере все большей открытости княжества миру.

Долгое время после работ Д. Страняковича решающее влияние польской эмиграции на создание «Начертания» почти не ставилось под сомнение. Это было до тех пор, пока М. Экмечич не обратил внимания на деятельность британского публициста и нескрываемого русофоба Дэвида Уркварта. Этот шотландец одно время выполнял обязанности секретаря посольства Великобритании в Константинополе, был связан с вождями иллирийского движения в Хорватии, а его главными союзниками на Балканах были польские эмигранты, группировавшиеся вокруг Адама Чарторыйского. Кстати, Уркварт был знаком с К. Марксом, а Ф. Энгельс называл его «фанатичным туркофилом»⁴¹.

В Сербии Д. Уркварт был четыре раза – в 1832, 1833, 1834 и 1837 гг. Там он познакомился с князем Милошем Обреновичем и другими сербскими руководителями. От сербского князя во время своего второго посещения Сербии в 1833 г. он, по мнению Экмечича, и воспринял идеи расширения Сербского княжества и освобождения его

⁴⁰ См., например: *Мировић Д.* Запад или Русија. Београд, 2004.

⁴¹ *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2008. С. 219–221.

от влияния России и Австрии. О беседе с князем Уркварт написал «Сообщение о Сербии» и передал его Адаму Чарторыйскому⁴². Таким образом, считает М. Экмечич, содержание «Начертания» принадлежит Милошу, а оформление – полякам. Ему вторит и Р. Люшич: «Тем самым замыкается круг сербской политической мысли от князя Милоша до Гарашанина. Дэвид Уркварт, Чарторыйский и Зах были формальными посредниками между князем и государственным деятелем»⁴³.

Более того, по мнению М. Экмечича, именно Дэвид Уркварт написал первую версию сербской национальной

Илл. 16. Дэвид Уркварт

доктрины. Этот документ назывался «Проект записки сербского правительства» и был датирован мартом 1843 г. Уркварт опубликовал его 1 августа 1843 г. в Лондоне в своем журнале «Портфолио», издававшемся на английском и французском языках. «Проект записки» был в 1844 г. доработан и вошел в историю как «Начертание» И. Гарашанина.

Мы все же полагаем, что текстологическое сходство со всей очевидностью свидетельствует, что в основе гарашанинского «Начертания» был «План» Заха, и нет никаких оснований пересматривать этот вывод предыдущей историографии. Интересным и более вероятным представляется также предположение Р.Й. Поповича, что «Проект записки» был написан А. Петрониевичем, который перевел также с французского на сербский язык «Советы» Чарторыйского⁴⁴.

⁴² См.: Извод из Извештаја о Србији г. Д. Уркварта, од 21. децембра 1833 // *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 11–17.

⁴³ *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 42.

⁴⁴ *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. 1791–1852. Београд, 2012. С. 204–205.

Исходя из своей версии, М. Экмечич делает еще один вывод – о том, что нельзя считать «Начертание» тайным планом, как это обычно делается, ведь его первая версия была опубликована в печати. В ней английскому руководству предлагалось направить в Сербию агента и передать сербской власти необходимые советы. Такой агент – Ф. Зах – и был послан, но не от английского правительства, а от польской эмиграции. Сербской власти были направлены также предполагаемые советы – «Советы» А. Чарторыйского. Австрийский канцлер Меттерних также знал еще в 1843 г. о том, что польская эмиграция в Белграде пытается склонить сербское руководство на сторону западных стран, и считал это полезным»⁴⁵.

И вновь вывод Экмечича нам представляется чересчур смелым. Публикация в одиозном журнале «Портфолио» заметки Уркварта еще отнюдь не означала, что возникшая в следующем году программа сербской внешней и национальной политики носила открытый характер.

Р. Люшич считает, что «исследования Экмечича разрешили одну из самых спорных историографических дилемм – о сербском происхождении политической мысли гарашанинского “Начертания”»⁴⁶. Любому историку невольно хочется доказать приоритет своих соотечественников в каком-либо исторически важном событии, в частности создании того или иного судьбоносного документа. В этой связи сразу вспоминаются бесконечные дискуссии в российской историографии о роли норманнов в образовании древнерусского государства.

Но, повторим, важная находка Экмечича, на наш взгляд, не отменяет выводы предыдущей историографии о значительной роли польской эмиграции в возникновении сербской национальной программы. Она говорит лишь о том, что Гарашанин подпитывался идеями из разных источников, что эти идеи, что называется, зрели. Одним из таких источников, возможно, был Уркварт, с деятельностью которого сербский министр был, несомненно, знаком.

Тот же Люшич свидетельствует, что «в архиве Гарашанина хранятся переводы отдельных статей из “Портфолио”, написанных в виде сообщений из Белграда»⁴⁷. По-видимому, нам предстоит узнать еще какие-то новые документы, повлиявшие на Гарашанина.

⁴⁵ *Экмечич М.* Дуго кретање... С. 219–221, 225–226.

⁴⁶ *Люшич Р.* Књига о Начертанију. С. 42.

⁴⁷ Там же. С. 68.

Экмечич напоминает, что в тот период вокруг сербского министра группировались многие сербские и югославянские интеллектуалы. Этот круг людей, получивший название «тайный демократический панславянский клуб»⁴⁸, размышлял о сербском будущем. Эти документы остались среди бумаг Гарашанина неразобранными и неподписанными. Экмечич полагает, что «дешифровка» этих документов имела бы большое значение для сербской культуры⁴⁹.

Исходя из изложенного, мы вполне согласны в этом вопросе с М.В. Беловым, который призвал рассматривать текст «Начертания» не только как текст «одного автора», а «скорее как палимпсест, имеющий множество слоев и многих авторов»⁵⁰. Однако добавим, что «спичрайтеров» у Гарашанина могло быть сколько угодно, но последнее слово и ответственность за сформулированный документ все равно оставались за ним. И было бы нелепо авторство текстов государственных деятелей разделять с теми, кто эти тексты готовил. Отсюда нет никакой необходимости пересматривать авторство самой известной сербской программы, давно и справедливо закрепленное в историографии за Илией Гарашанином.

Кстати, примерно так же, как над «Начертанием», работал Гарашанин и с «Советами» Чарторыйского. Он немного сократил их перевод с французского языка на сербский и под заглавием «Несколько слов о русско-австрийских интригах в начале 1845 г.» передал Александру Карагеоргиевичу. В подготовке этого документа вновь принимал участие Ф. Зах. Тогда же, в начале 1845 г., сербскому князю было, вероятно, передано и само «Начертание».

В «Нескольких словах» говорилось, что Сербия имеет двух противников – Россию и Австрию и что она должна опираться на Турцию и Францию, стараясь добиться также расположения Великобритании. Тогда соотношение сил держав окажется три к двум в пользу Сербии. В то же время Сербское княжество, уяснив интересы европейских кабинетов, должно пытаться проводить самостоятельную внешнюю политику. Для этого у него должна быть цель, к которой нужно стремиться всеми силами. По отношению

⁴⁸ Подробнее о «тайном демократическом панславянском клубе» см. § 4 этой Главы.

⁴⁹ *Экмечич М.* Дуго кретање... С. 224–225.

⁵⁰ *Белов М.В.* Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 207.

к Турции предлагалось соблюдать лояльность, но одновременно – требовать от нее наследственной княжеской власти, вывода турецких войск из крепостей, расширения сербской территории в сторону Черногории. Австрия называлась врагом «славянской народности». Также нужно было стараться не попасть под влияние России. И наконец, Франция могла бы стать союзником Сербии, так как она якобы заинтересована в создании на Балканах большого славянского государства⁵¹.

Таким образом, если в «Начертании» речь шла в основном о политике Сербии в соседних областях, то в «Нескольких словах» Гарашанин специально и более конкретно изложил свои соображения по поводу отношений Сербии с великими державами.

План внешнеполитической деятельности Сербского княжества получил дальнейшее подтверждение в новом подготовленном для князя Александра Карагеоргиевича документе, озаглавленном «Основные мысли, которые должны доказать необходимость создания в Сербии Совета министров». Это сочинение готовилось в том же 1845 г. Йованом Хаджичем. Однако по требованию Вучича, не доверявшего австрийским сербам, Хаджич в 1846 г. был вынужден покинуть Сербию. Работу над «Основными мыслями» закончил в феврале 1847 г. Ф. Зах. Главной идеей этого документа была организация в княжестве нового конституционного органа власти – Совета министров. И именно он должен был покончить с начавшимися разногласиями внутри сербского руководства. Указывалось, что постоянного прогресса государство может добиться, только проводя единую национальную политику и введя в стране конституционную систему.

В области внешней политики в «Основных мыслях» повторялись идеи, изложенные в «Начертании». В документе говорилось о том, что из-за слабого развития путей сообщения Сербия «труднодоступна для некоторых стран». Это влияет на то, что Англия и Франция мало участвуют в сербских делах. Поэтому Сербия должна бороться за выход к Адриатическому морю, если же его не получит – искать поддержки среди соседних славянских народов. А по отношению к ним географическое положение княжества было названо счастливым сразу по трем причинам. Во-первых, Сербское княжество имеет право претендовать на руководство всеми сер-

⁵¹ *Страњаковић Д.* Како је постало... С. 103–104; *Историја србског народа.* Књ. V. Т. I. С. 272.

бами (не только в силу исторических традиций, но и в силу того, что благодаря ему «все сербство» получило государственность для своей народности). Во-вторых, Сербия находится в самом центре региона, населенного в основном братскими народами, которые все сильнее чувствуют, что они «родственны по языку, обычаям и нравам и как таковые имеют общие интересы. Это чувство народного единства все больше пробуждается среди сербов и всех южных славян». В-третьих, среди южных славян нет противоборства интересов, которое порождается существованием нескольких династий (как, например, у немецкого народа, имеющего многочисленные династии). Опасность для Сербии исходит только со стороны Михаила Обреновича.

Конкретно Зах предлагал избегать покровительства России, а также всего того, что может расстроить сербско-турецкие отношения. Сербскому княжеству ни в коем случае нельзя ускорять развал Турецкой империи, пока оно не будет в состоянии воспользоваться этим событием наилучшим образом. Когда же это все-таки произойдет, необходимо, используя поддержку Франции и Англии, воспрепятствовать разделу владений Турции между Австрией и Россией и создать новое независимое христианское государство. Говоря о национальной политике, Зах особенно останавливался на религиозных вопросах. Сербская церковь должна была полностью освободиться от влияния Константинопольской патриархии. Должны быть установлены хорошие отношения между государством и церковью, так как именно через церковь Россия пытается влиять на все государственные дела Сербского княжества. Среди католиков и мусульман Боснии и Герцеговины Сербия должна стараться проводить политику религиозной терпимости и точно такую же политику проводить для привлечения к себе католиков-граничар.

Сохранился документ, свидетельствующий, что Гарашанин приступил к редактированию «Основных мыслей». Он брал из этого сочинения целые положения и кратко их формулировал. Но эта работа осталась незаконченной. В конце 1847 г. Гарашанин зачитывал «Основные мысли» князю Александру. Сведений о дальнейшей судьбе этого документа нет. По-видимому, он потерял свою актуальность в связи с начавшимися революционными событиями в Воеводине.

В «Основных мыслях» по сравнению с «Начертанием» не было ничего принципиально нового. В. Вучкович, отвечая на вопрос, за-

чем тогда они были нужны, писал, что новый документ предназначался для более широкого круга лиц, в который включались и все министры Сербского княжества⁵².

Так или иначе, но «Основные мысли» показывают, что на протяжении 1844–1847 гг. внешнеполитическая программа Сербского княжества, сформулированная И. Гарашанином в «Начертании», оставалась фактически неизменной. Остается невыясненным вопрос отношения ко всем этим документам Александра Карагеоргиевича, насколько он руководствовался ими в своей практической деятельности. Р. Люшич указывает, что историки не смогли найти ни одного документа, который бы прояснил эту ситуацию⁵³. Нам представляется, что эти вопросы князь отдал на откуп своему министру, и они не были для него самыми насущными.

2. Внешняя политика Сербского княжества в середине 1840-х гг.

Наряду с тайными планами, изложенными в строго законспирированных документах, правительство Сербского княжества должно было продолжать вести «официальную» внешнюю политику, которая, как и в предыдущий период, была направлена прежде всего на укрепление позиций нового режима, получение наследственной княжеской власти и выселение турок из княжества.

Министерство (попечительство) иностранных дел находилось в ведении главы правительства А. Петрониевича. Однако характерно, что он, по-видимому, не знал о существовании внешнеполитической программы «Начертание» и не был посвящен в планы по ее реализации. По крайней мере, автору монографии о его деятельности Р.Й. Поповичу не удалось обнаружить ни одного письма или документа, из которых было бы видно, что Петрониевич размышлял о расширении границ княжества за счет турецких территорий в середине 1840-х годов или это планировал⁵⁴.

⁵² *Vičković V.* Prilog proučavanju postanka «Načertanija» (1844) i «Osnovnih misli» (1847) // *Jugoslovenska revija za međunarodno pravo.* 1961. № 1. S. 69–76; *Жачек В.* Улога Франтишека А. Заха у Србији // *Глас ССХС.* Српска академија наука и уметности. Одељење историјских наука. 1974. Књ. I. С. 162–165.

⁵³ *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 71.

⁵⁴ *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. С. 203.

Специфичен был и состав министерства иностранных дел, которое, кстати, по количеству чиновников было одним из самых малочисленных и вело свое начало еще от княжеской канцелярии времен князя Милоша. Даже министра в его отсутствие замещал глава княжеской канцелярии (должность помощника министра появилась только в 1850 г.). Помимо дипломатов в министерстве служили секретари, делопроизводители, протоколисты, архивисты, регистраторы, экспедиторы, канцеляристы, практиканты, писарь на турецком языке, переводчики с греческого, немецкого и французского и адъютанты. В ведении министерства были два единственных на тот момент зарубежных дипломатических представительства Сербии – агентства в Константинополе и Бухаресте⁵⁵.

Нормальную жизнь княжества осложняли постоянные попытки Обреновичей вернуться к власти. Фактически в течение всего срока существования в Сербии режима уставобранителей сторонники бывшей правящей династии не прекращали борьбы за утраченные позиции. Так, не успели вожди уставобранителей Т. Вучич и А. Петрониевич вернуться в страну после ссылки, как был поднят мятеж, вошедший в историю под названием «Катанская буна» и явившийся, как упоминалось, самой серьезной попыткой Обреновичей вернуться к власти. В ночь на 22 сентября 1844 г. несколько десятков всадников, одетых в австрийскую военную форму, переправились из Австрии в Сербию и начали боевые действия. Руководил этим отрядом убежденный противник уставобранителей Стоян Йованович-Цукич, который арестовывался еще за участие в Смедеревском заговоре, но затем бежал.

Заняв почти без сопротивления города Шабач и Лозницу и увеличив свой отряд до 500 человек, Йованович направил его к городу Валево. Под угрозой военного поражения князь Александр был вынужден призвать на помощь Тому Вучича, присвоив ему, как упоминалось, специально введенное звание воеводы. Рассчитывая вновь выдвинуться на передний план в руководстве княжества, Вучич согласился принять «верховное командование»⁵⁶.

⁵⁵ Там же. С. 192.

⁵⁶ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља 1842–1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932. С. 45; *Милићевић Ј.* Историја Катанске буне (Србија 1844) // Зборник Филозофског факултета у Београду. 1960. Књ. V–1. С. 287–295.

Однако он не успел толком принять участие в разгроме повстанцев. Но сам клич, что идет Вучич, внушал страх восставшим и воодушевлял правительственные войска. Отряд Стояна Йовановича был разбит при первом же серьезном испытании, когда на подходе к Валево ему был дан отпор со стороны войск этого округа во главе с прибывшим из Белграда старым протоиереем Матией Ненадовичем. Предводителя восстания, мертвого и голого, распяли на колесе⁵⁷. Вучич же в основном занимался расследованием этого мятежа, чрезвычайно жестоко расправившись с его участниками.

Таким образом, Обреновичи вновь потерпели поражение. В самой Сербии у них уже не оставалось хорошо подготовленных организаций. Большинство народа в Сербии их также не поддержало. В свою очередь уставобранители перед лицом опасности смогли еще раз сплотиться, а два их лидера успели вернуться в страну из ссылки.

Характерно, что Г.И. Данилевский, первым получивший известие о начале Катанской буны, сразу же оповестил о нем сербское правительство. Благодаря этому оно смогло предпринять необходимые меры. Правда, с другой стороны, российский консул, как и во время Смедеревского заговора, энергично хлопотал о помиловании осужденных участников нового мятежа⁵⁸.

Если до Катанской буны Данилевский неоднократно добивался предоставления пенсий бывшим министрам и советникам Михаила Обреновича, то теперь он писал бывшему министру Стефану Радичевичу, что в последний раз передал его прошение Петрониевичу и больше посредником в этом деле не будет. Он подчеркивал, что выступает против любых интриг, направленных во вред нынешнему сербскому правительству, так как оно «удостоено утверждения покровительствующего и владетельного двора»⁵⁹.

Австрия тоже открыто не поддержала выступление Йовановича, хотя оно и готовилось на ее территории и именно оттуда началось вторжение в Сербию. И несмотря на то, что мятеж, вопреки утверждениям самого Йовановича, был делом рук не Михаила, а имевшего тесные связи с венским двором Милоша. Только старый князь мог в то время так энергично бороться с уставобранителями и жертвовать на это дело огромные деньги⁶⁰.

⁵⁷ *Ђирковић С.Ц.* Књаз Михаило Обреновић. С. 58.

⁵⁸ *Милићевић Ј.* Историја Катанске буне. С. 296–295.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. ГА V–A2. 1844. Д. 225. Л. 25–2.

⁶⁰ *Милићевић Ј.* Историја Катанске буне. С. 307–308.

По указанным причинам сербское правительство заподозрило в организации Катанской буны именно австрийскую сторону. Петрониевич говорил новому австрийскому консулу в Белграде Ф. Майерхоферу, что «заговор составился не без помощи австрийских властей и что поддерживал его Милош». Глава сербского правительства потребовал высылки из княжества наиболее опасных с его точки зрения австрийских подданных и удаления от границ в глубь Австрии замешанных в мятеже Стояна Йовановича сербских эмигрантов. Майерхофер ответил почти прямым отказом⁶¹.

И в целом австрийское правительство сочло ноту Петрониевича «неприличной, как по заключающимся в оной выражениям, так в особенности потому, что сербское правительство, упустив из виду политическое значение Сербии, находящейся в совершенной зависимости от Оттоманской Порты, позволило себе обратиться к первоклассной державе с самыми высокомерными требованиями». Точку зрения Вены разделил Петербург, поручив Данилевскому сделать сербскому правительству замечание «за столь опрометчивый поступок»⁶².

В Белград доносили из Венгрии, что будто бы едва пришло в Вену известие о Катанской буне, как австрийское правительство вызвало на допрос князя Милоша, и Меттерних поручил ему заявлять, «что он о заговоре Йовановича ничего не знает и знать не мог, ибо находился в отсутствии из Вены». Так или иначе, но в ответ на ноту Петрониевича австрийское консульство в Белграде предоставило письмо, в котором Милош отрекался от участия в мятеже против уставобранителей⁶³.

Хотя новый мятеж сторонникам уставобранителей организовать уже не удалось, они продолжали свою антиуставобранительскую деятельность. Через полтора года после Катанской буны возник заговор свиноторговца из города Ягодина Мирчи Стояновича и его сына Йованчи («Мирчев и Мирчичев заговор»), когда в апреле 1846 г. они как сторонники Обреновичей начали тайно агитировать за свергнутую династию в Ягодинском округе. Считается, что и этот заговор финансировался Милошем. Но скоро деятельность Стояновичей была пресечена из-за предательства. Другим

⁶¹ *Полов Н.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. Ч. II. М., 1869. С. 239–240.

⁶² АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1844. Д. 15. Л. 232–233.

⁶³ *Полов Н.* Россия и Сербия. С. 239–240.

местом активности сторонников Обреновичей была Босния. Там в интересах свергнутой династии действовали торговец Будимлич, священник Павле и гайдук Новак. Еще два человека из Боснии поддерживали связь с князем Милошем через Нови-Сад, где постоянно находился его брат Йован⁶⁴.

В разгар расследования дела о заговоре Мирчи Стояновича, в середине 1846 г., Илия Гарашанин сообщил князю Александру о том, что в Болгарии в городе Видине турецкими властями арестован сербский торговец Тас Башкалфич. С ним было арестовано еще шесть человек. Все они обвинялись в намерении подготовить восстание болгар против турок. Причем это восстание в Видинском пашалыке должно было быть поднято также в интересах Милоша Обреновича⁶⁵.

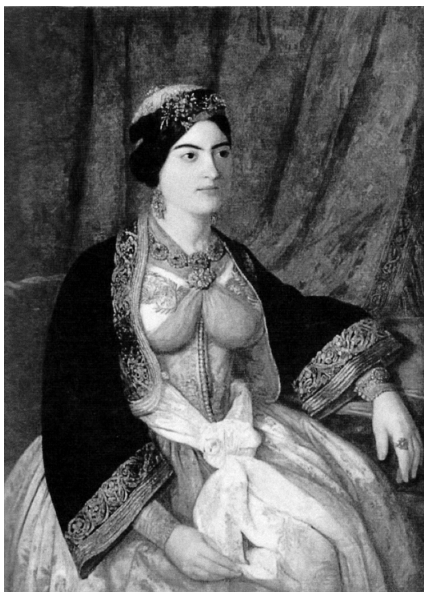
В начале апреля 1847 г. командующий австрийскими войсками в Земуне М. Унгерхофер сообщил своему коллеге в Петроварадине Я. Храбовскому о поездке в Белград Джордже Божиновича, который вел турецкую корреспонденцию князей Милоша и Михаила. Божинович приехал из Вены с письмом Милоша на имя Вучича и возвратился назад с ответом сербского воеводы. Затем Божинович с новым посланием Милоша приехал в Земун и уже оттуда послал с доверенным лицом письмо Вучичу. Для ответа князю Милошу вскоре в Земун пожаловал и сам Вучич. Унгерхофер добавлял, что никто, кроме старого князя, не в состоянии хорошо управлять Сербией, только Милош должен отказаться от желания править «абсолютистски и самовольно».

В то же время в пограничный воеводинский город Сремска-Митровицу приехал один из организаторов Катанской буны Константин Богданович. Тогда же вблизи сербской границы был задержан, но затем отпущен сербский эмигрант Б. Михайлович; там же появлялся другой эмигрант – Т. Хариш-Атанасиевич. Храбовский в конце апреля докладывал, что, учитывая роль К. Богдановича в событиях 1844 г. и появление на границе Т. Хариша и Б. Михайловича, можно прийти к заключению о подготовке какой-то акции против сербских властей в интересах князя Милоша.

⁶⁴ Стојанчевић В. Једна Обреновићевска завера против уставо-бранитељског режима 1846. године // Историјски часопис. 1965. Књ. XIV–XV. С. 112, 115–122. 127; Преписка Илије Гарашанина. Књ. 1. Београд, 1950. С. 125.

⁶⁵ Стојанчевић В. Башкалфићева афера у Западној Бугарској 1846. године // Историјски часопис. 1973. Књ. XX. С. 213–216. 227–228; Преписка... С. 126.

В начале августа 1847 г. четверо сторонников Обреновичей переправились через Саву в надежде поднять восстание в Шабацком, Валевском и Рудницком округах. Это были И. Йованович, Р. Павлович, Г. Рашкович и Ж. Драгойлович. Двое последних сразу же были арестованы. В середине августа через Дунай переправились Б. Михайлович, Л. Пеич и Ж. Ступаревич. Первый был тяжело ранен, попал в плен и вскоре умер; двое других – пойманы позже. В связи с этими событиями были значительно усилены пограничные кордоны и с австрийской, и с сербской стороны⁶⁶.

Илл. 17. Княгиня Персида Карагеоргиевич

То, что в последних событиях оказался замешан Т. Вучич, было проявлением усилившихся раздоров внутри сербского руководства. Александр Карагеоргиевич, не желавший быть простой марионеткой уставобранителей, пытался опереться на Австрию и сложившуюся вокруг него камарилью, состоящую в основном из Ненадовичей (родственников его амбициозной жены Персиды) и австрийских сербов. Князю Александру способствовало и то, что Государственный совет, который вначале представлял собой мощную институцию, успешно борющуюся с князем Милошем, постепенно превратился в слабый бюрократический орган, не связанный никак с народом⁶⁷.

Одним из лидеров княжеской группировки стал Стеван Петрович-Кничанин. Противоположная группировка сложилась вокруг

⁶⁶ Гавриловић С. Покушај обарања уставобранитеља 1847. године // Историјски часопис. 1977. Књ. XXIV. С. 177–180, 184–185, 188.

⁶⁷ Љушић Р. Историја српске државности. Књига II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 164; Jovanović N. Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). Drugo izdanje. Beograd, 2011. S. 18.

Томы Вучича-Перишича, который перешел в открытую оппозицию князю. В своей борьбе воевода был готов заручиться любой поддержкой, в том числе и русской, так как рассчитывал на использование прорусских настроений сербских крестьян. Независимо от Вучича, в той или иной степени прорусской ориентации придерживались Стефан Стефанович-Тенка, Паун Янкович-Бача и Павле Станишич⁶⁸.

По мнению Р.Й. Поповича, Вучич с тех пор и до конца жизни уже не менял своей ориентации на Россию. Но если Тенка и Паун Янкович искренне верили в Россию как естественную защитницу небольших славянских народов, то Вучич был прагматичнее – просто в своей борьбе за власть он нуждался в сильной внешней поддержке. В свою очередь и Россия через Вучича пыталась расширить свое влияние в Сербском княжестве. Побывавший тогда в Белграде Л. Гай доносил австрийскому правительству, что Вучич не является «вождем русской партии», но по своему положению и характеру он – самый значительный ее представитель⁶⁹.

А. Петрониевич по-прежнему ориентировался на Порту, и это был единственный случай в XIX в., когда выбор пал на какую-то третью силу, а не на Россию или Запад⁷⁰. И в целом князь Александр Карагеоргиевич и видные уставобранители, исключая в известной степени Гарашанина, демонстрировали лояльность по отношению к Порте. Если эта позиция их объединяла, то по отношению к европейским державам среди них, как видим, уже не было единства.

Укреплению позиций Александра Карагеоргиевича способствовала встреча сербского князя с султаном Абдул-Меджидом в мае 1846 г. в болгарском городе Казанлык. Александра сопровождали Аврам Петрониевич, Илия Гарашанин, Милосав Здравкович-Ресавац и Стеван Петрович-Кничанин, в то время как Вучич остался замещать князя в Белграде. В сербской делегации Петрониевич выполнял еще и функции переводчика. Султан принял Александра Карагеоргиевича подчеркнуто радушно, подарил ему свой портрет, украшенный драгоценными камнями, и дорогую саблю «во утверждение его княжеского достоинства». Кроме того, князь и его свита получили турецкие титулы: Александр – мушира (маршала), Петрониевич – ферика (генерал-лейтенанта), а Книча-

⁶⁸ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 88–89.

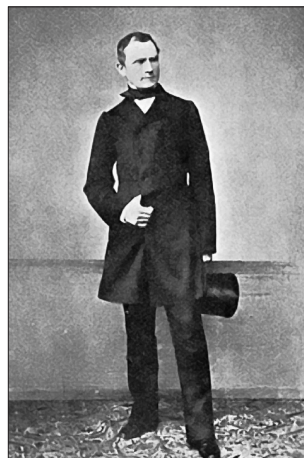
⁶⁹ *Поповић Р.Ј.* Тома Вучић Перишић. Београд, 2003. С. 182, 186–187.

⁷⁰ Там же. С. 209.

нин и Ресавац – миримирана (бригадного генерала). После этой поездки еще больше усилилось туркофильство сербского князя. К тому же на его сторону стал склоняться, разойдясь с Вучичем, второй лидер группировки уставообранителей, убежденный туркофил Аврам Петрониевич⁷¹.

С другой стороны, на укрепление позиций сербского князя повлияла нормализация отношений Сербии с Россией. Уже в начале 1844 г. в княжество было разрешено отправить большую партию оружия, закупленного ранее Михаилом Обреновичем. К.В. Нессельроде писал новому посланнику в Константинополе В.П. Титову, что, «приняв в уважение, что обстоятельства, по коим вывоз оружия в Сербию был приостановлен, миновали», а также ходатайства Ливена, царь снял запрет на поставку вооружения⁷². Также была оказана помощь сербской православной церкви. По просьбе Данилевского в 1846 г. в Сербию были посланы церковные книги и принято оттуда на учебу в духовные семинарии Петербурга, Москвы и Киева шестеро молодых сербских священников. По мнению российского консула, эта акция должна была помочь «оградить надежным образом православие сербского народа от того влияния, которое вкрадывается от католицизма из Австрии»⁷³.

В 1845–1846 гг. Данилевский неоднократно сообщал в Петербург, что ему удалось почти полностью преодолеть неприязненное отношение к России: князь и члены правительства поддерживают с ним хорошие отношения и проявляют всевозможную предусмо-

Илл. 18. Владимир Павлович Титов

⁷¹ Попов Н. Россия и Сербия. С. 244; Страняковић Д. Влада уставообранитеља... С. 96–98; Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 186; он же. Аврам Петронијевић. С. 195–196.

⁷² АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1854. Д. 4. Л. 32об.–33.

⁷³ Там же. Ф. ГА V–A2. 1844. Д. 225; Там же. Ф. Отчеты МИД. 1846. Л. 241–241об.; см. также: Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е годы XIX века: документы российского МИД. М., 2013. С. 350–357.

трительность⁷⁴. Он вспоминал, что когда «только прибыл в страну, отличительными чертами, характеризовавшими позиции всех (за редким исключением) лиц, стоявших в Сербии во главе нации, были прохладное, явственное отчужденное отношение к России и очевидное недоверие к нашей политике». «Ныне, – продолжал консул, – старейшины из числа некогда наиболее раздосадованных говорят, что мы совершили немало ошибок и только сейчас приходим к пониманию того, что наш покровитель действовал в отношении нас как отец, в чьей власти было упразднить утвержденный нами берат и, стоило ему только этого захотеть, навязать нам любую свою волю, однако всё было сохранено, как мы того желали»⁷⁵.

После посещения Александром турецкого султана и награждения его знаками отличия царское правительство, со своей стороны, в ноябре 1846 г. также наградило сербского князя орденом Св. Анны 1-й степени. Это было новым подтверждением легитимности князя Александра, так как точно таким же орденом до него награждались и все предыдущие сербские вожди: Карагеоргий, Милош и Михаил Обреновичи. По поводу вручения ордена Нессельроде писал Александру, что из донесений Данилевского в Петербурге знают о постоянных усилиях князя по «утверждению спокойствия и благосостояния сербского народа»⁷⁶.

Рост влияния царской дипломатии в Сербии стал вызывать опасения не только правительств Франции и Великобритании, но и Австрии. В июне 1846 г. М. Унгерхофер с тревогой сообщал, что на устроенный в те дни званый обед из всех иностранных представителей был приглашен один Данилевский. По словам австрийского генерала, это свидетельствовало о том, что «Россия опять заняла первое место в Сербии»⁷⁷. В известной мере Унгерхофер преувеличивал. Более того, под влиянием Австрии активизировалась княжеская камарилья, которой удалось в январе 1847 г. вытеснить из состава правительства двух русофилов: Пауна Янковича и Павле Станишича⁷⁸.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1843–1849. Д. 8. Л. 72–73; Там же. 1830–1854. Д. 12. Л. 260.

⁷⁵ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 348.

⁷⁶ Попов Н. Россия и Сербия. С. 246; *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 98–99.

⁷⁷ *Шурмин Ђ.* Документи о Србији од 1842–1848 // Споменик Српске краљевске академије. 1929. Књ. 69. С. 53.

⁷⁸ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 100–101.

В 1846 г., стремясь использовать хорошие отношения с Портой для получения уступок, уставобранители поставили перед ней вопрос о приведении, наконец, в исполнение хатти-шерифа от 1833 г. о выселении турок из княжества. Согласно этому хатти-шерифу, за пять лет турки должны были либо покинуть Сербию, либо поселиться внутри Белградской и пяти других турецких крепостей на территории княжества. Сербское правительство жаловалось, что срок давно прошел, но хатти-шериф не только не приведен в исполнение, «но, напротив, вопреки приказу с того времени множество турецких семей поселилось в Сербии»⁷⁹. Однако эта просьба сербского руководства не принесла никакого результата.

Другой уступкой, на которую рассчитывало сербское правительство, было получение от Порты фермана, узаконившего за Карагеоргиевичами наследственную княжескую власть. В августе 1847 г. член Совета и личный друг князя Александра Стеван Петрович-Кничанин разослал циркуляр всем окружным начальникам, видным государственным и церковным деятелям, в котором доказывал необходимость постановки перед Портой этого вопроса. Одновременно представители княжества в Константинополе Лазар Зубан⁸⁰ и Константин Николаевич тайно от России стали добиваться наследственной княжеской власти для Александра перед руководством Турции. Сербским представителям помогали дипломаты Великобритании и Франции, а также агенты Чарторыйского⁸¹.

Когда об этих усилиях сербских представителей узнали в Петербурге, Порта была вынуждена запросить и мнение царского посланника В.П. Титова. Тот ответил формальным согласием, поскольку «императорский двор желает оказать внимание к законным правам верховного обладателя Сербии». Вместе с тем Титов указывал, что не следует торопиться, так как таковым признанием Порты, «с одной стороны, лишит себя через то средств для дальнейшего поощрения Александра к упрочению благосостояния Сербии, а с другой, в случае преждевременной его смерти подвергнет Сер-

⁷⁹ АВПРИ. Ф. ГА V–A2. 1846. Д. 227. Л. 24–24об.

⁸⁰ Находившийся в Константинополе с 1840 г. Лазар Зубан не без оснований подозревался русской дипломатией в связях с польской эмиграцией (см.: Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 277, 284, 334).

⁸¹ *Страняковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 147–155; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1847. Д. 835. Л. 90–90об.

бию опасности быть жертвой внутренних раздоров и безначалия», вследствие малолетства княжеского сына⁸².

Османская Порта, не стремившаяся давать Сербии новые права, быстро успокоилась и заявила Николаевичу, что она, «приняв в соображение, сколько разглашение порицательной интриги Кничанина может повредить репутации князя сербского и запутать дела в Сербии, решила оставить этот вопрос на некоторое время без дальнейшего хода»⁸³.

Причем вопрос о наследственной княжеской власти привел к определенному охлаждению отношений между Сербией и Россией. Петербург в то время не желал каких-либо изменений в правовом положении княжества, тем более если их добивались за его спиной. Протест против планов наделения Александра Карагеоргиевича наследственной властью высказывал российскому консулу Т. Вучич. Он же действовал по срыву этих планов среди своих сторонников в сербской провинции⁸⁴.

Но в целом на отношения Данилевского с сербским руководством это не оказало существенного влияния. Так, в связи с празднованием Нового 1848 года князь Александр свой первый визит, несмотря на протест белградского паши, нанес именно российскому представителю. Данилевский сообщал, что «поведение главнейших старейшин продолжает быть правильным», что князь после бесед с ним также начал понимать «образ действий белградского паши и тех людей, которые под предлогом преданности ему сделали его сообщником интриги» по поводу наследственной власти. Петрониевич же дал сербскому представителю в Константинополе К. Николаевичу строгое предписание не предпринимать никаких шагов перед Портой, «не испросив наперед наставлений российской миссии»⁸⁵.

И все же, несмотря на убеждение Данилевского в полной расположенности к нему сербского руководства, России не удалось полностью вернуть свое влияние в княжестве. Заверяя на словах в верности императорскому двору, сербские политические деятели во

⁸² АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1847. Л. 236–237об.

⁸³ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1847. Д. 835. Л. 124–124 об.

⁸⁴ Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 188.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 837. Л. 43, 46–46об., 51.

главе с Гарашанином разработали, как упоминалось, внешнеполитическую программу «Начертание», прямо направленную на ограничение русского влияния, а затем и приступили к ее реализации. Донесения Данилевского не позволяют сделать вывод о том, что России тогда было известно что-либо конкретное об этой программе. Неведением истинного положения дел в Сербии отчасти и объяснялись чрезмерно оптимистические отчеты российского консула.

3. Первые мероприятия по реализации «Начертания»

Уже в 1845 г. Гарашанин разослал по соседним с Сербией областям своих агентов, которые по возвращении должны были отчитаться об увиденном. Задачи этих агентов были определены в «Начертании»: 1) узнать о политическом положении земли, обращая особое внимание на различные партии, тайное желание народа и его первейшие потребности; 2) узнать о военном положении земли, боевом духе и вооружении народа; 3) составить список и дать характеристику самым влиятельным людям, включая и противников Сербского княжества; 4) узнать, что в каждой из этих земель думают о Сербии, чего от нее ожидают, а чего опасаются⁸⁶.

Агенты Гарашанина к началу 1846 г. вступили в близкие и доверительные отношения с различными деятелями соседних земель, главным образом в тех районах, которые по «Начертанию» должны были быть присоединены к Сербии, – в Боснии и Герцеговине, Черногории и Северной Албании.

В Боснии и Герцеговине прежде всего предусматривалось привлечь на свою сторону не только православных сербов, но и католиков. Для этого в программе и был провозглашен принцип свободы вероисповедания. Причем, опасаясь влияния католической Австрии, Гарашанин специально оговаривал важность сотрудничества с боснийскими францисканцами. Этот умеренный и близкий к народу католический орден имел среди боснийских католиков сильные позиции и в тот момент вел ожесточенную борьбу со ставленником австрийского правительства епископом Рафаэлом Баришичем. Конфликт возник еще в 1832 г., после назначения епископа в Боснию. Баришич сразу же попытался сконцентрировать в своих

⁸⁶ *Страњаковић Д.* Југословенски национални и државни програм... С. 21.

руках всю власть над католическим населением этой провинции, ограничивая при этом традиционную автономию францисканцев. Возникший конфликт, вошедший в историю под названием «Баришичева афера», длился 14 лет и закончился отставкой амбициозного епископа в 1846 г., как раз тогда, когда агенты Гарашанина разворачивали свою деятельность.

С начала 1840-х годов борьба францисканцев с Баришичем достигла кульминации. Многие францисканцы пытались найти поддержку в этом противостоянии то среди деятелей иллирийского движения в Хорватии, то среди сторонников активной национальной политики в Сербии. Так, в апреле 1845 г. в Белград приехали два францисканца – Филип Пашалич и Степан Марьянович. Благодаря содействию своего старого друга, тоже францисканца, Томы Ковачевича (служившего в сербском министерстве иностранных дел с 1842 г.), они встретились с некоторыми сербскими государственными деятелями, в том числе с заместителем Гарашанина Р. Дамяновичем. Кроме Пашалича и Марьяновича, в Белград приезжали в то время и другие францисканцы – Блаж Йосич, Иво-Франьо Юкич, Мартин Недич. Всем им в княжестве была оказана материальная помощь. А некоторые из этих францисканцев вскоре стали агентами гарашанинской тайной организации.

Когда Ф. Пашалич в 1846 г. отправился в Константинополь, чтобы привлечь Порту на сторону своего ордена в борьбе с Баришичем, один из виднейших соратников Гарашанина Матия Бан наставлял его искать поддержки также и среди представителей польской эмиграции. По мнению Бана, искать опоры надо среди тех, «кто может и хочет помогать нашему народному делу, а это – в первую очередь – поляки». Бан говорил также, что поляки имеют хорошие связи не только с турецким правительством, но и с дипломатическими представителями Франции и Англии. Единственно, что нас различает, сетовал Бан, так это то, что поляки «не хотят знаться с русскими, а мы хотим, но только при условии, если останемся полными хозяевами в своем доме»⁸⁷.

В начале 1848 г. Т. Ковачевич составил сообщение для Гарашанина под названием «Примечание о направлении движения народа в Боснии», в котором в 14-ти пунктах описал политическую обстановку в этой турецкой провинции. Ковачевич описывал тяжелое

⁸⁷ *Кецмановић И.* Баришићева афера. Сарајево, 1954. С. 5, 80; *Он же.* Иво Франьо Јукић. Београд, 1963. С. 71–72.

положение боснийского населения (которое он не делил на православных, католиков и мусульман) и полагал, что, если положение не изменится, можно ожидать антитурецкого восстания. Причем к восстанию может присоединиться и много людей из Военной Границы и пограничных районов Сербии. Ковачевич ожидал от княжества денежной помощи, предупреждая, что если она не поступит, то боснийцы обратятся за помощью к Милошу Обреновичу. Весной 1848 г. Ковачевич подготовил новое сообщение, в котором писал, что условия стали еще больше способствовать восстанию против турок. Он особенно выделял население в районах Требинье, Вышеграда, Сараево, Горажде. Турки опасались, что на помощь жителям Боснии, переправившись через Дрину, придут сербы из княжества. В целом, по его словам, к восстанию были готовы нахии, граничившие с Далмацией и Хорватией⁸⁸.

Среди православного населения Боснии и Герцеговины Гарашанину тем более удалось найти сторонников своей деятельности. Так, в Герцеговине связь поддерживалась с мостарскими торговцами. От них сербское правительство регулярно узнавало о расположении герцеговинского населения и в результате этих донесений пришло к выводу, что, когда будет нужно, герцеговинцы тут же поднимут восстание. В Боснии Гарашанин привлек к сотрудничеству некоего торговца Ристо Богдановича из Сараево. Этот торговец переселился затем в Славонски-Брод, где на самом бойком месте открыл кофейню, в которой останавливались торговцы, иностранные агенты и т. п. Обо всем услышанном и увиденном Богданович тут же сообщал в Белград. После смерти этого торговца дело продолжил его сын Стево, также ставший доверенным лицом И. Гарашанина. Всего в Боснии и Герцеговине действовало 17 гарашанинских доверенных лиц⁸⁹.

Важное место в «Начертании» отводилось отношениям Сербского княжества с другим (фактически независимым) сербским государством – Черногорией. Во внешнеполитической программе предполагалось послать в расположенный на адриатическом побережье город Улцинь торгового агента. Он должен был наладить в этом районе сербскую торговлю, что облегчило бы в дальнейшем получение княжеством выхода к морю. Также предполагалось, по примеру

⁸⁸ Agičić D. Tajna politika Srbije... S. 29–30.

⁸⁹ Страняковић Д. Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама 1844–1858. године. Београд, 1936. С. 5.

России, оказывать черногорскому владыке необходимую ежегодную помощь, чтобы «за малую цену заручиться дружбой со страной, которая не менее 10 тыс. воинов-горцев» выставить может⁹⁰.

Связь с черногорцами пытался установить еще Ф. Зах. Приехав в Сербию, он жаловался Чарторыйскому, что контакты с Черногорией чрезвычайно затруднены и что он не знает никого, кто бы переписывался с черногорским владыкой Петром II Петровичем-Негошем. Поэтому Зах сам собирался поехать в Цетинье, но этому помешало известие о посещении Негошем Вены. Сербское правительство было недовольно этим визитом, так как опасалось, что владыка мог попытаться заручиться поддержкой Австрии, России или Милоша Обреновича. Не сумев посетить Черногорию, Зах предложил Гарашанину послать туда специального агента-наблюдателя. В письмах к Чарторыйскому польский агент обвинял Гарашанина и временно исполнявшего обязанности министра иностранных дел Сербии А. Симича в недостаточной активности. Наконец в Цетинье был послан боснийский францисканец Степан Веркович. Однако Зах был недоволен выбранной кандидатурой. Он считал, что православному митрополиту может не понравиться, что на переговоры с ним прибыл католик. По мнению Заха, Верковича было целесообразнее использовать для связи с католиками-албанцами⁹¹.

Вскоре в Сербии узнали, что поездка Петра II в Вену закончилась безрезультатно. Он ездил туда в связи с захватом албанскими мусульманами во главе со скадарским пашой двух черногорских островов на Скадарском озере. Для ответных действий владыка пытался приобрести в Вене огнестрельное оружие за счет российских пособий. Однако в российском посольстве ему было заявлено, что «Россия, находясь в приятных отношениях с Портой Оттоманской, не будет содействовать ему в военных предприятиях против подданных султана», но если Негош «подчинится необходимости терпеливо ждать законного разрешения его домогательства», то царский посланник в Константинополе сделает турецкому правительству «представление о возвращении отнятых албанцами островов»⁹².

⁹⁰ *Страњаковић Д.* Југословенски национални и државни програм... С. 27–29.

⁹¹ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1957. С. 74–76.

⁹² АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1843. Д. 13. Л. 232–233об.

Используя удобный момент, Зах предложил сербам самим послать черногорцам необходимые деньги. С этой миссией в Цетинье был послан серб из Хорватии, бывший офицер австрийской армии Стеван Х(е)ркалович. Еще в 1837 г. он с намерением основать военную школу приехал в Белград и с 1843 г. был на службе у сербского правительства. Херкалович являлся сторонником иллиризма, поддерживая постоянную переписку с лидером этого хорватского движения Людевитом Гаем.

Илл. 19. Петр II Петрович-Негош

В Цетинье С. Херкаловича ожидал радушный прием. Негош сообщил ему, что Обреновичи плетут интриги против княжества, что князь Михаил хотел даже приехать в Черногорию, но не получил от него разрешения. Херкалович передал владыке первую денежную помощь от сербского правительства в размере 1000 дукатов⁹³.

По-видимому, именно в это время Петр II начал склоняться к совместной деятельности с Сербским княжеством. Не случайно именно в это время Негош написал самое известное произведение сербской литературы – «Горный венец», это, как его еще порой называют, «евангелие сербов-патриотов». В направлении заключения союза с Сербией на владыку влияли и польские эмигранты. Так, еще в 1843 г. Чарторыйский послал в Цетинье своего агента Станислава Станиславчика. Активно воздействовали на владыку поляки и во время посещения Негошем Вены.

Однако антирусская направленность польских советов (воспринятая в том числе и в «Начертании») не могла получить поддержки в русофильской Черногории. Специальный представитель

⁹³ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња... С. 76–77; Он же. О Стевану Хркловићу // Историјски часопис. 1970. Књ. XVI–XVIII. С. 109–112.

Л. Гая в Сербском княжестве Степан Цар, рассказывая Заху о своем посещении Цетинье, подчеркивал неизменные горячие симпатии черногорцев к России и в качестве одного из главных сторонников прорусской ориентации называл секретаря Негоша Димитрие Милаковича. Вообще, по словам Цара, черногорцы всех приезжавших к ним славян считали русскими, а его самого из-за бороды принимали за казака. О Д. Милаковиче хорошо отзывался и наставник племянников Негоша И. Джакович, приехавший в Белград в апреле 1845 г. и познакомившийся там с М. Баном⁹⁴.

О более подробных планах получения Сербией выхода к Адриатическому морю позволяет судить статья, появившаяся в апреле 1847 г. в официальной газете княжества «Србске новине». Авторство этой статьи, которая называлась «Несколько слов о нашей морской торговле и пути к морю», приписывается Александру Васоевичу. Он был сыном известного авантюриста Николы Васоевича, пытавшегося еще в 1841 г. при содействии польской эмиграции основать на территории между Сербией и Черногорией независимое государство «Холмию». В упомянутой статье указывалось, что только те страны в состоянии вести большую торговлю, которые имеют выход к морю. Необходимый для Сербии выход к Адриатике задумывался Александром Васоевичем по территории княжества от Белграда через Крагуевац до Рашки, а далее по турецким владениям до Скадара и Улциня. До Рашки дорогу должно было прокладывать сербское правительство, а далее – Порты, «которая дороги во всем своем государстве в лучшее состояние привести желает»⁹⁵.

Наконец, согласно «Начертанию», была развернута деятельность в Северной Албании. Она, как и Черногория, была важна в связи с планами получения выхода к морю. Как известно, Албанию населяли мусульмане, православные и католики, но к тому времени большинство уже составляли албанцы-мусульмане (до 58%). Православная церковь Албании, зависевшая от Константинопольской патриархии, основные позиции имела на юге страны, а на севере (именно через эти области должна была проходить задуманная сербским правительством дорога к адриатическому побережью) основную массу населения составляло католическое племя мирдитов. Оно упорно сопротивлялось все усиливавшейся политике ис-

⁹⁴ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња... С. 76, 78–81.

⁹⁵ Там же. С. 28–29, 38–40, 43–45, 81–83.

ламизации османских властей, вело постоянную борьбу за сохранение своей традиционной автономии⁹⁶.

В Северной Албании у гарашанинской организации связь была установлена с католическим священником Доном Карлом – Гаспаром (Йоштаром) Красничи. Он неоднократно бывал в Белграде, где контактировал прежде всего с М. Баном. Албанский священник стал главным действующим лицом по вовлечению албанцев-католиков в совместную борьбу против Турции. Будучи доверенным человеком мирдитского вождя Биб Доды, Красничи добился от него согласия на сотрудничество с сербами. Биб Дода пошел на этот союз при условии, что в будущем государстве мирдиты сохранят свою автономию и свободу вероисповедания. Кроме того, Красничи вел регулярную переписку на латинском языке и с самим Гарашанином⁹⁷.

Таким образом, к 1848 г. в Боснии и Герцеговине, Черногории и Северной Албании были в основном налажены приготовления по организации в этих землях более активной политической деятельности. Везде у Гарашанина теперь появились сторонники, сообщавшие ему о положении дел и о перспективах дальнейшего сотрудничества.

Отдельно следует сказать о Болгарии. В «Начертании» этой стране было уделено много места. По отношению к ней ставились следующие задачи: 1) обучить часть болгарской молодежи в сербских школах; 2) обучить также некоторое число болгарских юношей богословию с тем, чтобы они затем в Болгарии боролись с засильем греческого духовенства; 3) печатать для болгар церковные и светские книги, так как «это важное средство Россия уже давно использует, и Сербия должна думать, как ее здесь обогнать»; 4) послать в Болгарию сербских агентов, «которые бы внимание болгарского народа на Сербию обратили и пробудили в нем дружеские к ней чувства, а также оживляли надежду на то, что Сербия действительно готова прийти болгарам на помощь и избавление и для счастья их постараться»⁹⁸.

Начало деятельности Сербского княжества по привлечению на свою сторону болгар совпало с активизацией борьбы болгарского

⁹⁶ *Стојанчевић В.* Политика Србије према Албанији у 19 веку. Прилог познавању српско-арбанашких веза пријатељства у периоду од 1844 до 1875. године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1968. № 49. С. 7–8.

⁹⁷ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 5.

⁹⁸ *Страњаковић Д.* Југословенски национални и државни програм... С. 24.

народа против Константинопольской патриархии, за независимую национальную церковь. Эту борьбу вели находившиеся в Константинополе известные деятели болгарского возрождения архимандриты Неофит Бозвели и Илларион Макариопольский.

В болгарские дела вмешивалось также правое крыло польской эмиграции. Причем помощь, которую поляки оказывали болгарам в церковном вопросе, несла в себе и негативные моменты. Так, поляки вели активную католическую пропаганду среди них и других южных славян. Тайно поляки надеялись создать основы для расширения унии двух христианских церквей при безусловном доминировании католицизма. В письмах к папе римскому Чарторыйский обращал его внимание на возможность расширения католицизма среди славян, включая и болгар. Для этого еще в 1842 г. представители польской эмиграции открыли в Пловдиве одно училище, а в июне 1844 г. в Тырново был послан постоянный агент Чарторыйского в Болгарии Станислав Дроздовский⁹⁹.

Движению болгар за народную церковь стал оказывать содействие и Гарашанин, познакомившийся с этим вопросом во время своего вынужденного пребывания в турецкой столице в 1840–1841 гг. В Константинополе же Неофит Бозвели поддерживал отношения с тогдашним сербским представителем Лазаром Теодоровичем, а через болгарского учителя Косту Огняновича – с Михаилом Чайковским. С конца июня 1844 г. Бозвели установил также почти непосредственную связь с уставобранителями через своего ученика Хрисанта Йовановича, уехавшего учиться в Сербское княжество¹⁰⁰.

С помощью польских эмигрантов и сербов Бозвели и Макариопольский в 1845 г. ходатайствовали перед турецкими властями, чтобы: 1) в болгарские земли назначались епископы из болгар; 2) епископам платилось определенное жалованье; 3) епископы избирались и смещались народом; 4) болгары для непосредственной связи с Портой имели своих представителей в Константинополе; 5) в Константинополе была построена болгарская церковь, возглавляемая епископом из болгар. Но связи Бозвели и Макарио-

⁹⁹ *Екмечић М.* Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844–1853) // *Историјски часопис*. 1980. Књ. XXVII. С. 146.

¹⁰⁰ *Дамбазовски К.* Културно-политичке везе Бугара с Кнежевином Србијом од почетка XIX века до Париског мира 1856. године. Београд, 1982. С. 112.

польского с поляками были использованы Константинопольской патриархией для их дискредитации в глазах России. Греки убедили В.П. Титова в намерении архимандритов насадить в Болгарии католицизм. Такое обвинение имело некоторое основание: болгарские деятели проживали в Стамбуле в католическом монастыре, а Илларион Макариопольский одно время склонялся к принятию унии. Опираясь на поддержку российской дипломатии, патриархия, не дожидаясь даже решения Порты, арестовала болгарских архимандритов и отправила их в заточение на Афон, где Неофит Бозвели умер в 1848 г.¹⁰¹

Особенно активно проявилось сербско-болгарское сотрудничество в обучении болгарской молодежи в княжестве и в печатании болгарских книг в белградской типографии. Первым болгаринном, приехавшим учиться в Сербию, был упомянутый молодой дьякон Хрисант Йованович. В октябре того же 1844 г. в княжество приехал другой соратник Бозвели, архимандрит Максим Райкович. Это был уже пожилой человек, но и он использовал время, проведенное в Белграде, для повышения своего образования. По его рекомендации в начале следующего года в Сербию приехал учиться монах Аверкие Петрович, а затем еще один болгарин – Джордже Попстефанович. Причем все их дорожные расходы оплачивались из сербской казны¹⁰².

Более широкие контакты между сербами и болгарями стали устанавливаться после поездки князя Александра в Казанлык на встречу с султаном. Там Александр со своей свитой встречался также с представителями болгар и дал им обещание принимать в сербские школы болгарскую молодежь. Это подтолкнуло многих болгар отправиться в Белград. Александр Карагеоргиевич вел себя в Болгарии и как щедрый жертвователь. Он дал по 100 дукатов на завершение строительства школ в Рушукe и Пловдиве и церкви на Шипке, а также 50 дукатов – на ремонт источника у одного из монастырей¹⁰³.

¹⁰¹ Косев Д. Новая история Болгарии. М., 1952. С. 165–166; Екмечић М. Српско-бугарски односи половицом XIX вијека. С. 147.

¹⁰² Игњатовић Ђ. Школовање Бугара у Србији (1830–1878) // Историјски гласник. 1972. № 2. С. 49–51; Џамбазовски К. Школовање бугарског народног свештеничког кадра у Кнежевини Србији // Балканика. 1971. II. С. 177–178.

¹⁰³ Џамбазовски К. Школовање бугарског... С. 178–179; Игњатовић Ђ. Штампане бугарских књига и листова у српским штампаријама (1833–1878). Београд, 1980. С. 24.

Многие из обучавшихся в Сербии болгарских юношей получали от министерства просвещения стипендии, бесплатное жилье и питание. Сначала деньги выделялись в индивидуальном порядке, но когда количество обучавшихся увеличилось до 5–7 человек, средства на эти нужды стали ежегодно отпускаться уже из государственного бюджета¹⁰⁴.

В это же время началась широкая деятельность по печатанию книг на болгарском языке в белградской типографии. Наиболее активно в этом деле участвовали болгары, приехавшие в Сербию на учебу или специально для издательской работы: И. Богоров, Х. Павлович, Н. Карастоянович и др.¹⁰⁵

Печатание книг в Сербии на болгарском языке вызывало недовольство Константинопольской патриархии. Еще в 1841 г. она потребовала от сербского митрополита Петра Йовановича воспрепятствовать распространению евангелия на болгарском языке. Церковные книги, написанные или напечатанные не на греческом или церковнославянском языках, рассматривались в то время патриархией как ересь. В августе 1845 г. константинопольский патриарх Мелетий потребовал у сербского митрополита прекращения печатания не только церковных, но и светских книг на болгарском языке, если они не прошли предварительно патриаршей цензуры. Митрополит Петр отвечал, что церковные книги он просматривал сам, а светские – сербская гражданская цензура. Характерно, что жесточайшая цензура уставобранительского режима внутри страны совсем не препятствовала печатанию и распространению книг, предназначенных для болгар. Более того, сербское правительство материально и морально поддерживало эту деятельность¹⁰⁶.

Таким образом, в указанный период сербским правительством была развернута активная культурно-просветительская деятельность в соседней Болгарии. Эта деятельность должна была направить национальные устремления болгар в русло внешней политики Сербского княжества. Многие из приехавших в Сербию болгар стали в последующий период агентами развязанной И. Гарашанином

¹⁰⁴ *Игњатовић Ђ.* Школовање Бугара... С. 84–87; *Џамбазовски К.* Културно-политичке везе... С. 89.

¹⁰⁵ *Игњатовић Ђ.* Штампанье бугарских књига... С. 56–62, 71.

¹⁰⁶ *Џамбазовски К.* Неколико прилога о првим кораџима на културно-политичкој сарадњи српског и бугарског народа у првој половини XIX в. // *Историјски часопис.* 1970. Књ. VI–XVII. С. 94–95; *Игњатовић Ђ.* Штампанье бугарских књига... С. 59–60.

политической пропаганды. Работая учителями, священниками, разъезжая по стране в качестве книготорговцев, они были наиболее удобными людьми для подобных целей.

Однако следует сказать и о другом. С самого начала тайная деятельность сторонников Гарашанина, направленная в конечном счете против Османской империи, находилась в противоречии с официальным туркофильством сербских властей. Дело доходило до того, что уставобранители не только не поддерживали антиосманские выступления соседних южнославянских народов, но даже выдавали туркам пытавшихся скрыться в Сербии участников этих выступлений¹⁰⁷.

Это приводило к тому, что, не находя опоры в Сербии, южные славяне, и прежде всего население Боснии и Болгарии (двух соседних с Сербией и наиболее взрывоопасных районов европейских владений Турции), в определенной степени стали ориентироваться на сербскую эмиграцию во главе с Милошем и Михаилом Обреновичами. Так, говоря о Болгарии (но это справедливо и для Боснии), М. Экмечич приводит пример сотрудничества обреновичевской оппозиции с малоизвестной организацией «Новая Болгария» («Болгарская гетерия») и показывает, что до 1848 г. во взаимоотношениях между сербами и болгарами у «легитимистской и реформистской» политики Сербского княжества, основанной на концепции Чарторыйского-Гарашанина по постепенному преобразованию Османской империи, существовал мощный конкурент в лице «более революционной» политики сторонников Обреновичей¹⁰⁸.

4. Деятельность «тайного демократического панславянского клуба»

Приехав в конце 1843 г. по заданию Чарторыйского в Белград, Зах сразу же начал собирать вокруг себя не только патриотически настроенных сербов из княжества, но и единомышленников из других славянских стран. Их советами и консультациями он пользовался при написании своего «Плана». Так, исключенную затем Гарашанином из «Начертания» главу о Хорватии Зах написал при

¹⁰⁷ См., например: *Попов Н.* Указ. соч. С. 241.

¹⁰⁸ *Екмечич М.* Српско-бугарски односи половицом XIX вијека. С. 148–150.

содействии Степана Цара, которого сумел убедить в необходимости совместной деятельности сербов и хорватов.

Со своей стороны, С. Цар заверял польского представителя, что «иллирийская партия» понимает важность объединения южных славян, но недостаточно сильна, чтобы самой решить эту задачу. По словам Цара, иллиризм охватил не всех южных славян, а только Хорватию, Далмацию и Воеводину, и теперь, как полагает и лидер этого движения Л. Гай, следует совместные сербско-хорватские усилия направить на Боснию. Она должна стать «тылом», используя который, можно начать борьбу и с самой Австрией. Согласно договоренностям между Захом и Царом, центром южнославянской деятельности становился Белград. В этом городе должны были находиться представители всех южнославянских земель, которые бы имели связь с сербским правительством. Цар передал также польскому агенту список видных деятелей иллирийского движения и получил от него деньги для поездки на Военную Границу. По возвращении в Белград Цар должен был рассказать Заху о положении дел и в этой области¹⁰⁹.

Особенно сблизился с Захом уже упоминавшийся дубровчанин Матия Бан¹¹⁰, ставший также одним из главных соратников Гарашанина. В молодости Бан был францисканцем, затем уехал в Константинополь, где преподавал западноевропейские языки. Как и многие другие проживавшие в турецкой столице представители южнославянских земель, Бан попал под влияние польских эмигрантов и по их рекомендации в конце августа 1844 г. был приглашен в Сербию преподавателем французского языка для дочерей князя Александра. Но приехал Бан в Белград уже как убежденный сторонник южнославянского единства¹¹¹.

С помощью Заха Матия Бан установил связи с другими сторонниками этой идеи, в результате чего в столице княжества образовалось тайное общество, которое вошло в историю под не совсем точным названием – «тайный демократический панславянский клуб». Название принадлежало доносившим о деятельности этого общества австрийским дипломатам, которым в любой совместной деятельности

¹⁰⁹ Дурковић-Јакшић Љ. Бранислав. Први југословенски илегални лист 1844–1845. Београд, 1968. С. 150–151; см. также подробнее: *Žáček V. František A. Zach. Praha, 1977.*

¹¹⁰ В Белграде о М. Бане осталась память в виде названия городского района – Баново Брдо. Когда-то в этом месте, в тогдашних окрестностях Белграда, Бан приобрел себе имение.

¹¹¹ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња... С. 66–68.

южных славян мерещились демократия и панславизм. Сами же сторонники южнославянской деятельности называли себя «обществом», реже – «кругом». Первыми членами тайного клуба, помимо Ф. Заха и М. Бана, стали: ученый из Словакии Янко Шафарик, Стеван Херкалович и Пая (Павао, Павле) Чавлович из Хорватии, боснийский францисканец Тома Ковачевич, австрийский серб Милош Попович, а также серб из княжества Милан Давидович¹¹².

В декабре 1844 г. М. Бан писал своему земляку и учителю Александру Бановичу, что патриоты, находившиеся в Белграде, «поклонились сделать Сербию вождем всех южных славян. Ибо плохо, что сербы из княжества ограничивают свой патриотизм рамками своего государства, а австрийские сербы – своего, и про других южных славян ничего не знают и ими не интересуются. Нужно расширить взгляды сербского народа в этом отношении». Тайный клуб направлял свою общественную деятельность на пробуждение славянской солидарности как основы для подготовки освободительной борьбы южнославянских народов. Эта деятельность (например, в литературной области по сближению славянских языков) постепенно приобретала все более ярко выраженный политический характер¹¹³.

Тайное общество было создано, хотя и не по заданию Гарашанина, но с его ведома. Как сообщал Бан тому же Бановичу, влиятельный сербский государственный деятель оказывал обществу «защиту и помощь». Со своей стороны многие члены «тайного демократического панславянского клуба» пытались совмещать работу в нем с участием в политической деятельности по реализации программы «Начертания». Кроме Гарашанина, благосклонно относился к обществу князь Александр Карагеоргиевич, свое покровительство обещал и влиятельный член Совета Стеван Кничанин¹¹⁴.

Илл. 20. Матия Бан

¹¹² *Страњаковић Д.* Србија привлачно средиште Југословена (1844–1848) // Српски књижевни гласник. 1940. Књ. 61. Бр. 7. С. 509–510.

¹¹³ Там же. С. 511; *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. С. 40.

¹¹⁴ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 67.

Тайное общество активно вербовало новых сторонников. Из сербов княжества в него вступило десять человек, среди которых был и молодой Миливое Петрович-Блазнавац (в будущем видный государственный деятель Сербии). В общество вступили также австрийские сербы Исидор Стоянович и Милош Теодорович, боснийские францисканцы Филип Пашалич и Степан Марьянович. Всего в мае 1845 г. общество насчитывало уже 24 члена¹¹⁵.

Вскоре после приезда в Белград в работу тайного общества включились также болгары Х. Йованович и М. Райкович. Дьякон Йованович перевел на болгарский язык брошюру М. Бана «О югославянстве», а архимандрит Максим Райкович распространял этот перевод между своими друзьями и знакомыми по возвращении в Болгарию в 1848 г. В деятельности общества принимал участие еще один болгарин, бывший воспитатель князя Михаила Обреновича Константин Ранос-Райинов. Его перу принадлежали две книги, также предназначенные для распространения в Болгарии. Первая книга была написана на сербском, греческом и турецком языках и была адресована образованным болгарам; вторая – на болгарском языке с целью показать болгарским авторам, как нужно писать, чтобы «болгарский язык приблизить к сербскому и со временем эти два языка слить в один общий южнославянский литературный язык».

Это было прямым отражением языковых концепций членов тайного общества, и прежде всего М. Бана, который хотя открыто и не выступал против реформы Вука Караджича, но верил в создание общеславянского языка. Так, в 1847 г. Бан написал сочинение «Основы славянского языка», предвидя в нем даже слияние латиницы и кириллицы¹¹⁶.

Члены «тайного демократического панславянского клуба» пытались наладить выпуск сербской газеты в Константинополе. Об этом Бан просил похлопотать перед Портой представителя Сербского княжества в Турции Константина Николаевича в 1846 г. Бан считал, что Константинополь – это именно то место, откуда можно осторожно, не возбуждая подозрения турецких властей, распространять идеи общества на всех южных славян. Идею с газетой одобрил Гарашанин. Ее редактором был назначен член тайного общества, преподаватель торговой школы Драгутин Голуб, которому

¹¹⁵ *Страњаковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 511.

¹¹⁶ *Џамбазовски К.* Културно-политичке везе... С. 112; *Екмечић М.* Српско-бугарски односи половицом XIX вијека. С. 147.

было положено жалованье в 400 грошей. В 1847 г. К. Николаевич добился от Порты разрешения на издание газеты, но она так и не начала выходить. В конечном счете этому помешали революционные события 1848–1849 гг.¹¹⁷

Членами тайного общества строились планы создания в Белграде театра, призванного также служить распространению национальных идей. Велась деятельность по привлечению молодежи.

В то время, в 1846 г., в княжестве как раз образовалась первая молодежная организация – «Душанов полк». Ее создали учащиеся гимназии, отрицательно воспринимавшие протурецкую ориентацию князя Александра Карагеоргиевича. Патриотической молодежи больше нравился молодой и образованный Михаил Обренович, которого они считали борцом против турецкого господства. Эта молодежь особенно негодовала, когда стало известно, что в Казанлыке князь Александр опустил перед молодым султаном на колени и поцеловал его туфли. Члены «Душанова полка» полагали, что князь вместо того, чтобы повторить подвиг Милоша Обилича, опозорил всех сербов и уже недостоин престола. Однако ничего конкретного эта организация предложить не успела и, просуществовав несколько месяцев, распалась в связи с летними каникулами.

В 1847 г. возникла новая организация – «Дружина сербской молодежи». Причем среди ее основателей были и члены «Душанова полка» – Еврем Груич и Петр Протич-Соколянин. В «Дружину сербской молодежи» входили в основном учащиеся высшего учебного заведения Сербии – белградского лицея. Первоначально организация занималась преимущественно литературной деятельностью, установив связи с обществами сербских учащихся в Австрии. Так, например, Белград посетил председатель общества сербских учащихся в Братиславе Светозар Милетич. Е. Груич ввел его в свою «Дружину»¹¹⁸.

Связи между «тайным демократическим панславянским клубом» и организованной сербской молодежью осуществлялись через Матию Бана и его младшего брата Джуро, также приехавшего из Дубровника и поступившего на философское отделение белградского лицея. Е. Груич регулярно докладывал М. Бану о положении дел в «Дружине сербской молодежи» и получал от него наставле-

¹¹⁷ *Страњаковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 516–517.

¹¹⁸ *Милићевић Ј.* Еврем Грујић. Историјат светоандрејског либерализма. Београд, 1964. С. 23–28.

ния и финансовую помощь. Осенью 1847 г. Бан писал, что трехлетняя работа привела к тому, что сербская молодежь включилась в борьбу за славянскую идею¹¹⁹.

Но все же главным для южнославянского клуба была деятельность, направленная на сближение позиций патриотически настроенных сербов и сторонников иллиризма в Хорватии. Тайному обществу удалось наладить выпуск в Белграде нелегального иллирийского еженедельника «Бранислав» – первой газеты, печатавшейся в княжестве латинским шрифтом. Ее главным редактором стал Пая Чавлович, которого замещали иногда М. Бан и Я. Шафарик. Статьи для «Бранислава» писал и находившийся в Загребе видный деятель иллирийского движения Богослав Шулек. Всего за 1844–1845 гг. вышло 14 номеров этого издания. Ф. Зах доносил М. Чайковскому в ноябре 1844 г., что «хорваты начали печатать в Белграде газету. Следовательно, сербское правительство ухудшает отношения с Австрией. И это – хорошо, так как хорватов приблизит к Сербии»¹²⁰.

Печатавшийся в Белграде «Бранислав» затем тайно переправлялся в Воеводину. Этим занимался приехавший в Сербию по делам боснийских францисканцев сторонник иллиризма граф Альберт Нугент (сын известного австрийского генерала, воевавшего еще с Наполеоном). Он встречался с членами тайного общества – Захом, Чавловичем, Херкаловичем, Стояновичем, а также с начальником княжеской канцелярии Т. Кнежевичем. Зах представил Нугента Гарашанину, а Кнежевич – князю Александру. Последнему Нугент обещал отказаться от названия «иллир», хотя оно и принесло хорватам много пользы и стало как бы знаменем всего движения. При распространении «Бранислава» Нугент использовал хорватский пароход «Слога». Когда же австрийские власти в Земуне запретили графу въезд в Австрию, доставкой газеты занялся капитан парохода, чех Иван Хавличек¹²¹.

Франьо Зах приложил много усилий, чтобы обеспечить непосредственные контакты лидера иллирийского движения Людевита Гаю с сербскими государственными деятелями. В это время Гай трижды приезжал в Сербию. Первый раз он посетил князя Алек-

¹¹⁹ *Страњаковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 516–517.

¹²⁰ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска штампа о Његошу и Црној Гори 1833–1851) // Грађа Историјског института. 1951. Књ. 3. С. 7; *Lisac A.* Око «Branislava» i njegova urednika // *Historijski zbornik.* 1958–1959. S. 25.

¹²¹ *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. С. 151–154.

сандра, Петрониевича и Гарашанина в апреле 1846 г. в Крагуеваце. На обратном пути в Белграде Гай вел длительные переговоры с Ф. Захом, из которых польский агент вынес, что до этой поездки сторонники иллиризма больше рассчитывали на Михаила Обреновича, но теперь окончательно склонились к сотрудничеству с Александром Карагеоргиевичем. На это повлияла и финансовая помощь сербского правительства в размере 392 дукатов золотом.

Так как Гай ездил с разрешения австрийских властей, то ему при помощи Заха пришлось составить специальное донесение. В нем, не упоминая, естественно, об идее южнославянского сотрудничества, Гай писал о том, как Австрии легче всего добиться расположения южных славян. Он упоминал о Захе, подчеркивая его антирусскую активность и определенные якобы симпатии к Вене. За это донесение Людевит Гай получил денежное вознаграждение еще и от австрийского правительства¹²².

О второй поездке лидера иллирийского движения летом 1846 г. известно мало. Зах сообщал в Париж, что беседовал с Гаем о недавнем восстании в Галиции, которое лидер иллирийского движения осуждал. Гай был недоволен также недостаточной помощью сербского правительства. Зах объяснял ее задержку происками оккупавшихся в сербском руководстве австрийских сербов – главных противников сближения с хорватами. Об этой встрече Зах сообщил также Петрониевичу и князю Александру. Но понимания уже не было. Александр, ссылаясь на начальника своей канцелярии Кнежевича, заявил, что иллирийское движение служит в основном австрийским интересам¹²³.

Третья поездка Л. Гая в Сербию состоялась летом 1847 г. В Белграде он сообщил Заху о намерении издавать кириллицей в своей типографии в Загребе иллирийскую газету «Народне новине». Гай снова просил помощи при составлении донесения австрийскому правительству, а затем уехал к сербскому князю в Крагуевац. Там он ничего реального не добился и уже на следующий день вернулся в Белград. Он снова жаловался Заху на неудачу, особенно в деле получения финансовой помощи¹²⁴.

¹²² *Страњаковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 518; *Жачек В.* Улога Франтишека А. Заха... С. 166–167.

¹²³ *Жачек В.* Улога Франтишека А. Заха... С. 168.

¹²⁴ Там же. С. 168–169; *Страњаковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 518.

Из других деятелей иллиризма в Белград в августе 1847 г. с намерением просить место капеллана в католической капелле при австрийском консульстве приезжал лидер этого движения в Славонии Мато Топалович. Бан отговорил его от этой идеи. Он считал, что такой ревностный католик принесет общему делу больше вреда, чем пользы. «В Белграде, – писал Бан, – нам нужен человек с более холодной головой, но с таким же патриотизмом».

Тогда же в княжестве побывал Матия Мажуранич, младший брат видных деятелей иллирийского движения в Хорватии Антуна и Ивана Мажураничей. Он сразу завязал контакты с членами тайного общества, а через них познакомился с Гарашанином и другими сербскими руководителями. Позже в Белград приехал и Антун Мажуранич. Он также познакомился с членами тайного общества и сербскими руководителями, а затем вместе с Драгутином Голубом отправился в поездку по Сербии¹²⁵.

Деятельность тайного общества, направленная на укрепление сербско-хорватских связей, протекала в сложной обстановке. Это особенно проявилось после основания С. Херкаловичем (с помощью торговца М. Йокича) в конце 1845 г. библиотеки, которую члены «тайного демократического панславянского клуба» предполагали использовать как место своих встреч. В эту библиотеку сразу записались Я. Шафарик, М. Бан, П. Чавлович и др. Но ее существование вызвало недовольство у многих в княжестве, и прежде всего у выходцев из Австрии. М. Анастасиевич, Р. Дамянович, Е. Вуйкалович, Т. Кнежевич обвиняли читателей библиотеки в пропаганде в Сербии иллиризма и католицизма. В противовес библиотеке Херкаловича они основали Читалиште – свою собственную «истинно сербскую и православную» библиотеку.

Ф. Зах не записался ни в одну из библиотек, так как симпатизировал обеим и в обеих имел приятелей. Тем не менее он помогал Херкаловичу, Бану и их товарищам, поддерживал их библиотеку, поскольку она все же больше соответствовала его южнославянской концепции. Однако позже, когда Зах убедился, что большинство сербов поддерживают Читалиште, он не только записался в эту библиотеку сам, но и советовал другим членам тайного общества последовать своему примеру. В конце концов это и произошло, и накануне революционных событий 1848–1849 гг. в Белграде существовало уже только Читалиште¹²⁶.

¹²⁵ *Страняковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 519–520.

¹²⁶ *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. С. 51–53.

Эта борьба вокруг учреждения в Белграде библиотеки, как и нежелание сербского правительства сотрудничать с Гаем, показывает, что в Сербском княжестве были многочисленные противники иллирийского движения в Хорватии. Й. Стерия-Попович, Й. Евтимович, А. Николич и их единомышленники публиковали в прессе статьи, в которых яростно критиковали членов тайного общества, и прежде всего в вопросах языка и правописания. Но, как отмечал М. Бан, конфликт носил политический характер. Одной из трибун критики иллиризма стала «Подунавка» – приложение к газете «Србске новине». На отдельных лиц начались гонения в служебном плане. Например, Й. Стерия-Попович, будучи министром просвещения Сербии, перевел преподавателя белградской гимназии М. Теодоровича (переводчика книги идеолога словацкого национального возрождения Яна Коллара «О взаимности славян») в крагуевацкую полугимназию. И это, по мнению Стерии-Поповича, было чересчур легким наказанием за «распространение славянской идеи среди молодежи»¹²⁷. Против южнославянского тайного общества выступил и Тома Вучич, одинаково не любивший ни сторонников иллиризма, ни австрийских сербов. Этот неграмотный шумадиец мечтал о воссоздании патриархальной Сербии¹²⁸.

Вся эта борьба являлась отражением складывавшихся трех точек зрения, трех идеологических концепций в отношении перспектив развития княжества: узкосербской (развитие в рамках существующих границ, по сути, в рамках Шумадии); сербской или всесербской (объединение сербских земель) и южнославянской (объединение сербов с другими южными славянами).

Члены тайного общества придавали большое значение связям с деятелями иллирийского движения для вовлечения хорватов в совместную с Сербией борьбу. Но идеи иллиризма не получили в княжестве значительной поддержки. Идея австрийского «славизма» пришла в противоречие с идеями сербской национальной самостоятельности. Причинами этого были как слабость Сербии, видевшей в иллиризме угрозу перенесения центра притяжения южных славян (прежде всего населения Боснии и Герцеговины) в Австрию, так и одновременно ее сила, выразившаяся в наличии

¹²⁷ *Страњаковић Д.* Србија привлачно средиште... С. 522–523.

¹²⁸ *Мекензи Д.* Илија Гарашанин. Државник и дипломата. Београд, 1987. С. 41, 91.

автономной государственности и сильно развитого сербского национального самосознания.

Последнему обстоятельству особое внимание уделяет М. Экмечич. Он считает, что членов тайного славянского общества неправомерно называть сторонниками иллиризма. По мнению известного историка, они являлись представителями «либерального католицизма» в Хорватии, в отличие, например, от «консервативного католицизма» Австрии. Поэтому нужно говорить не о недоверии сербов к югославянскому характеру хорватского национального возрождения, а о том, что они сомневались в либеральном характере хорватского католицизма. Именно неверие в «либеральный католицизм» хорватов побудило Гарашанина отказаться от включения главы о Хорватии в окончательный текст «Начертания»¹²⁹.

¹²⁹ *Экмечич М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Т. 1. Београд, 1989. С. 367–371.

СЕРБСКОЕ КНЯЖЕСТВО
ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ
1848–1849 гг.

1. Сербское княжество
в период революционного подъема
в Австрийской империи

Начавшаяся революция в Австрии вызвала «беспокойство в белградском населении». Г.И. Данилевский писал, что «восстание австрийских славян или сербов на берегах Дуная и Савы... отразилось довольно значительными явлениями в самом Белграде», и приписывал «это еще не обнаруженное волнение влиянию пограничных событий». По словам российского консула, в разбросанных по городу 12 марта 1848 г. листовках князя и старейшин призывали к самостоятельному удалению турок из княжества, а также к прекращению выплаты дани. Данилевский сообщал также, что «по всем признакам австрийские сербы и все прочие племена славянские при нынешнем разгаре умов мечтают об общем соединении с сербами и прочими славянами турецкой земли». Он с тревогой доносил, что «заметны угрожающие симптомы в молодом поколении», возлагая вину за это на «тайные внушения злонамеренных пришельцев, силившихся взволновать особенно умы неопытного юношества мечтою совершенной независимости и привить ему несбыточную мысль демократов о восстановлении Царства сербского из южных славян»¹.

В ночь на 13 марта в Белграде вновь разбрасывались листовки, а группы людей скандировали лозунги, в которых население Сербии призывалось уже к восстанию против турок. Целью восстания должно было стать создание единого «иллирско-сербского государства» из Сербии, Боснии, Болгарии, Славонии и Хорватии во главе с князем Александром².

¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 65об.; см. также: Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е годы XIX века: документы российского МИД. М., 2013. С. 396–398, 407.

² Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848–49. Сер. I.

Особое воодушевление, действительно, наблюдалось среди учащейся молодежи Белграда, которая, прервав занятия, ходила по городу и скандировала призывы к восстанию против турок и объединению всех сербов³. В этих акциях участвовали прежде всего ученики белградского лицея, входившие в организацию «Дружина сербской молодежи». Под влиянием революционных событий в Европе они включились в политическую либерально-оппозиционную деятельность. Будущие либералы в марте 1848 г. обратились к князю Александру с просьбой провозгласить свободу слова и отменить цензуру⁴.

Носителями либеральных настроений были также молодые сербы, возвратившиеся в княжество после получения образования в западных университетах. Поскольку многие из них учились в Париже, их стали называть «парижляями». Режим уставобранителей пытался пресекать деятельность подобной молодежи. Данилевский сообщал, что когда в Белград приехало несколько сербов, обучавшихся в Париже и Германии, старейшины сделали им строгие внушения, охладившие «ложные и заимобразные политические мнения, с которыми сии юноши сначала прибыли сюда»⁵. Гарашанин также писал находившемуся тогда в Париже своему близкому соратнику Й. Мариновичу, что нужно предупреждать появление у обучавшейся во Франции сербской молодежи «различных фантазий»⁶.

В области внешней политики либерально настроенная молодежь выступала за оказание активной помощи развертывавшемуся движению австрийских сербов за свои социальные и национальные права. Многие будущие либералы, в том числе и их лидер Е. Груич, отправились в Воеводину, чтобы бороться вместе с ними. Позже либералы издали сборник «Невен слоге», в котором Груич в программной статье «Обзор государства» доказывал, что освободить и объединить сербский народ поможет его просвещение. В этой статье Груич впервые связывал решение национальных задач сербов

Књ. I. Београд, 1952. С. 33–34; *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. Први југословенски илегални лист 1844–1845. Београд, 1968. С. 68–69.

³ Грађа за историју... С. 31–34.

⁴ *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 104; *Бјелица М.* Борба за слободу штампе у Кнежевини Србији // Историјски часопис. 1977. Књ. XXIV. С. 92.

⁵ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 73.

⁶ Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Књ. I. Београд, 1931. С. 2–7.

с социальными преобразованиями внутри страны. Сербия, по его словам, была несвободна не только внешне, но и внутренне⁷.

Напуганное революционными событиями за границей и опасавшееся их распространения на территорию княжества, сербское правительство одно время было готово пойти на некоторые уступки. Так, Миливое Петрович-Блазнавац писал, например, что лучше свободу печати разрешить самим, чем это произойдет в результате бунта⁸. Кроме того, чтобы успокоить общественность, стремясь использовать подходящий момент, в апреле 1848 г. уставобранители через своего представителя в Константинополе К. Николаевича вновь поставили перед Портой вопрос об исполнении условий хатти-шерифа о выселении турок.

Однако эта акция встретила отпор не только Турции, но и Франции. Ее консул в Белграде М. Лемперани заставил Петрониевича отказаться от данного требования, которое, с французской точки зрения, было «при нынешних обстоятельствах насколько неосмотрительным, настолько и малопатриотичным». Лемперани также заявил, что Сербия может рассчитывать на помощь Франции только при сохранении хороших отношений с Турцией⁹.

Но все же главным внешнеполитическим вопросом для Сербского княжества в то время было – оказывать или нет помощь воеводинским сербам. По этому вопросу среди уставобранителей не было единства. Если Гарашанин в известной мере склонялся к поддержке требований воеводинских сербов, то Вучич был решительно против этого. Он продолжал считать, что «сербы из княжества не имеют ничего общего с сербами из Венгрии». В марте 1848 г. Вучич созвал собрание видных торговцев и горожан Белграда, на котором говорил о необходимости поддерживать в стране мир и порядок, оказывать достойный отпор провокациям из-за границы¹⁰. При всех колебаниях «взгляды Вучича на национальное будущее не шли дальше сиюминутного интереса шумадийского крестьянина»¹¹.

⁷ *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX в. С. 112; *Милићевић Ј.* Јеврем Грујић. Историјат светоандрејског либерализма. Београд, 1964. С. 23–28, 35; *Грађа за историју...* С. 253.

⁸ *Бјелица М.* Борба за слободу штампе... С. 192.

⁹ *Грађа за историју...* С. 34, 114, 125–128.

¹⁰ *Јовановић С.* Спољашња политика Илије Гарашанина // Српски књижевни гласник. 1931. Књ. 34. Бр. 6. С. 426; *Грађа за историју...* С. 43–44.

¹¹ *Поповић Р.Ј.* Тома Вучић Перишић. Београд, 2003. С. 202–203.

В вопросе о поддержке воеводинских сербов на позицию руководства княжества в решающей степени влияло отношение к событиям в Южной Венгрии великих держав.

Османская империя однозначно выступала против вмешательства Сербии в австрийские дела. Опасаясь усиления славянского элемента в Австрийской империи и предполагаемого укрепления в этом случае позиций России, Порты сочувствовала венграм. В целом же она выступала за сохранение прежнего соотношения сил в Юго-Восточной Европе. В мае 1848 г. турецкий султан через своего секретаря Ферид-эфенди выразил даже благодарность князю Александру за поддержание в Сербии мира и порядка¹².

Российское правительство в первое время из-за опасения распространения революции на собственную территорию было вынуждено выжидать. В специальном манифесте от 14 марта 1848 г. Николай I провозгласил принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Через два дня появилось разъяснение к этому манифесту. В нем царь говорил, что «необходимо находиться в оборонительном, почти кордонном расположении... обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале»¹³. Особые опасения царизма вновь вызывала деятельность польской эмиграции. Карл Васильевич Нессельроде с тревогой ставил в известность своего тезку, австрийского посла в Петербурге Карла Людвиг Фикельмона, о том, что Чарторыйский прибыл в Берлин с намерением договориться о переводе польского комитета из Парижа в Познань для организации там польских легионов, которые не замедлят начать набег на российское Царство Польское¹⁴.

Российское правительство опасалось также распространения революции из Австрии на турецкие земли. Поэтому в отношении Сербии Г.И. Данилевскому были даны четкие инструкции: стремиться к тому, «чтобы князь и старейшины не принимали участия ни в замыслах австрийских славян, ни в движении, какого можно было опасаться в Боснии»¹⁵.

¹² Павлович Д. Србија и српски покрет у Јужној Угарској 1848 и 1849. Београд, 1904. С. 41–42.

¹³ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. СПб., 1889. С. 206.

¹⁴ Авербух Р.А. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. Т. 4–5 (89–90). С. 179.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1848. Л. 359об.–360.

Фактически в этом отношении позиции Османской и Российской империй совпадали. «Нет оснований искать в позиции турецких правящих кругов сочувствия, тем более содействия делу европейской революции, как это бездоказательно пытаются сделать некоторые современные турецкие и западноевропейские историки, – писал известный российский османист В.И. Шеремет. – Столь же мало оснований полагать, что основные замыслы Николая I в период революции в Австрийской империи и Дунайских княжествах были связаны с провоцированием восстаний в Боснии, Болгарии, княжествах и с «окончательным решением судьбы Османской империи»»¹⁶.

В то же время после начала австрийской революции активизировалась деятельность в Сербии французской дипломатии. Консул этой страны М. Лемперани в своих донесениях отмечал желание определенных сербских кругов использовать обстоятельства революции не только для изгнания турок из княжества, но и для объединения Сербии с Боснией и Болгарией. За любой подобной акцией Сербии он видел руку Петербурга и потому выразил резкий протест, когда Петрониевич решил повторить требование об исполнении хатти-шерифа о выселении турок. Французский консул выступал также против какой-либо помощи воеводинским сербам. Он сообщал в Париж, что борьба в Воеводине идет на пользу «русскому панславизму», который пытается создать на Дунае новое княжество, полностью подчиненное России¹⁷.

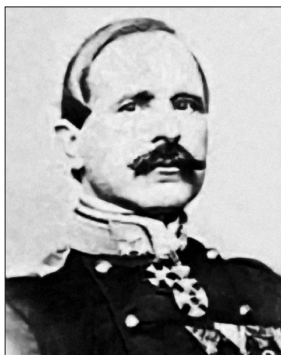
В начале конфликта в Южной Венгрии австрийское правительство также поручило своему консулу в Белграде Ф. Майерхоферу выступать против участия сербов из княжества в борьбе воеводинских сербов. Майерхофер сообщал в Вену, что вместе с Данилевским он пытается воздействовать на сербское руководство, чтобы не допустить распространения революции на Сербию¹⁸.

Все это вынуждало сербское правительство лавировать. С одной стороны, было желание активно использовать события в Воеводине в своих интересах. Тем более что помощь сербам за Савой

¹⁶ Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986. С. 123.

¹⁷ Вучковић В. Рад француских представника у Србији 1848–49 на измирењу Јужних Словена са Мађарима // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1956. № 13–14. С. 149–150.

¹⁸ Там же.

Илл. 21. Миливое
Петровић-Блазнавац

и Дунаем встретила бы одобрение общенности княжества и помогла бы разрядить обстановку в стране. Но, с другой стороны, явно оказывать такую помощь Сербия не могла из-за противодействия великих держав и внутренней оппозиции во главе с Т. Вучичем.

Существовала также потенциальная опасность того, что революционную ситуацию постараются использовать сторонники Обреновичей в своей постоянной борьбе за власть. Чтобы следить за действиями Милоша Обреновича, в Вену был послан М. Петровић-Блазнавац. Через Вука Караджича он сумел настолько сблизиться с Милошем, что ему было поручено чтение вслух газет для неграмотного князя¹⁹.

В марте 1848 г. Блазнавац сообщал, что Россия якобы стремится помочь Милошу и Михаилу Обреновичам устроить в Сербии переворот. Гарашанин тут же направил всем окружным начальникам циркуляр с предписанием принять все меры предосторожности²⁰.

Вскоре в Белграде объявился адвокат Милоша Дж. Стоякович, открыто агитировавший за своего патрона. Затем Стоякович уехал в Пешт, чтобы, по словам Блазнаваца, договориться с венграми о совместной деятельности против хорватов в случае возвращения Обреновичей на сербский престол. Со своей стороны, Блазнавац договорился с Гаем «воспрепятствовать приготовлениям Милоша». Из других источников сербскому правительству доносили, что Милош претендует на роль лидера и в антивенгерском движении воеводинских сербов.

В середине мая Блазнавац сообщал уже из Загреба (куда прибыл вслед за Милошем Обреновичем), что бывший князь договорился с некоторыми уставобранителями во главе с Вучичем о своем возвращении в Сербию. В этом деле ему якобы помогают Турция, Россия, Австрия и венгры. После Загреба Милош отправился ближе к

¹⁹ Митровић М. Писма Миливоја Петровића Блазнаваца о револуционарним збивањима у Бечу 1848. године // Зборник за историју. 1981. № 23. С. 123–124.

²⁰ Грађа за историју... С. 12; Преписка Илије Гарашанина. Књ. I. Београд, 1950. С. 140–142.

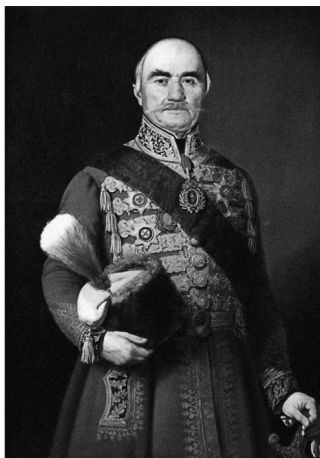
сербским границам, в Срем, но был там арестован по доносу Гая, обвинившего князя в провенгерской деятельности.

Несмотря на многочисленные неточности в донесениях Блазнаваца, обнаружилось, что Милош состоял с Вучичем в переписке. Свое участие в планах по возвращению Обреновичей к власти Вучич, впрочем, категорически отрицал. Более того, он говорил Стояну Симичу и Авраму Петроневичу, что в Сербии не будет мира, пока Милош жив. Есть основание полагать, что, возможно, Вучич даже специально заманивал бывшего князя в Сербию, чтобы там его убить. Тем не менее

Александр Карагеоргиевич отправил Вучича в отставку с должности командующего армией, возложив командование на самого себя. Обиженный Вучич подал в отставку и с должности кабинетного советника²¹. Эта отставка была принята только через четыре года, когда некогда самого влиятельного старейшину окончательно отправили на пенсию.

Тогда же в Загребе находился Матия Бан. Он писал, что взятый под стражу Милош связь с венграми отрицает и заявляет, что вернется в Сербию не с их помощью, а по зову народа. Бан сообщал также о приезде в Загреб с заданием убить князя Милоша белградского торговца М. Йокича. Однако Гай, «как совестливый человек», отказался ему помогать. Не стал содействовать Йокичу и Блазнавац, заявивший, что хотя он сам «старца заманил в западню ради народной выгоды», но в убийстве участвовать не будет²².

Пока Милош был в Загребе, его сын Михаил вместе со своими сподвижниками Дж. Протичем и С. Радичевичем объявился в Нови-Саде. Это еще больше испугало сербское правительство. Князь Александр, принявший верховное командование над сербской армией, обратился за военной помощью к Порте. На созванном по этому поводу Совете некоторые его члены обрушились с резкой критикой на Вучича, обвинив воеводу в предательстве. На

Илл. 22. Милош Обренович

²¹ Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 190-193.

²² Грађа за историју... С. 114, 221-222, 314-315, 337, 344-345.

Илл. 23. Михаил Обренович

этом же заседании присутствовали комендант Белградской крепости Мехмет-паша и российский консул Данилевский. Оба они высказались против возвращения в Сербию Обреновичей. А Данилевский даже послал своего секретаря к Михаилу в Нови-Сад с письмом, в котором потребовал удаления князя от сербских границ²³.

Подчинившись этому требованию, Михаил Обренович уехал в Прагу, где должен был состояться Славянский съезд. Туда же прибыл и Милош Обренович, которого после двадцатидневного заточения выпустили из загребской тюрьмы по приказу хорватского бана Елачича.

Освобождения Милоша потребовали дипломаты Турции, Австрии и России, считавшие, что будет лучше, если он покинет Хорватию²⁴.

В целом вопрос о политической ориентации Обреновичей в ходе революционной борьбы в Австрии остается неясным. Скорее всего, для возвращения в княжество Милош был готов заручиться любой поддержкой, в том числе и венгерской; а Михаил больше склонялся к использованию сербского движения в Южной Венгрии. Известно, что он, его сестра и ее муж (Елисавета и Йован Николичи) пожертвовали воеводинским сербам 1400 форинтов серебром²⁵. Заручиться же какой-либо поддержкой великих держав Обреновичи не смогли. Все эти государства выступали за сохранение в Сербии престола в руках Александра Карагеоргиевича.

В конце 1848 г., уже из Дрездена, Милош Обренович обратился в Петербург с просьбой найти в России «убежище от неустойств и безначалия, потрясающих часть Европы». Он просил также предо-

²³ Павловић Д. Србија и српски покрет... С. 34; Милићевић Ј. Петровска скупштина 1848. године // Историјски гласник. 1959. № 1–2. С. 44; Ристић Ј. Спољашњи одношаји Србије новијега времена. Књ. I. Београд, 1887. С. 22–24; АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1848. Л. 363–364.

²⁴ Грађа за историју... С. 400.

²⁵ Никић Љ. Помоћ Срба из Беча српском покрету у Војводини 1848. године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1957. № 16. С. 70–71.

ставить ему российское подданство, а затем вместе с сыном позволить отправиться в свое имение в Валахии. Приезд Милоша в Россию был разрешен, но его поездка в Валахию была признана в Петербурге «неудобоисполнимой при нынешнем состоянии дел в сем княжестве». В итоге он так никуда и не поехал²⁶.

В такой напряженной обстановке уставообранители после пятилетнего перерыва решились на созыв скупщины. Идея ее созыва была чрезвычайно популярна в народе. С таким требованием выступал и Т. Вучич. Первое предложение о созыве скупщины («вследствие пошатнувшегося положения в большей части европейских держав и в самой стране» и «ради сохранения спокойствия и безопасности») княжеская канцелярия направила Совету еще в мае 1848 г. Однако активизация деятельности Обреновичей заставила уставообранителей провести скупщину несколько позже²⁷.

Вместо этого в мае свою скупщину в г. Сремски-Карловцы провели воеводинские сербы, на которой присутствовали и некоторые сербы из княжества. Майская скупщина провозгласила патриархом воеводинских сербов карловацкого митрополита Иосифа Раячича, а их воеводой – полковника Огулинского полка Военной Границы Стевана Шупликаца (находившегося в то время в составе австрийских войск в Италии)²⁸. Председателем созданного Главного одбора (комитета) был избран Джордже Стратимирович. Скупщина объявила воеводинских сербов свободным и самостоятельным народом, который находится под властью австрийского правящего дома и входит в состав Венгерского королевства. Она постановила также, что Воеводину составляют Срем, Банат, Бачка и Бараня (в том числе и военизированные области этих земель, входившие в состав Военной Границы). Было подчеркнуто, что Воеводина находится в политическом союзе с Триединым королевством (то есть с Хорватией, Славонией и Далмацией)²⁹.

²⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1848. Л. 364–365.

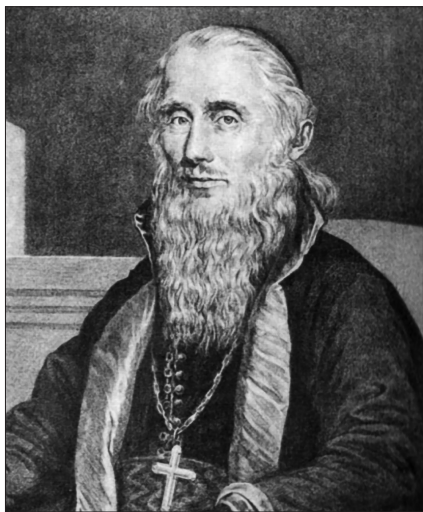
²⁷ *Милићевић* Ј. Петровска скупштина... С. 45–46; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 96–96об.

²⁸ Оба они – и И. Раячич, и С. Шупликац – были хорватскими сербами. Избрание их руководителями венгерских сербов показывает, по мнению В. Крестича, высокий уровень сербского национального самосознания того времени. См.: *Крестић* В. Историја Срба у Хрватској и Славонији. 1848–1914. Београд, 1995. С. 11.

²⁹ Грађа за историју... С. 253, 305–306; Революции 1848–1849 гг. Т. I. М., 1952. С. 465–466; *Крестић* В. Срби у Угарској 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 98–110.

Россия и особенно Турция довольно прохладно встретили известие о созываемой в Сербии скупщине. Они боялись, что под влиянием событий в Австрии сербы княжества также могут выдвинуть революционные требования. Комендант Белградской крепости Мехмет-паша потребовал даже запретить скупщину. Но Петроневич доказал, что она созывается как раз для того, чтобы не допустить в княжестве революционных потрясений. По этому поводу Александр Карагеоргиевич обратился со специальным письмом к турецкому правительству, и согласие на созыв скупщины было, наконец, дано³⁰.

Скупщина была созвана в Крагуеваце 29 июня 1848 г., в день Св. Петра (поэтому и получила название Петровской). На ней сторонники Вучича заставили подать прошение об отставке трех видных уставобранителей: советников С. Петровича-Кничанина и Л. Зубана и министра А. Янковича. Именно они наиболее активно обвиняли лидера оппозиции за его связь с Милошем Обреновичем. На скупщине раздавались голоса с требованием ее регулярных созывов, введения свободы печати и пресечения злоупотреблений чиновников. По внешнеполитическим вопросам было принято решение сохранять в Сербии мир (так как это желание Турции и России, которое вполне соответствует точке зрения самого сербского правительства) и не направлять в Воеводину добровольцев. Вместо этого скупщина решила вновь потребовать предоставления князю Александру Карагеоргиевичу наследственного княжеского права и выселения турок из Сербии³¹.

Илл. 24. Патриарх Иосиф Раяич

³⁰ Павловић Д. Србија и српски покрет... С. 47–49.

³¹ Преписка... С. 207; Милићевић Ј. Прилог познавању порекла српског парламентаризма // Зборник Филозофског факултета у Београду. 1970. Књ. XI-I. С. 48–57; История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 340; Историја српског народа. Књ. V. Т. I. Београд, 1981. С. 275.

Фактически на скупщине полную победу одержал Вучич. Все его требования были удовлетворены. Однако после скупщины «князь и правительство стали его систематически и постепенно вытеснять из политической жизни, так что его победа оказалась пирровой»³².

И до, и после созыва Петровской скупщины Гарашанин опасался перехода Петрониевича на сторону Вучича и даже предпринимал определенные шаги, чтобы этого не допустить. Однако глава правительства твердо встал на сторону князя. Пути Петрониевича с Вучичем окончательно разошлись³³.

После открытого заседания скупщины состоялось еще и тайное, на котором с просьбой оказать материальную и военную помощь воеводинским сербам выступил протоиерей из Нови-Сада П. Стаматович. По предложению Гарашанина было решено ее оказать, но и дальше сохранять в этом деле «кажущуюся нейтральность»³⁴.

М. Экмечич считает, что на Петровской скупщине достигло своей кульминационной точки «противоборство профранцузской и прорусской группировок в Сербии», а окончательный ее итог «был обусловлен царским посланием». В результате – «сербское правительство оказалось под непосредственным контролем русского консула». Двойная же игра вокруг формального отзыва и фактического направления в Воеводину добровольцев «была наилучшим ответом на возможность начала революции в Османской империи»³⁵.

Через неделю после Петровской скупщины во французском консульстве в Белграде состоялась встреча, на которой, кроме самого консула, присутствовали белградский паша, представители сербского правительства и прибывший вновь в Сербию на место выехавшего на Славянский съезд в Прагу Ф. Заха польский агент Л. Зверковский-Ленуар. На этой встрече было задумано потребовать ареста Вучича и попытаться освободиться от русского влияния, а поддержку искать во Франции и Турции, с тем чтобы «Сербия не попала под русский протекторат, как Валахия». Было решено

³² Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. С. 195.

³³ Поповић Р.Ј. Аврам Петронијевић. 1791–1852. Београд, 2012. С. 215–217.

³⁴ Савковић Ј. Фердинанд Мајерхофер у српском покрету 1848–49. године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1957. № 17. С. 92.

³⁵ Экмечич М. Россия и народные движения на Балканах в 1848 году // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Часть I. Материалы международной научной конференции. М., 1992. С. 174, 177–178.

также не слушать никаких советов и наставлений консула Данилевского, так как его действия будто бы с самого начала направлены на свержение князя Александра³⁶. М. Экмечич называет эту встречу, организованную польским агентом Ленуаром, своеобразным ответом на победу прорусского течения на Петровской скупщине³⁷.

Сближение уставобранителей, и прежде всего И. Гарашанина, с Францией было намечено еще в «Начертании». После заседания во французском консульстве в Белграде это стало реальностью. Сами французы стали в 1848 г. действовать в Сербии активнее, всемерно разжигая недоверие сербского руководства к России. По мнению У. Татича, французские интересы на Балканах в то время не противоречили сербским, поскольку ничье другое влияние, кроме австрийского и русского, не угрожало сербскому народу. В отличие от этих держав «Франция не имела территориальных претензий на Балканах»³⁸.

Но и Россия подобных претензий не имела ни тогда, когда выступала за поддержание статус-кво на Балканах, ни даже после Крымской войны, когда она фактически перестала выступать за сохранение целостности Османской империи. Последняя победоносная русско-турецкая война 1877–1878 гг. доказала это со всей очевидностью. Никаких территориальных приращиваний на Балканах Россия не искала. Исключение составил лишь возврат в состав Российской империи южной части Бессарабии.

Ушедший на Петровской скупщине в отставку С. Петрович-Кничанин еще ранее стремился в Воеводину. Его склонял к этому и Дж. Стратимирович. Однако князь и Гарашанин не отпускали Кничанина, опасаясь вызвать обвинение Турции во вмешательстве во внутренние дела другого государства. После скупщины Кничанин уже как частное лицо не замедлил перебраться в Воеводину. Вследствие того, что венгерское правительство не признало решений Майской скупщины и развязало против тамошних сербов боевые действия, начавшийся переход добровольцев из Сербии за Саву и Дунай сделался массовым. Этих вооруженных добровольцев и возглавил Стеван Кничанин³⁹.

³⁶ *Екмечић М.* Неколико уломака о руској политици према Јужним Словенима у вријеме револуције 1848. године // Зборник за историју. 1982. 26. С. 49–50.

³⁷ *Екмечић М.* Россия и народные движения на Балканах... С. 178.

³⁸ *Татић У.* Илија Гарашанин и Француска // Историјски часопис. 2013. Књ. LXII. С. 246.

³⁹ Грађа за историју... С. 303–304; *Павловић Д.* Указ. соч. С. 59, 61.

На рост добровольческого движения влияли жестокость венгерской армии и призывы сербов «с той стороны Дуная и Савы», которые перепечатывали, в частности, «Србске новине». В одном из таких призывов говорилось: «Родные братья-сербы! Вам известна наша ужасная судьба. Венгры задумали всех нас извести под корень. Они убивают всех наших – мужчин, женщин, малых, старых. Они сжигают наши села и города. Они оскверняют наши церкви, образы божьи и честные трапезы. Они из Срема, Бачки и Баната создали Косово-Поле»⁴⁰.

Илл. 25. Стеван Петрович-Кничанин

Хотя Николай I был недоволен отправкой добровольцев⁴¹, все же позиция России стала постепенно меняться. Петровская скупщина прошла спокойно. Титов в Константинополе предлагал даже Порте выразить каким-нибудь торжественным актом свое удовлетворение сербским князем, чтобы таким способом «выбить из рук Вучича всякое оружие»⁴².

В Белграде Данилевский в своих донесениях советовал поддерживать «умеренные и законные требования сербов» в Воеводине. Говоря о позиции сербского правительства, он сообщал, что «воспрепятствовать ему оказывать некоторые пособия его собратам» совершенно невозможно, а «сверх того и нерасчетливо», ибо если допустить, что правительство послушалось бы русских советов, то тогда равнодушие Сербии к бедам воеводинских сербов приписывалось бы России и распространило бы по всей задунайской стороне ропот против нее⁴³.

⁴⁰ Цит. по: *Крстић В.* Срби у Угарској. С. 143.

⁴¹ См.: *Екмечић М.* Неколико уломака о руској политици... С. 47.

⁴² *Павловић Д.* Србија и српски покрет... С. 80.

⁴³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 104об., 173–173об.

По словам Данилевского, Сербия к тому времени передала сербам Воеводины 20 тыс. червонцев, довольно значительное количество пороха и свинца, около 2–3 тыс. единиц различного огнестрельного оружия. Туда перешло также около 2 тыс. добровольцев. Все это якобы происходило вопреки воле самого правительства, но выгодно ему, так как теперь из чувства признательности австрийские сербы не допустят «никакого покушения на Сербию со стороны Обреновичей и их клевретов»⁴⁴.

Австрия также начала менять свою позицию. Ф. Майерхофер пришел к мысли, что помощь Сербии воеводинским сербам, как и само их движение в целом, можно использовать в интересах Габсбургской монархии. В своих донесениях он неоднократно стал подчеркивать лояльность сербского правительства Австрии и выступать за поддержание с княжеством хороших отношений⁴⁵. В сентябре 1848 г. Гарашанин писал Петрониевичу, что Данилевский и Майерхофер сейчас не только не против помощи воеводинским сербам, но и прямо подстрекают к этому сербское руководство⁴⁶.

2. Сербия и объединительные планы 1848 г.

В начале революции в Австрии И. Гарашанин продолжал придерживаться точки зрения, изложенной в «Начертании»: решение сербского вопроса первоначально должно быть ограничено только турецкими пределами. По-прежнему главный упор делался на попытки добиться от Порты «добровольных» уступок. Начавшиеся было в княжестве антитурецкие выступления решительно пресекались. В то же время предпринимались и конкретные действия по реализации программы «Начертание».

Особую активность проявлял на этом направлении представитель княжества в Турции Константин Николаевич – зять Александра Карагеоргиевича и кум Илии Гарашанина. В марте 1848 г. Николаевич составил (вновь, по-видимому, без ведома сербского премьера и министра иностранных дел А. Петрониевича) специальный документ, известный в историографии как проект созда-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Савковић* J. Фердинанд Мајерхофер у српском покрету... С. 92–93.

⁴⁶ Преписка... С. 295.

ния «Сербского вице-королевства» или «Сербских соединенных провинций». Согласно этому документу, предполагалось, что: 1) Сербия присоединит Боснию, Герцеговину, Черногорию и Северную Албанию (Старую Сербию); 2) все эти земли составят «единое сербское государство» в составе Турции; 3) это государство будет иметь «своего главу и свое независимое внутреннее управление»; 4) «Сербское вице-королевство» пользовалось бы теми же правами, которые имело Сербское княжество; 5) конституцию и законы принимало бы само новое государство без вмешательства Порты или какой-либо другой великой державы; 6) это государство имело бы армию для охраны своих границ, являющихся одновременно границами Османской империи; 7) сербское и турецкое государства в рамках Османской империи существовали бы за счет собственных доходов (только таможенные сборы целиком отходили бы султану); 8) связь с султаном осуществлялась бы через сербское дипломатическое представительство в Константинополе; 9) Турция не имела бы права, кроме исключительных случаев, заключать договоры, касающиеся Сербии, с иностранными государствами без согласия этого представительства; 10) мусульмане и православные получили бы в «Сербском вице-королевстве» равные права; 11) в новом сербском государстве вводился бы принцип свободы вероисповедания, причем мусульмане оставались бы под духовной властью Турции; 12) остающиеся в турецком государстве болгары должны были также получить те же права, что и мусульмане; 13) болгар должны были принимать на все турецкие государственные посты; 14) во всей Османской империи провозглашался бы принцип свободы торговли при отмене внутренних таможенных пошлин; 15) сербское государство имело бы право открывать торговые представительства в Турции и других государствах⁴⁷.

Как и предыдущие документы, проект создания «Сербского вице-королевства» имел антирусскую направленность. В его вводной части говорилось: «Мы не поклонники политики полумер; мы хорошо знаем положение Турции и именно поэтому искренне хотим предложить ей способ, с помощью которого внутренние отношения в Османской империи можно сделать равноправными, а властолю-

⁴⁷ *Екмечић М.* Гарашанин, Чарториски и Мађари 1848–1849. године // Српско-мађарски односи и сарадња 1848–1867. Београд, 1987. С. 29, 32; *Љушић Р.* Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812–1874). Београд, 1991. С. 157–158.

Илл. 26. Константин Николаевич

бивой политике русской, с каждым днем становящейся все опаснее для нас, навсегда положить предел»⁴⁸.

Сохранились фрагменты, по-видимому, другого варианта проекта Николаевича. В нем, возможно, намечалось включить в состав «Сербского вице-королевства» еще и Болгарию или ее часть. Но в официальный проект эти фрагменты не попали. Включение болгарских земель непосредственно в объединенное сербское государство по-прежнему не являлось целью Гарашанина.

Таким образом, в дополнение к «Начертанию» в 1848 г. появился уже более конкретный проект по объединению Сербии с Боснией и Герцеговиной, Черногорией и Северной Албанией. Как первый шаг к получению независимости предполагалось добиться предоставления этому объединенному сербскому государству широкой автономии в составе Османской империи. Фактически речь шла о ее преобразовании в дуалистическую монархию, состоящую из двух частей – «Азиатской Турции» и «Сербских соединенных провинций». Каждая часть имела бы своего правителя, независимые органы власти, самостоятельное внутреннее управление и собственную территорию. «Сербские соединенные провинции» не были бы самостоятельными только в области внешней политики.

Но не только в этом две части монархии были бы неравноправными. Турецкое государство в дуалистической монархии (Османской империи) сохраняло бы положение «господствующей державы», и султан был бы номинальным главой и турецкой части империи, и расширенного сербского государства. Статус двух государств не был ясно прописан, но все же положение «Сербских соединенных провинций» было бы лучше вассального положения Сербского княжества. Свой проект Николаевич вручил в Константинополе самому

⁴⁸ Цит. по: Экмечич М. Россия и народные движения на Балканах... С. 180.

султану, мотивируя необходимость его принятия замыслами России, направленными будто бы на раздел Турции⁴⁹.

Одновременно Гарашанин поручил вернувшемуся в апреле из Парижа в Белград Йовану Мариновичу также изложить свои мысли по поводу преобразований европейских владений Османской империи. Составленная Мариновичем «Записка о христианах в Турецкой империи» предусматривала проведение двух основных реформ: 1) дарование права всем христианским народам иметь «своих собственных окружных или нахийских оберкнезов», которые бы избирались местным населением и только затем утверждались султанским бекратом, и 2) разрешение христианам выбирать из соотечественников митрополитов, которые руководили бы церковными и школьными делами, так как до сих пор «славянам присылают в качестве владык греков, не знающих народного языка и не исполняющих вследствие этого своих обязанностей надлежащим образом»⁵⁰.

Записку Мариновича Гарашанин послал на рассмотрение Николаевичу, прося дать ей оценку, а затем также передать турецкому правительству «не только для того, чтобы Порты ее одобрила», но чтобы она видела, что Сербия не перестает заниматься этим вопросом. В конце письма Гарашанин добавлял, что проект Николаевича ему лично кажется намного более обещающим. Сербскому представителю в Константинополе предложения Мариновича тоже не понравились, и он даже не стал передавать их турецким властям⁵¹.

Довольно же утопичный проект самого Николаевича о создании «Сербского вице-королевства» султан решительно отверг. Причем деятельность сербского представителя натолкнулась на противодействие не только Порты, но и европейской дипломатии. Новый посол Франции в Османской империи генерал Ж. Опик⁵² идею создания «Сербского вице-королевства» не поддержал. А посол Габсбургов в Константинополе граф Штюмер интриговал перед турецким правительством, сообщая, что будто бы Сербия дого-

⁴⁹ Милићевић Ј. О Босни 1848. године // Историјски гласник. 1973. № 1. С. 89–90; Љушић Р. Илија Гарашанин... С. 159; он же. Књига о Начертанију. Национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Београд, 1993. С. 106.

⁵⁰ Љушић Р. Мариновићев мемоар о хришћанима у Турском царству из 1848. године // Историјски гласник. 1976. № 1–2. С. 165–170.

⁵¹ Там же.

⁵² Ж. Опик был отчимом классика французской литературы, поэта Шарля Бодлера.

ворилась «с иностранными сербами и иллирами» о начале восстания и создании независимого сербского государства. Получив это известие, Диван распорядился даже направить к сербской границе свои войска. Только после вмешательства французской дипломатии, заверившей Порту в ложности сообщения Штюрмера, инцидент был исчерпан⁵³.

И все же подозрения Австрии не были абсолютно беспочвенны. Они были связаны с активизацией деятельности членов «тайного демократического панславянского клуба». 12 марта 1848 г. в Белград вернулся выезжавший в Вену и Загреб П. Чавлович. И в тот же день, как уже отмечалось, по всему городу были разбросаны листовки. Австрийский консул в Белграде Ф. Майерхофер приписывал организацию этой акции именно Чавловичу, а раздававшиеся ночью призывы называл «иллирско-панславянскими»⁵⁴.

Пребывание П. Чавловича в Белграде было недолгим. Уже через день он в агитационных целях выехал в Австрию. С такими же целями туда отправился еще ряд членов «тайного демократического панславянского клуба»: М. Бан, Ф. Зах, С. Херкалович, У. Боришев⁵⁵. Их поездка была связана с разработанным в самый канун революции планом государственного объединения турецких славян с хорватами («Политические принципы южных славян»). План писался от имени сербов и хорватов «как самых сознательных из всех южных славян». Они вместе с болгарам должны были образовать единое южнославянское федеративное королевство во главе с королем, которым должен был стать Александр Карагеоргиевич. Каждый из трех народов имел бы полную автономию в местных делах и свой представительный орган – сабор. Все три южнославянских народа сохраняли свои этнические названия, но вместе они должны были называться югославянами, а их объединенное государство – Югославией⁵⁶.

В «Политических принципах южных славян» перечислялись сербские и хорватские области, которые предполагалось включить в федерацию. «В сербское племя включались кроме княжества: Старая Сербия и г. София, “вся славянская Македония”, Зета с ал-

⁵³ Писма... С. 4–7; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2008. С. 252.

⁵⁴ Грађа за историју... С. 33–34; *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав. С. 68–69.

⁵⁵ Грађа за историју... С. 59, 114.

⁵⁶ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1957. С. 87–88.

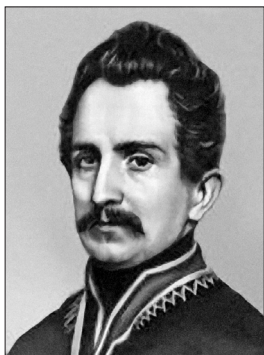
банцами-католиками мирдитами, Черногория, Бока Которская и Дубровник, Герцеговина и Босния на восток от р. Врбас. Остальная часть Боснии отходила к хорватскому племени, к которому кроме собственно Хорватии относились и все словенские земли (Крайна, Каринтия, Славянская Штирия). Состав болгарского племени не указывался. По-видимому, этот вопрос оставался для авторов проекта не вполне ясным и не столь важным». Таким образом, будущая федерация лишь «чисто внешне состояла из этнических или национальных общностей»⁵⁷.

Впрочем, иногда довольно трудно определить, от чьего имени совершались агитационные поездки в соседние с Сербией области и разрабатывались некоторые документы – от имени «тайного демократического панславянского клуба» или по заданию Илии Гарашанина. Члены этого «клуба» одновременно и довольно часто выполняли тайные задания сербского министра.

В первую очередь это относится к М. Бану, у которого агитационная поездка получилась наиболее насыщенной и плодотворной. Во второй половине марта 1848 г. он посетил Воеводину, где в Сремски-Карловцах встретался с Иосифом Раячичем, которому предложил сотрудничество с княжеством. Раячич был на него согласен при условии разрешения Загреба и официального подтверждения этого предложения из Белграда. Затем в Нови-Саде М. Бан пытался напечатать привезенное им и написанное совместно с Ф. Захом специальное воззвание к воеводинским сербам. В этом воззвании рекомендовалось созвать скупщину, избрать воеводу и патриарха, создать центральное правительство с отделениями на местах и собственное войско. Авторы воззвания полагали, что воеводинским сербам необходим также союз с Хорватией. Напечатать данное воззвание М. Бану так и не удалось, но все же в переписанном от руки варианте оно стало распространяться среди местного сербского населения⁵⁸. Идеи воззвания, как мы уже видели, в значительной степени нашли свое воплощение в результатах Майской скупщины воеводинских сербов.

⁵⁷ *Достян И.С.* Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.) // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 99.

⁵⁸ Грађа за историју... С. 31, 72–73; *Радонић Ј.* Аутобиографија патријарха Јосифа Рајачића. Београд, 1951. С. 33–34.

Илл. 27. Людевит Гай

В начале апреля М. Бан был в Загребе, где прежде всего продолжил старые контакты с Людевитом Гаем. Лидер иллирийского движения советовал ему не доверять полностью хорватскому бану Й. Елачичу, который, по словам Гая, был скорее за австрийского императора, чем за свой собственный народ.

Во время переговоров с Елачичем Бан говорил, что события в Австрии Сербию непосредственно не затрагивают, и будущее княжества находится на Балканах. Но князь Александр опасается, что венгры могут напасть на Триединое королевство. Поэтому Сербия выступает за объединение всех частей Триединого королевства между собой и за их союз с воеводинскими сербами. В случае войны с венграми сербское правительство обещает употребить все свое влияние на сербов Триединого королевства и Воеводины с тем, чтобы они выступили вместе с хорватами. Оно обещает даже при определенных условиях оказать им необходимую военную помощь.

Об этих условиях говорилось в письме Гарашанина, которое Бан передал Елачичу. Как представляется, речь в нем шла о совместных гипотетических действиях сербов и хорватов также и против турок. Ознакомившись с письмом, бан Елачич заявил, что он не против подобных действий, но нежелательно, чтобы они были предприняты в настоящий момент. Это, по его словам, окончательно бы все запутало, и лучше сначала разобраться с венграми.

Хотя М. Бан полагал ранее самым оптимальным сотрудничество Сербии с Гаем, он во время своей поездки пересмотрел взгляды и выступил за укрепление связей с Елачичем. «При нынешних обстоятельствах, – писал он в Белград, – солдат перед дипломатом имеет преимущество». Бан заметил, что между Гаем и Елачичем существует вражда, и хотя они еще советуются друг с другом, неизвестно, как долго это продлится. Если же дело дойдет до войны с венграми, хорватский бан станет «диктатором».

Позже М. Бан сообщал, что Елачич говорил также о намерении совместно с княжеством содействовать освобождению Боснии и Герцеговины и даже в случае несогласия Сербии был готов действовать самостоятельно. На это сербский эмиссар отвечал, что князь Александр не может открывать все свои планы, но он помнит о Боснии, как и о Болгарии, и ждет лишь подходящего момента. Преждевременное

же выступление может погубить княжество, которое является «единственной опорой южнославянского будущего». Одновременно для укрепления сербских позиций в Боснии и Герцеговине М. Бан предложил сербскому руководству послать в эту провинцию специальных агентов, чтобы окончательно договориться с францисканцами.

Кстати, именно в планах Гарашанина и его соратников присоединить Боснию и Герцеговину больше всего видят хорватские историки черты великосербской политики Сербского княжества.

Однако аналогичные планы хорватов никогда не характеризуются ими как великохорватские⁵⁹. Хотя по всем подсчетам сербы составляли в то время в Боснии и Герцеговине большинство населения, на втором месте шли боснийские мусульмане, и только на третьем – хорваты, которые всегда являлись в этих турецких провинциях явным меньшинством. Не говоря уже о том, что католическое население Боснии и Герцеговины обладало тогда менее развитым хорватским самосознанием, нежели православное – сербским.

Это касалось и македонцев, и албанцев, отчасти проживавших на территориях, обозначавшихся понятием «Старая Сербия». Так, македонская нация окончательно сформировалась только после Второй мировой войны. Еще позже начался процесс образования боснийской и, тем более, черногорской наций, который до сих пор не только не завершен, но и не приобрел необратимого характера. Сложность этого вопроса признает, кстати, и Д. Агичич, обвиняющий Гарашанина в «великосербизме». Хорватский историк пишет, что «в середине XIX в. процесс формирования наций на славянском юге был в зачаточном состоянии, а у некоторых наций – на таком этапе, что его можно было не заметить»⁶⁰.

Илл. 28. Йосип Елачич

⁵⁹ См., например: *Agčić D. Tajna politika Srbije u XIX. stoljeću. Zagreb, 1994. S. 41, 44.*

⁶⁰ *Ibid. S. 74.*

Попутно отметим, что другое частое доказательство «великосербской политики» – оставление во главе нового расширенного государства сербской династии (порой конкретно указывалась династия Карагеоргиевичей). Но в то время у южных славян существовала только одна и именно эта сербская правящая династия. И очень странно требовать от сербского министра поддерживать или призывать к власти какую-либо другую династию, тем более выступать за республиканскую форму правления.

Из Хорватии М. Бан поехал в Далмацию, но там его ждало разочарование. Он жаловался, что только в сельской местности говорят «так же, как в Сербии», а в городах – в основном по-итальянски. Многие далматинские города, поэтому, выступают против союза с Хорватией и против «народного языка». И только в родном Дубровнике Бан нашел полное единомыслие. Он сообщал, что договорился с местными деятелями и в политическом, и в военном плане. В политическом – об объединении Далмации с Хорватией, а в военном – о вторжении в Боснию и Герцеговину и союзнической борьбе за освобождение всех южных славян. Предполагалось, что по сигналу Бана в герцеговинский город Ливно вторгнутся 10 тыс. человек во главе с дубровчанами Крсто Кулишичем и Калиничем. Причем первый из них был побратимом самого богатого аги в Ливно – некоего Чизмича, который и должен был уговорить других влиятельных мусульман сдать город. За это им нужно было обещать сохранение жизни и имущества. После Ливно следующий удар, уже совместно с сербами из княжества и черногорцами, планировалось нанести по Травнику.

В конце своей агитационной поездки М. Бан посетил Цетинье. В разговоре с ним владыка Черногории Петр II Петрович-Негош безоговорочно согласился на общесербское сотрудничество. Он обещал выставить до 8 тыс. воинов, но просил пороха, олова и провианта. Иначе из-за слабой дисциплины в армии черногорцы, перейдя границу, могут начать грабить не только турецкие, но и христианские села. Владыка высказывал недовольство тем, что его раньше не посвящали в планы Сербии («был готов уже самостоятельно двинуться к Белграду»), и полагал, что прежде всего нужно объединить всех сербов. В этом новом государстве он рассчитывал стать патриархом – главой Сербской православной церкви. Владыка передал М. Бану письмо для Александра Карагеоргиевича, в котором пылко призывал сербского князя не опозорить имя своего отца перед «сербским родом» и исполнить свое высокое предназначение.

Вообще Негош во время событий в Воеводине горел желанием оказать помощь австрийским собратьям. Он не препятствовал тому, чтобы черногорцы поодиночке и разрозненными группами перебирались в Сербию и оттуда в Воеводину. В октябре 1848 г. Негош предложил бану Елачичу 3 000 черногорцев в помощь для борьбы против венгров и просил далматинского губернатора нанять судно в Боке Которской для отправления этого отряда до Фиумы (Риеки), но согласия не получил. Владыка писал воеводинским сербам, что «если бы нас с севера не разделяла Босния и Герцеговина, а с запада – Далмация, мы бы вам давно на помощь пришли». За успехи в войне с венграми Негош наградил С. Петровича-Кничанина, М. Петровича-Блазнаваца и Дж. Стратимировича медалями Милоша Обилича⁶¹.

Позже, когда на территорию Венгрии вступили русские войска, владыка обратился в Петербург с просьбой дозволить и ему с отрядом в 4–5 тыс. человек присоединиться к ним. Петр II писал, что «Северная Венгрия (под ней подразумевалась Словакия. – К.Н.) – гористый предел, а наше войско – проворные горцы, я надеюсь, что они очень полезны там будут». На этот раз Негош надеялся добраться австрийскими пароходами до Триеста. Однако и здесь не получил согласия. «Вполне оценив ревностную готовность черногорцев», правительство Николая I от такого предложения отказалось, заявив, что «никакое вспомогательное войско не иначе могло бы вступить в пределы Австрии, как по призыву законного правительства»⁶².

После Черногории Бан двинулся в обратный путь через Дубровник, Триест, Люблян и Загреб. Причем в Дубровнике он увидел уже результаты своей агитации. Командиры местного народного войска Бетондич и Гучетич ввели в своих отрядах сербский язык, а молодежь Дубровника распевала по ночам на улицах города сербские песни. Одна из них начиналась словами: «Я – серб, сын старого Дубровника, первая искра разума всех славян; мое дубровницкое имя прославляют сейчас везде, где живут славяне, братья-славяне».

Д. Агичич считает Бана одним из главных проповедников идеи о сербско-католическом Дубровнике и пишет, что эта идея появилась в середине XIX в. и просуществовала вплоть до окончания Второй

⁶¹ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 105; Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы. М., 2013. С. 660.

⁶² АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1849. Л. 242–243; Петр II Петрович Негош и Россия. С. 663.

мировой войны. По его мнению, «круг дубровницких сербов-католиков был маргинальным явлением в этом городе, но часто служил в качестве поддержки попыткам доказать сербский характер Дубровника»⁶³. Нам представляется, что и здесь хорватский автор не избежал передержек. Сербско-католики существовали в реальности, а не были каким-то искусственным явлением, возникшим лишь по прихоти отдельных политических деятелей.

Из Любляны Бан сообщал, что словенские национальные деятели мало занимаются политикой, а только народным просвещением, и что у них есть тяга «к общему с нами сербскому языку». Он писал, что в настоящий момент от словенцев трудно что-либо ожидать, но в будущем сотрудничать с ними возможно. В мае М. Бан был в Загребе, где вновь встречался с Л. Гаем и Й. Елачичем. После беседы с последним он доносил, что «договоренность и сербско-хорватский союз с помощью Сербии установлены, все концы сейчас у нее в руках». Правда, М. Бан с сожалением отмечал, что произошел намечавшийся ранее разрыв между Елачичем и Гаем, и хорваты начинают все более группироваться вокруг своего бана, который один имеет сегодня реальную власть⁶⁴.

В мае же хорватский бан написал письмо Александру Карагеоргиевичу, в котором предлагал взаимную «моральную, финансовую и материальную помощь». Фактически это было воззвание к сербам о помощи. В частности, Елачич просил у Сербского княжества заем в 30 000 дукатов. С этим письмом в Сербию поехал С. Херкалович (который, так же как и М. Бан, находился тогда в Загребе). Уже в Белграде Херкалович говорил, что и Елачич, и Гай выступают за южнославянское объединение. Но когда оно начнется, нужно опасаться хорватского бана, который свое влияние в народе может использовать «для отвращения людей от подлинных целей». От сербского правительства для бана Елачича Херкаловичу удалось получить гораздо более скромную сумму – 5 000 дукатов⁶⁵.

Вскоре связям сербских деятелей с Людевитом Гаем был нанесен серьезный урон. Дело в том, что, когда Милоша Обреновича выпустили из загребской тюрьмы, он заявил о присвоении Гаем крупной суммы денег, взятой якобы, чтобы содействовать его освобождению. По указа-

⁶³ Agičić D. Tajna politika Srbije... S. 61–62.

⁶⁴ Грађа за историју... С. 112–113, 131–132, 135–136, 238, 307, 344.

⁶⁵ Šidak J. Studije iz hrvatske povjesti za revolucije 1848–1849. Zagreb, 1979. S. 89–91.

нию Елачича было начато следствие. И хотя вина Гая не была доказана, он с середины июня 1848 г. был вынужден устраниваться от политической деятельности⁶⁶. Гай потерял не только свое положение в хорватской политике, но и доверие сербских политиков. Гарашанин стал больше ориентироваться на бана Елачича, а С. Верковичу поручил доносить в Белград о деятельности Гая и Михаила Обреновича⁶⁷.

В то же время и Елачичу Гарашанин доверял не до конца. Иногда он видел в нем могучего союзника, но никогда не забывал, что Елачич – австрийский генерал. Со временем убеждение Гарашанина в том, что Елачич – человек австрийского двора и действует в согласии с австрийским консулом в Белграде Ф. Майерхофером, только выросло⁶⁸.

Тогда же, летом 1848 г., Илия Гарашанин послал в Косово С. Верковича для поддержания связи с Гаспаром Красничи и с заданием узнать о планах Обреновичей в краях, находившихся под турецкой властью. В августе в Янево Веркович беседовал с Красничи, а затем приехал, вероятно, в Дечанский монастырь, где встречался с тамошним иеромонахом Гедеоном (Юришичем). Этого монаха Гарашанин считал приверженцем князя Михаила Обреновича и русофилом. В декабре Веркович вернулся в Белград и получил денежное вознаграждение за успешно выполненную работу⁶⁹.

Таким образом, кроме самого Гарашанина (проект Николаевича о создании «Сербского вице-королевства»), в условиях начавшегося революционного брожения в Воеводине и Хорватии конкретные шаги по объединению вокруг Сербии соседних земель предприняли и члены тайного славянского общества, которые пытались достичь соглашения о совместных усилиях с австрийскими сербами, черногорцами, хорватами и словенцами. Причем речь шла уже (в Дубровнике и Цетинье) о военном вторжении в Боснию и Герцеговину. Однако вооруженные действия откладывались на неопределенный срок⁷⁰.

Как упоминалось, во время своей агитационной поездки члены «тайного демократического панславянского клуба», и прежде всего М. Бан, выполняли и отдельные задания сербского правительства.

⁶⁶ Лециловская И.И. Общественно-политическая борьба в Хорватии в 1848–1849 гг. М., 1977. С. 147–148.

⁶⁷ Agičić D. Tajna politika Srbije... S. 43.

⁶⁸ Ibid. S. 47–48.

⁶⁹ Ibid. S. 67.

⁷⁰ См.: Стојанчевић В. Српска влада и одлагање народног устанка у Источној Босни и Херцеговини око средине XIX века (1847–1848) // Балканика. 1982–1983. XIII–XIV.

Однако Гарашанин, хотя и одобрял идею сотрудничества с хорватами (прежде всего с Л. Гаем), все же придерживался выжидательной позиции по некоторым вопросам, особенно по вопросу политической принадлежности Боснии и Герцеговины. В Белграде не могло не вызвать опасений, что некоторые хорватские политические деятели открыто говорили об историческом праве хорватов на эти территории⁷¹.

Пока венский двор окончательно не порвал с венграми и формально считал хорватов и воеводинских сербов бунтовщиками, появился план отделения Воеводины от Австрии и присоединения ее к Сербии под верховной властью Порты. Посредником в этом деле выступил эмиссар польской эмиграции в Османской империи М. Чайковский. В июле 1848 г. к нему с рекомендательным письмом от Заха и с ведома хорватского бана Елачича прибыл граф А. Нугент. Он просил у Чайковского содействия в борьбе сербов, хорватов и прочих славян «со швабами и мадьярами». После же освобождения австрийских славян Нугент предложил организовать «федеративный союз под главенством султана как потомка сербских королей по женской линии».

Тогда же польский агент в Белграде Л. Зверковский сообщал Чайковскому, что сербское правительство просило прислать поляков – генералов и офицеров, чтобы они возглавили боровшееся с Венгрией «славянское войско». На организацию деятельности этих поляков сербское руководство выделяло 120 тыс. франков. Кроме того, оно пыталось привлечь на сторону княжества поляков из Галиции, которым также была обещана финансовая помощь для формирования польского легиона.

Чайковский, по его собственным словам, был в восторге от всех этих предложений. Он изложил проект Нугента министру иностранных дел Порты Решид-паше, который сочувственно к нему отнесся, но запросил мнение князя Чарторыйского. Немедленно в Париж был послан бывший секретарь Чайковского Сеффельс-де-Сольденгоф.

Одновременно к белградскому паше и с инструкциями Зверковскому и Заху (вернувшемуся в Сербию из Праги) был послан польский агент Ю. Корсак. Вслед за Нугентом и Корсаком для разведки обстановки в Хорватии и Воеводине выехали польские эмигранты Будзинский, Илинский и Вроновский. В Галицию был послан Терлецкий⁷².

⁷¹ *Берућ Л.* Илија Гарашанин и хрватска политика у доба револуције 1848–1849. године // *Историјски часопис.* 1976. Књ. XXIII. С. 74.

⁷² *Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши)* // *Русская старина.* 1898. Т. 95. С. 450–453.

Интересно, что, в отличие от Чайковского, прямо противоположного объединительного плана придерживался в то время Ф. Зах. Свою точку зрения он сформулировал на Славянском съезде, где был председателем южнославянской секции и членом большого комитета. В Праге в качестве гостей съезда присутствовали также представители Сербского княжества Й. Маринович и Л. Арсениевич⁷³. В целом Славянский съезд, который и по составу, и по кругу рассматриваемых вопросов был собранием австрийских славян, а не общеславянским, прошел под знаком австрославизма, то есть преобразования Австрийской империи в федерацию с отдельным славянским компонентом⁷⁴. Но все-таки съезд выразил свое отношение к политическому будущему и турецких славян. В программе, которую составил Франьо Зах, предусматривалось присоединение этих славян после их освобождения под руководством Сербии от турецкого гнета к Габсбургской монархии как «славянскому союзному государству». Считалось, что это усилит численное преобладание славян в Австрийской империи и обеспечит прочность ее федеративного устройства⁷⁵.

Между тем в ответ на запрос Чайковского из Парижа пришел отрицательный ответ. От имени главы правого крыла польской эмиграции его подписал В. Замойский. Было указано, что польские эмигранты не могут входить ни в какие сношения и соглашения с южными славянами, так как уже связаны договорами с итальянцами, «исповедующими католическую веру и точно так же борющимися за свою независимость». В свою очередь на А. Чарторыйского влиял французский министр иностранных дел А. Ламартин, который заявил ему, что Франция не поддержит движений, направленных против России и Австрии, так как стремится заключить союз с этими государствами. Вместе с письмом Замойского Чайковский получил известие от Терлецкого, писавшего, что население Галиции не склонно к совместным действиям с южными славянами.

О содержании полученных писем Чайковский оповестил Заха и Зверковского. От них об этом узнало и сербское правительство, охладевшее поэтому к данному плану. Несмотря на запрет Чарто-

⁷³ Жачек В. Улога Франтишека А. Заха у Србији // Глас ССХС. Српска академија наука и уметности. Одељење историјских наука. 1974. Књ. 1. С. 173.

⁷⁴ Никитин С.А. Славянские народы в революции 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 39.

⁷⁵ Лециловская И.И. Общественно-политическая борьба в Хорватии... С. 216–217.

рыйского, Будзинский, как и было задумано ранее, отправился к патриарху Раячичу, а Вроновский – к бану Елачичу. В Сремски-Карловцах первый убедил Раячича и Стратимировича составить адрес султану, в котором говорилось, что сербы Воеводины «добровольно постановили слиться со своими родными братьями – сербами княжества Сербского, подчиниться верховной власти султана». В августе Будзинский привез этот адрес Мехмет-паше в Белград, а тот отправил его в Константинополь. Из Загреба другой польский агент, Вроновский, доносил, что бан Елачич нуждается в деньгах и если он их не получит в течение месяца, то останется верноподданным Габсбургов. Сам Вроновский не покинул уже Хорватию и был зачислен в артиллерию хорватского войска⁷⁶.

Позже, в октябре 1848 г., когда уже произошел открытый разрыв между Веной и Пештом, некоторые деятели австрийских сербов на короткое время вернулись к плану включения Воеводины в состав Османской империи. Это было связано с тем, что австрийские и хорватские вооруженные силы были заняты тогда подавлением восстания в Вене, что оставило сербов Воеводины один на один с венграми. Тогда же правительство княжества из-за тяжелого финансового положения отказалось выплачивать жалованье своим добровольцам, перекладывая эти расходы на воеводинскую народную казну⁷⁷. В этой обстановке патриарх Раячич тщетно обращался к Данилевскому. Лидер воеводинских сербов писал, что так как Австрия и бан Елачич им помочь не могут, то лучше «быть наподобие княжества Сербии под сильным покровительством России и Турции, нежели мадьярское иго носить»⁷⁸.

Одновременно из Константинополя К. Николаевич писал И. Гарашанину, что в случае распада Габсбургской монархии все немецкие провинции следует объединить в Германскую конфедерацию, а чешские, моравские, словацкие и польские земли – в другую конфедерацию. Австрийские южные славяне образовали бы тогда в союзе с европейской Турцией «одно единое и чисто южнославянское царство». Оно вместе с азиатской Турцией составляло бы дуалистическое государственное образование или бы вообще было полностью независимым. Эту идею Николаевич связал затем со своим проектом по

⁷⁶ Записки Михаила Чайковского... С. 454–456.

⁷⁷ Павловић Д. Србија и српски покрет... С. 91–93.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. ГА V–A2. 1848. Д. 229. Л. 102; Попов Н. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. Ч. II. М., 1869. С. 284.

созданию «Сербского вице-королевства». То есть австрийские южные славяне первоначально также должны были создать собственное вице-королевство – «Южную Славянию». Два вице-королевства заключили бы между собой договор, и оставалось бы только решить, какая династия будет править в этом общем южнославянском государстве: габсбургская, оттоманская или отечественная. Предпочтение, конечно, отдавалось своей. Эти неконкретные и фантастические рассуждения Николаевича, как пишет Р. Люшич, в случае реализации создавали бы государство, почти идентичное образованному в 1918 г. Королевству сербов, хорватов и словенцев⁷⁹.

Возвращаясь к вопросу об отношении правого крыла польской эмиграции к южнославянской проблеме, нужно сказать, что Чарторыйский занимал в годы революции в основном выжидательную позицию, хотя в большей степени симпатизировал борьбе венгров с одним из главных польских врагов – Австрийской империей. Лучшим же вариантом он считал примирение южных славян с венграми и их совместную борьбу против австрийцев. Франция, на которую он опирался, поддерживала его только в вопросе примирения южных славян и венгров⁸⁰.

Как и раньше, А. Чарторыйский в 1848–1849 гг. выступал за сохранение Османской империи. Анализируя его позицию, И.И. Лециловская пишет, что «если политика примирения южных славян с венграми, хотя ее исходные мотивы были отличные от интересов этих народов... совпадала с нуждами антигабсбургской освободительной борьбы в Дунайском регионе, то принцип соглашения балканских народов с Портой находился в противоречии с потребностью революционных преобразований на Балканах»⁸¹.

Стремясь к примирению южных славян с венграми, Франция также выступала против активной политики Сербского княжества в Воеводине. Французская дипломатия убеждала Порту, что помощь сербов из княжества австрийским сербам опасна, поскольку имеет целью «совершенное отделение Сербии от Турции». Дипломатам Франции вторили и представители Великобритании⁸².

Еще в августе 1848 г. в Белград приезжал специальный французский представитель, артиллерийский капитан Альфред Лефранс, который вел переговоры с князем Александром и Гарашанином.

⁷⁹ *Люшич Р.* Илија Гарашанин... С. 59–160.

⁸⁰ *Вучкович В.* Рад французских представника... С. 152.

⁸¹ *Лециловская И.И.* Общественно-политическая борьба в Хорватии... С. 152.

⁸² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1848. Д. 834. Л. 197.

Француз советовал князю сохранять пост председателя правительства за Петрониевичем, хотя и называл его «двуличным и непостоянным человеком». Характерно, что и Гарашанин в то время тоже не доверял председателю правительства. Хотя сербский министр и вел доверительные разговоры с Лефрансом, в письме к Петрониевичу он писал, что «ничего важного они не обсуждали»⁸³.

Затем этот француз вместе со Зверковским совершил поездку по Сербии. Переговоры с Лефрансом, возможно, повлияли на позицию сербского министра. Если раньше Гарашанин рекомендовал Петрониевичу добиваться от Порты согласия на помощь Сербии воеводинам сербам, то теперь он писал Мариновичу о необходимости содействовать примирению австрийских сербов с венграми, так как только таким способом можно «воспрепятствовать злым намерениям австрийского двора»⁸⁴. Однако Петрониевич выступал против всякого договора с венграми, в чем его решительно поддерживал патриарх Раячич⁸⁵. Тогда же в Белграде побывал еще один поляк – Чернявский, который отошел от Чарторыйского и, по словам Данилевского, отзывался о Зверковском «с мелкой злобой зависти и соперничества», «приписывая его неспособности неудачу каких-то планов»⁸⁶.

В деле примирения южных славян и венгров французская дипломатия и польская эмиграция действовали главным образом через еще одного агента Чарторыйского, полковника Людвика Бытжоновского, который был послан в Хорватию и Воеводину. В ноябре 1848 г. в Загребе он встретился с Л. Гаем. До этого, в сентябре, лидер иллирийского движения говорил Т. Ковачевичу, что французы с помощью поляков «славянские народы только обманывают»⁸⁷. Тем не менее Гай пошел на переговоры и при встрече с Бытжоновским предложил свергнуть Елачича и таким образом прекратить дальнейшую борьбу хорватов, которых в своих интересах использует Австрия. Он говорил также, что у него есть договоренность с Раячичем о возрождении «сербско-хорватского Душанова царства». Для осуществления этого замысла Гай запросил 200–300 тыс. франков⁸⁸.

⁸³ Поповић Р.Ј. Аврам Петронијевић. С. 224.

⁸⁴ Там же. Л. 173об.–174; Екмечић М. Неколико уломака... С. 43–44; Преписка... С. 239; Писма... С. 10.

⁸⁵ Поповић Р.Ј. Аврам Петронијевић. С. 223.

⁸⁶ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 402.

⁸⁷ Страњакловић Л. Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама 1844–1858. године. Београд. 1936. С. 9.

⁸⁸ Вучковић В. Рад француских представника... С. 152.

В Сремски-Карловцах Быстжоновский вел переговоры с Раячичем, которому передал письма от Чарторыйского и французского министра иностранных дел. Патриарх согласился на французское посредничество в деле примирения с венграми только при наличии договоренности и с баном Елачичем. Кроме этого, на переговорах затрагивался вопрос о передаче Сербскому княжеству Боснии и Герцеговины. Сербия же в свою очередь должна была повлиять на вывод граничарских батальонов из Италии. В ответ Италия с Францией обещали дать княжеству миллионный заем для денежной компенсации туркам в случае оставления ими Боснии и Герцеговины⁸⁹.

Тогда же, в ноябре 1848 г., венгры по приказу Л. Кошута сами пытались начать мирные переговоры с воеводинскими сербами, так как справедливо опасались, что австрийская армия Виндишгреца после занятия Вены двинется на Венгрию. Однако Раячич на переговоры не пошел. Он писал Кничанину, что при нынешнем военном положении, а также учитывая неприемлемость условий венгров, нет необходимости идти на примирение. Венгры, по мнению патриарха, предлагали то, что воеводинские сербы и так имели, и ни слова не говорили об удовлетворении требований, выдвинутых на Майской скупщине. У венгров было много времени, чтобы рассмотреть эти требования, но они ответили на них убийствами, поджогами и опустошениями⁹⁰.

Предложения Быстжоновского Раячич обсудил с Петрониевичем на специальной встрече в Земуне. На ней было также решено не идти ни на какие переговоры о примирении с венграми. На это решение повлияло и личное письмо к Раячичу австрийского императора, в котором были даны обещания удовлетворить требования воеводинских сербов при условии продолжения их вооруженной борьбы с венграми⁹¹.

Узнав об отказе Раячича, Быстжоновский в декабре 1848 г. отправился в Белград, чтобы лично постараться повлиять на сербское руководство, используя упомянутую комбинацию в отношении Боснии и Герцеговины. Из Белграда польский полковник сообщал во Францию о понимании, которое он встретил у Гарашанина. Быстжоновский и замещавший Лемперани французский дипломат Фабр

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ *Савковић Ј.* Мировни преговори за време српског покрета 1848–49. године према документацији Јосифа Тима // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1956. № 15. С. 129.

⁹¹ *Вучковић В.* Рад француских представника... С. 153.

решили одобрить идею создания объединенного южнославянского государства в составе Сербии, Боснии и Болгарии под турецкой властью при условии, если оно будет содействовать ослаблению влияния Австрии и России и усилению Турции. К патриарху Раячичу был послан специальный поверенный, который должен был сообщить о согласии на переговоры с венграми Гарашанина. Этот поверенный имел с собой и письмо к венгерским властям. Однако, когда гонец прибыл в Пешт, город был уже захвачен австрийскими войсками, а правительство Венгрии переехало в Дебрецен⁹².

В январе 1849 г. французский посол в Константинополе генерал Ж. Опи́к вместо поддержки «Сербского вице-королевства» представил Порте проект объединения боснийских и болгарских православных церквей под главенством воеводинского патриарха (об этом Быстжоновскому говорил еще Гарашанин). Опи́к предлагал также назначать заместителями турецких наместников в Боснии и Болгарии сербов из княжества. Но Порта отказалась идти даже на эти минимальные уступки. Она только подтвердила, что положение христиан в Боснии тяжелое, и обещала провести в этой провинции реформы⁹³. Оправдывая французов, Экмечич пишет, что «генерал Опи́к не был противником сербов. Просто был большим реалистом, чем они»⁹⁴.

К слову сказать, только России часто отказывали сербы в праве быть реалистом. Отношение к «единоплеменной и единой» России в Сербии всегда было более ревнивым и требовательным, нежели к другим государствам. Именно России всегда предъявлялись самые завышенные ожидания и наибольшие претензии. Она должна была априори поддерживать все сербские требования, даже если это шло вразрез с ее интересами.

Как упоминалось, похожую идею о создании южнославянского государства, в центре которого были бы сербы и хорваты, вынашивали в это же время и члены «тайного демократического панславянского клуба» – С. Херкалович, М. Бан и др.⁹⁵ Но все эти планы также оказались далекими от реализации.

⁹² Там же; *Лециловская И.И.* Общественно-политическая борьба в Хорватии... С. 260.

⁹³ *Ектечић М.* Marginalije o srpsko-bugarskim odnosima 1844–1851 // *Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine.* 1967. XVI. S. 132–133.

⁹⁴ *Екмечич М.* Дуго кретање... С. 252–253.

⁹⁵ *Љушић Р.* Књига о Начертанију. С. 108.

Таким образом, в 1848 г. в ходе революции сторонники Гарашанина попытались реализовать сразу несколько объединительных проектов, а сербская внешняя политика во многом приобрела профранцузский характер. При посредничестве Франции и связанной с ней польской эмиграции сербское объединение мыслилось первоначально с согласия и под верховной властью султана (проект создания «Сербского вице-королевства»). А ради объединения с Боснией сербский министр был готов идти даже на примирение с венграми, хотя княжество уже оказывало борющимся с ними воеводинским сербам разностороннюю помощь. Однако все эти попытки оказались неудачными. Надежды Гарашанина на то, что Франция заставит Османскую империю пойти на реальные уступки, не сбылись. Хотя Франция выставляла себя защитницей интересов христианского населения Турции, она не шла дальше революционной фразеологии. Ее реальные интересы были направлены на сохранение статус-кво на Балканах, а такой курс не вязался с национально-освободительными движениями южных славян⁹⁶.

В сущности, политика Франции в этом вопросе принципиально почти не отличалась от политики России. В заблуждение вводили активизация французской дипломатии и ее фразеология, «всем казалось, что эти две великие державы имеют различные концепции по вопросу сохранения Турецкой империи. Было распространено мнение, что на Балканах теперь существует постоянный фактор французского контроля и руководства национально-освободительными движениями». Сама же французская политика была «оборонительной», французская дипломатия «исходила из ошибочного представления о том, что она должна охранять суверенитет Османской империи от России»⁹⁷. Мы уже упоминали о том, что и Гарашанин, выбирая профранцузскую и антирусскую ориентацию, точно так же исходил из неверно приписываемых России планов раздела Османской империи.

⁹⁶ *Екмеџић М.* Српско-бугарскн односи половицом XIX вијека (1844–1853) // *Историјски часопис.* 1980. Књ. XXVII. С. 156.

⁹⁷ *Екмеџич М.* Россия и народные движения на Балканах... С. 150.

3. Деятельность Сербского княжества в период спада и поражения революции в Австрии

Объем помощи княжества сербам Воеводины и степень участия сербских добровольцев в борьбе с венграми зависели от общей политической ситуации в Австрийской империи. В сентябре 1848 г. в Венгрию вторглись войска хорватского бана Елачича. В октябре вспыхнуло вскоре подавленное венское восстание. В ноябре к власти в Австрии пришло новое правительство князя Феликса Шварценберга, взявшее курс на подготовку нового похода против революционной Венгрии. В середине декабря императорская армия Виндишгреца вступила на ее территорию. Все эти события привели к активизации деятельности Сербии в Южной Венгрии.

И. Гарашанин пришел к выводу, что Австрия еще достаточно сильна и воевать против нее равносильно самоубийству. Хотя он много раз писал своим соратникам, что венский двор хочет обмануть сербов, что ему нужна только их помощь, сербский министр все же решил сделать ставку на совместное подавление венгерской революции. На такую позицию Гарашанина повлияло и упорное нежелание венгерских руководителей пойти на предоставление воеводинским сербам национальных прав и территориально-политической автономии⁹⁸.

В декабре 1848 г. Г.И. Данилевский сообщил о наступлении венгерской армии генерала Киша на Панчево и больших разрушениях в этом городе после двухчасового артиллерийского обстрела. Венграм противостояли отряды австрийских сербов и добровольцев из княжества во главе с Кничанином. В этом же сообщении консул вновь упоминал о сражавшихся в венгерской армии поляках. Данилевский доносил также, что поляки обосновались в Земуне и превратили его в центральный пункт своей пропаганды. Между ними под чужим именем находился и известный впоследствии русский анархист М.А. Бакунин⁹⁹.

В конце 1848 – начале 1849 г. Сербия уже совершенно открыто отправляла в Воеводину своих вооруженных добровольцев. В результате С. Петрович-Кничанин собрал под своим началом около 10 000 человек, а ему самому сербским правительством был пожа-

⁹⁸ *Савковић Ј.* Српски покрет 1848–49. године у преписци Илије Гарашанина // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1955. № 10. С. 136–140.

⁹⁹ *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века. М., 2002. С. 138–139, 142.

лован титул воеводы (до него такой титул имел только Т. Вучич-Перишич за подавление Катанского бунта)¹⁰⁰.

Но все же призыв добровольцев был относительно невелик. Для сербов княжества это было совсем не то же самое, что защищать свою родину. М. Экмечич пишет, что «серб отдавал жизнь за свою Сербию, так как на первом месте тут был его кусочек свободной земли в его собственности, в то время как крестьянин на габсбургской стороне – всегда феодальный крепостной или пролетарий на чужой земле»¹⁰¹. Кроме того, главным врагом для сербов все еще оставался «неверный турок». Сербов гораздо легче было поднять на борьбу за полное изгнание турок из княжества и за освобождение других «турецких сербов», чем на борьбу в Южной Венгрии¹⁰².

В ноябре 1848 г. сербским добровольцам было передано из княжества 4 700 ружей¹⁰³. В связи с этим правительство Сербии обратилось к России с просьбой заказать 10 000 кремневых ружей в Туле, чтобы восполнить «недостаток в вооружении собственного своего внутреннего ополчения». Царское правительство согласилось. Но так как выпуск кремневых ружей в России был уже прекращен, было решено отпустить Сербии 3000 таких ружей из киевского арсенала бесплатно и 7000 – из московского арсенала по заводской цене. Разрешение на передачу оружия было дано вследствие примерного поведения Александра Карагеоргиевича «среди затруднений нынешней эпохи» и из-за сообщений Данилевского об «отличном расположении к нему сербского правительства»¹⁰⁴.

В начале декабря сербское руководство выделило своим добровольцам в Воеводине 20 тыс. дукатов. Вопрос о выделении этих денег долго дебатировался в сербских верхах, пока Австрия не пообещала возместить все расходы княжества после окончания войны. Для связи между Сербией и Воеводиной к патриарху Раячичу часто ездили С. Симич и С. Стефанович-Тенка. В свою очередь Раячич регулярно бывал в Белграде¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Павловић Д. Србија и српски покрет... С. 103.

¹⁰¹ Екмечич М. Дуго кретање... С. 204.

¹⁰² Ađićić D. Tajna politika Srbije... S. 54.

¹⁰³ Павловић Д. Србија и српски покрет... С. 93.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1837–1854. Д. 4. Л. 41–41об.; там же. Ф. Отчеты МИД 1848. Л. 366–367; Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 403–404.

¹⁰⁵ Павловић Д. Србија и српски покрет... С. 121–124; Страњковић Д. Влада уставобранитеља 1842–1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932. С. 283.

Но после того как Кничанин со своим войском одержал ряд побед и освободил часть Воеводины, сербское правительство вдруг приказало всем добровольцам возвращаться домой. Это было связано с позицией Австрии, которая, посчитав свои успехи в Венгрии окончательными и боясь усиления славянского элемента в империи, стала опять выступать за прекращение помощи княжества воеводинским сербам. Австрийский посол в Константинополе Штюрмер и консул Майерхофер в Белграде обвинили Сербию в замыслах взбунтовать всех славян в Габсбургской монархии и всех христиан в Османской империи. В феврале 1849 г. турецкие власти также категорически потребовали у Сербии прекратить всякую помощь австрийским сербам и сохранять строжайший нейтралитет.

Протестовавший против отзыва добровольцев Кничанин был готов жаловаться в Вене, что в свою очередь вызвало резкую отповедь Гарашанина. Он считал, что таким поступком воевода лишь повредит народному делу. Пусть, писал Гарашанин, австрийский император и его окружение знают, «что вы народу сербскому помогали, а не ему, и если он свою пользу в этом нашел, то пусть припишет это воле случая, а не вашему намерению»¹⁰⁶.

Тогда же сербское правительство отказало Раяичичу в помощи при разработке воеводинской конституции, хотя Петрониевич уже составил ее проект, предусматривавший нечто среднее между сербским государственным управлением и устройством, еще существовавшим на Военной Границе. На запрос патриарха, который к членам комиссии, работавшей над конституцией, просил добавить еще людей из княжества, Петрониевич ответил, что сербское правительство по политическим причинам не может участвовать в этом деле¹⁰⁷.

Однако положение опять резко изменилось. Венгерская армия предприняла наступление в Банате, которое привело вооруженные силы воеводинских сербов в критическое состояние. В этот период Гарашанин оставил мысли о примирении с венграми и окончательно пришел к заключению о необходимости полной военной победы над ними. Он и дальше притворялся перед Фабром и Быстжонов-

¹⁰⁶ Павловић Д. Србија и српски покрет... С. 121–124; Преписка... С. 370.

¹⁰⁷ См.: Савковић Ј. Нацрт устава за Војводину Српску 1849. године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1956. № 13–14. С. 159; Гавриловић С. Нацрт устава Војводине од Аврама Петронијевића (1849) // Летопис Матице српске. 1958. Март. С. 263.

ским, что заинтересован в мирных переговорах с венграми, но делал все, чтобы эти переговоры не состоялись¹⁰⁸.

Ухудшение военного положения воеводинских сербов повлекло за собой их массовую миграцию в Сербию. А вскоре по просьбе Раячича, хотя открыто сербских добровольцев правительство княжества уже не посылало, самому Кничанину было разрешено вернуться для продолжения борьбы¹⁰⁹.

Когда в апреле 1849 г. Гарашанин узнал, что Быстжоновский пытается склонить Кничанина к мирным переговорам, он рекомендовал воеводе не доверять обманным действиям польского полковника, которого назвал врагом сербов. «Война с венграми и ничто другое, – подчеркивал сербский министр, – может сербство от них освободить»¹¹⁰. После того как венгры провозгласили отделение от Австрии и свержение династии Габсбургов, Гарашанин заявил, что из-за этого легкомысленного поступка Венгрия приобретет еще больше врагов. Он был уверен, что независимая Венгрия не имеет шансов на долгую жизнь¹¹¹.

Посылая свои военные силы в Венгрию, австрийское правительство полагало, что само сумеет быстро подавить революцию. В январе министерство Шварценберга сообщило царскому посланнику в Вене графу П.И. Медему, что «действия русских войск в пределах Австрийской империи оно считало бы более вредными, чем полезными». Но в связи с военными успехами венгров позиция Австрии изменилась. Уже в марте Медем доносил, что Шварценберг, говоря о неудачах в военных операциях против венгров, усиленных особенно поляками, просил сосредоточить русские войска на границах Буковины и Галиции, «чтоб в случае нужды они могли действовать заодно с австрийцами против мятежников». Через несколько дней Шварценберг добавлял, что Трансильвания превратилась в революционное гнездо, что движение там «направляется поляками». Он уже прямо просил о вступлении туда русской армии¹¹².

Тогда же главнокомандующий британской армией А. Веллингтон говорил российскому посланнику в Англии барону Бруннову, что

¹⁰⁸ Вучковић В. Рад француских представника... С. 154.

¹⁰⁹ Ристић Ј. Спољашњи одношаји Србије новијега времена. Књ. I. Београд, 1922. С. 57–58; Павловић Д. Србија и српски покрет... С. 135.

¹¹⁰ Преписка... С. 380, 402, 409.

¹¹¹ Савковић Ј. Српски покрет... С. 136.

¹¹² Соловьев С.М. Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 годов // Русская старина. 1877. Т. 20. Кн. XI. С. 425.

для Австрии настало время покончить с Венгрией. «Если у нее нет для этого средств, пусть просит их у вашего государя. Но надобно, чтоб эти средства были достаточными»¹¹³.

Условия спасения Австрии были согласованы в марте-апреле 1849 г. Николай I потребовал, чтобы: 1) русские войска были достаточно многочисленными и 2) они действовали отдельно от австрийских вооруженных сил¹¹⁴. В мае состоялось свидание российского и австрийского императоров в Варшаве, а через несколько дней после него 100-тысячная армия фельдмаршала И.Ф. Паскевича вторглась в собственно Венгрию, а 40-тысячная группировка войск генералов А.Н. Лидерса и М.М. Гротенгельма – в Трансильванию.

Известие об обращении Австрии за помощью к России заставило венгерское руководство более активно искать мира с сербами Воеводины и поддерживавшими их сербами княжества. Однако предложение действовавшего в Воеводине венгерского генерала М. Перцеля о заключении с сербами почетного мира на приемлемых для них условиях не нашло должного понимания со стороны Л. Кошута. В своем письме в мае 1849 г. венгерский лидер отверг

Илл. 29. Павел Иванович Медем

идею территориальной автономии для воеводинских сербов. «У Хорватии, – высокомерно писал Кошут, – может быть бан, она может иметь провинциальное собрание, ибо имеется хорватская территория, но не может быть сербского воеводства, сербского провинциального собрания, ибо в Венгрии нет Сербии...»¹¹⁵

Все же письмо Перцеля о перемирии было через турецкого коменданта Белградской крепости передано сербскому руководству, которое, однако, решило на него не отвечать. После этого в мае 1849 г. в Белград от имени Перцеля дважды приезжал все тот

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ История Венгрии. Т. II. М., 1972. С. 170–171.

же Быстжоновский. Он вел переговоры с Гарашанином, которому в обмен на помощь княжества в сохранении венгерского независимого государства обещал поддержку Венгрии в создании «старого сербского царства». Быстжоновский обещал также 10 млн форинтов и 50 тыс. вспомогательных войск для борьбы с Османской империей. Однако и эти переговоры, как и визит в Белград другого представителя Перцеля, некоего Ракоци, закончились безрезультатно¹¹⁶.

Наконец, в конце мая в Белграде провел переговоры с Гарашанином граф Д. Андраши, который был назначен венгерским дипломатическим представителем в Турции и ехал к новому месту службы. В этих переговорах принимал участие и французский консул М. Лемперани. В основном Андраши говорил сербскому министру о необходимости общего антиавстрийского союза. Он также в общих чертах обещал пойти на уступки воеводинским сербам. За это сербское правительство должно было снова отозвать из Воеводины Кничанина. В целом же Андраши обещал намного меньше Быстжоновского¹¹⁷.

Неискренность в этих переговорах была взаимной. Гарашанин говорил, что разрешил переход добровольцев только для того, чтобы помешать воеводинским сербам искать поддержку в России. Когда же руководство в народном движении захватили Майерхофер и Елачич, он отдал приказ о запрещении этого перехода. На самом же деле сербский министр шел на переговоры с Андраши главным образом для того, чтобы выиграть время для Кничанина, дать ему возможность лучше распределить свои силы. Андраши как будто бы верил в приверженность Гарашанина идее союза с венграми, но тут же добавлял, что, давая ему обещания, нужно помнить о том, что в случае победы венгры смогут от них отказаться, а в случае поражения эти обещания вообще потеряют какое-либо значение¹¹⁸.

Илл. 30. Иван Федорович
Паскевич

¹¹⁶ *Страњаковић Д.* Држање Србије према Аустрији и Мађарима 1848–49 // Југословенски историјски часопис. 1935. Св. 3–4. С. 414–416.

¹¹⁷ Там же. С. 417–418.

¹¹⁸ Там же; *Вучковић В.* Рад француских представника... С. 155.

В июне 1849 г. в Белград с нарочным офицером было доставлено письмо от Николая I и орден Белого орла для Александра Карагеоргиевича. Русские награды – ордена Св. Анны 2-й степени – получили и другие сербские руководители: Стоян Симич, Стефан Стефанович-Тенка, Илия Гарашанин, Стеван Петрович-Кничанин, Аврам Петрониевич. Отмечалось, что они удостоены знаков отличия за то, что по совету российского консульства «заблаговременно приняли должные меры предосторожности, чтобы оградить свою отчизну от соблазна соседних смятений, и если они приняли участие в судьбе австрийских славян, то умели соблюсти в сем деле все благоразумие, какого требовали обстоятельства»¹¹⁹.

Но все же в Петербурге, как и в Вене, с подозрением отнеслись к той активности, какую проявили в годы революции сторонники южнославянского объединения из тайного общества и польские эмигранты. В мае 1849 г. К.В. Нессельроде сообщал директору Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявину: «Долгом поставляю препроводить депешу графа Медема, из коей вы усмотреть изволите, что генерал-майор Данилевский, по болезни своей, не может заниматься отправлением своей должности и что злоумышленники воспользовались этим обстоятельством для вредных своих замыслов»¹²⁰. Царское правительство пришло к выводу, что Данилевский многое недоглядел, вел себя слишком пассивно, считало, что российское консульство должно расширить и активизировать свою деятельность.

Австрийское правительство также наградило сербских лидеров. Гарашанин писал по этому поводу Александру Карагеоргиевичу, что не может принять орден Железной короны от Франца Иосифа, так как тогда его помощь воеводинским сербам будет неверно понята. «Мне бы не хотелось, – разъяснял сербский министр в другом письме, – чтобы Австрия хоть на мгновение подумала, что я для нее столько старался»¹²¹.

Отказ министра маленькой полунезависимой страны от ордена, которым его наградила мощная соседняя империя, был, конечно, мужественным и принципиальным поступком, которому не так легко найти прецедент. И то, что Гарашанин, в отличие от австрийской награды, российский орден принять согласился, показывает,

¹¹⁹ Переписка... С. 416; АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1849. Л. 237–238; Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 412–413.

¹²⁰ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 134.

¹²¹ Переписка... С. 378; *Страњаковић Д.* Држање Србије... С. 409.

что при изначальном неприятии он все-таки делал существенную разницу между этими двумя державами.

Гарашанин переживал за «бедный и невинный сербский народ», которого «наказывают за грехи всего мира». Д. Агичич пишет, что как раз эта мысль отчетливо проходит через всю сербскую историю. Однако «Гарашанин, иначе говоря, забыл тот важный факт, что этот “бедный и невинный сербский народ” в Южную Венгрию перебежал, на самом деле, от турок из Сербии только сто пятьдесят лет назад, поселился на чужой земле и нашел на ней убежище от неволи. Вместо того чтобы пожать протянутую руку и жить с новыми соседями в мире и добрососедстве, сербы начали требовать много больше того, что могли получить»¹²².

Во-первых, ничего такого уж сверхъестественного сербы не требовали. А во-вторых – извечный вопрос, сколько нужно прожить на какой-либо территории, чтобы она перестала быть «чужой землей»? Три поколения, пять, еще больше? Как известно, славяне заселили Паннонскую равнину в VI в., по пути проникновения на Балканы. Во время этого перемещения на Балканы переселились и хорватские племена. Затем в IX–X вв. в Паннонию переселились венгры, ассимилировав проживавших там славян. Затем туда, действительно, пришли сербы. В Европе невозможно, наверное, найти народ, который всю свою историю прожил на одном месте. Представлять сербов каким-то неблагодарным исключением среди других народов абсолютно беспочвенно. И, наконец, в любом случае сербы имели полное право сопротивляться насильственной мадьяризации¹²³, что и было главной причиной их участия в революционных событиях.

Как известно, вмешательство России предопределило разгром венгерской революции. Окончательному ее подавлению способствовали позиции всех великих держав. Франция не выразила протест против действий русской армии, а английское правительство устами Пальмерстона заявило, что «если бы Австрии не было, то нужно было бы ее создать»¹²⁴.

Революционные события 1848–1849 гг. в Европе не захватили, кроме Валахии, балканские владения Османской империи. Автономная Сербия в силу ее отсталости, унаследованной от многовекового турецкого ига, и раздробленности сербских земель стояла

¹²² Agičić D. *Tajna politika Srbije...* S. 55–56.

¹²³ См. подробнее: *Крестич В.* Срби у Угарској. С. 67–71.

¹²⁴ *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 41.

перед решением совсем других задач. В самой Сербии лишь малочисленная либерально настроенная молодежь проявила некоторую активность в Белграде и во время работы Петровской скупщины в Крагуеваце. На предотвращение революции в Сербском княжестве были направлены усилия как самого режима уставохранителей, так и дипломатий всех великих держав.

В то же время революция в Австрии привела к активизации внешнеполитической деятельности Сербского княжества. На первый план выдвигался сербский вопрос, вопрос оказания помощи сербам в Южной Венгрии. Впервые сама еще не до конца освободившаяся Сербия «вышла из узкого круга турецкого суверенитета и русского покровительства», что открыло новую страницу в истории ее внешней политики¹²⁵.

Однако в результате нежелания венгерских руководителей идти на компромиссы фактический руководитель сербской политики этого времени И. Гарашанин вопреки своей воле был вынужден способствовать сохранению монархии Габсбургов. По иронии судьбы именно ее он считал главным врагом славянских народов. И, действительно, «Габсбургская империя терпела поражения в Западной Европе и единственное оправдание существования искала в территориальной компенсации на Балканах»¹²⁶, что имело для сербов самые негативные последствия.

Единственное, что сербы получили от участия в Венгерской войне, – создание в самом конце 1849 г. «Воеводства Сербии и Тамишского Баната». Срем был разделен с хорватами, а территория Воеводины, за которую сербы пролили столько крови, перешла в руки венского двора. В созданной Воеводине проживало 321 000 сербов, 397 000 румын, 335 000 немцев, 221 000 венгров. Титул воеводы получил австрийский император, а его наместником стал генерал Майерхофер. «Сербское воеводство было создано, чтобы по требованию России исполнить некоторые из обещаний, данных сербам, когда требовалось спасти с их помощью империю от гибели», – пишет Экмечич и называет Воеводину «самым кислым плодом революции». «Сербь в этом воеводстве были не как в своем доме», – заключает он¹²⁷.

¹²⁵ Поповић Р.Ј. Аврам Петронијевић. С. 211.

¹²⁶ Экмечич М. Дуго кретање... С. 256.

¹²⁷ Там же. С. 254–255; Чиркович С.М. История сербов. М., 2009. С. 250–251.

Тем не менее, остается фактом, что «в конечном итоге за признание Воеводины нужно благодарить русских дипломатов, приложивших для этого усилия». Русская дипломатия пыталась добиться и более широких автономных прав для сербов Венгрии, в частности, чтобы «воеводинские сербы были признаны конституционной нацией в монархии»¹²⁸. Однако австрийское правительство было против, и раскол сербов на почти две равные части продолжился.

И все же сербы в Воеводине получили зачатки государственности, наряду с Сербским княжеством и Черногорией. Но это были именно ростки государственности, предстояла еще длительная борьба, часто с переменным успехом. Между тремя сербскими образованиями имелись очень существенные различия. Приведем в этой связи важное наблюдение классика сербской историографии, известного историка-медиевиста, академика Симы Чирковича. Он писал: «Развитие Черногории проходило параллельно, но в других государственно-правовых рамках, что приводило к формированию специфического самосознания... наряду с сербской самоидентификацией... Остальным сербам, проживающим прежде всего в Австрии, была уготована роль расходного материала в процессе формирования венгерской “политической нации”. Пробные шаги в этом направлении были сделаны в 1848 г., а полным ходом процесс пошел... в результате установления системы дуализма... Вся энергия и политическая активность сербского населения были направлены на сопротивление мадьяризации... Таким образом, пока одна часть сербов занималась внутренним обустройством и расширением границ своего национального государства, другая, создавая и развивая институты гражданского общества, всеми силами противилась ассимиляторской политике чужого национального государства. Различный подход к государству и гражданскому обществу станет частью менталитета и будет долго сказываться даже после того, как исчезнут разделяющие сербский народ государственные границы»¹²⁹.

При активном участии в сербском национальном движении в Воеводине главным с точки зрения объединительной политики для Гарашанина все же оставалась деятельность в европейских владениях Турции. Впервые в эти годы Сербское княжество, используя боязнь Порты революционного взрыва на Балканах, предприняло конкретные шаги по объединению сербских земель, первоначаль-

¹²⁸ Экмечич М. Россия и народные движения на Балканах... С. 170.

¹²⁹ Чиркович С.М. История сербов. С. 269.

но под верховной властью султана. Вопрос о присоединении Воеводины к Сербии возник как эпизод, причем инициатива больше исходила от австрийских сербов, чем от сербского правительства. Руководство княжества в основном выступало лишь за союз австрийских славян между собой. Однако Турция не желала идти ни на какие существенные уступки.

И именно в этот период Гарашанин начал разочаровываться в сформулированной еще в «Начертании» идее решения национальных задач сербского народа мирным легитимным путем, исходя из «добрых намерений» многовекового поработителя. Впрочем, сербский деятель никогда не был догматиком – как в плане методов достижения поставленной цели, так и в отношении внешних покровителей. И.С. Достян справедливо отмечала, что «Илия Гарашанин был не столько теоретиком и мыслителем, сколько государственным деятелем, способным последовательно и упорно добиваться реализации своих внешнеполитических задач, а при необходимости приспособиться к новым условиям и изменить тактику. Это в полной мере обнаружилось во второй половине 40-х гг. и особенно после начала революции 1848 г.»¹³⁰.

Трудно согласиться с М. Экмечичем, считающим, что в годы революции общее разделение на «табор реакции» и «табор демократии» ощущалось и в сербском правительстве. Наряду с крылом под руководством Т. Вучича-Перишича существовал и блок, который представлял И. Гарашанин. Эти два крыла в сербском правительстве, по мнению историка, имели и свои внешнеполитические продолжения – консервативное имело опору в России, в то время как гарашанинское либеральное течение пыталось использовать поддержку Франции и даже частично европейской революционной демократии¹³¹. На наш взгляд, даже условное причисление Гарашанина и его соратников к «табору демократии» и «либеральному течению» неправомерно. Скорее можно сказать, что он не принадлежал ни к одному из «таборов», а оставался целиком сконцентрированным на решении сербского вопроса, пытаясь использовать при этом в качестве союзников то одни, то другие силы – те, которые сулили ему наибольший успех в данной конкретной обстановке.

¹³⁰ Достян И.С. Укрепление государственности Сербии и Черногории... С. 96.

¹³¹ Экмечич М. Стварање Југославије. 1790–1918. Т. 1. Београд, 1989. С. 574–575.

**ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОГО ЭТАПА
РЕАЛИЗАЦИИ «НАЧЕРТАНИЯ»
(1849–1853 гг.)**

1. Сербия после революции 1848–1849 гг.

Контрреволюционная волна, захлестнувшая европейские страны после подавления революции, накрыла и Сербию. В княжестве, по воспоминаниям современника, «политика была совершенно отделена от общественной жизни»¹. Еще в начале 1849 г. за «своевольство» был временно закрыт Белградский лицей. Осенью того же года князь Александр Карагеоргиевич по совету нового российского консула Д.С. Лёвшина² издал указ, запрещавший посылать сербскую молодежь для получения образования за границу, кроме России³. Резко усилилась цензура. Единственная газета, симпатизировавшая либеральным настроениям, – «Шумадинка» Любомира Ненадовича – была запрещена в августе 1850 г.⁴

В июне 1851 г. на ежегодном заседании «Дружины сербской молодежи» С. Чирич, П. Протич-Соколянин, В. Йованович и др. критиковали правительство и требовали буржуазных прав и свобод. Обвинив Австрию и Турцию в угнетении славянских народов, они говорили о необходимости борьбы за освобождение всех сер-

¹ *Страњаковић Д.* Успомене и доживљаји Димитрија Мариновића. 1846–1869. Београд, 1939. С. 161; Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е годы XIX века: документы российского МИД. М., 2013. С. 410.

² Лёвшин Дмитрий Сергеевич (1801–1871), генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления польской восстания 1830–1831 гг. В 1849 г. произведен в генерал-майоры и отправлен генеральным консулом в Белград. Попечитель Харьковского учебного округа (1858–1863), попечитель московского учебного округа (1863–1867). См.: Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 412; Москва – Сербия. Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Белград; М., 2011. С. 542.

³ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 97–98.

⁴ См.: *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 108; *Ђелица М.* Борба за слободу штампе у Кнежевини Србији // Историјски часопис. 1977. Књ. XXIV. С. 194.

Илл. 31. Дмитрий
Сергеевич Лёвшин

бов из-под «турецкого рабства». Такая позиция либерально настроенной молодежи вызвала протесты австрийского консула, вследствие чего министерство просвещения по поручению Совета запретило эту организацию⁵.

Завершившаяся революция невольно повлияла на дальнейшую «европеизацию» Сербии. Во время революции произошел широкий обмен между турецкими и австрийскими сербами: сначала сербские добровольцы отправились в Воеводину, затем после ряда чувствительных поражений

в боях с венграми многие сербы из Австрии бежали за Саву и Дунай и осели в княжестве, прежде всего в Белграде. Оценки количества сербских беженцев, вынужденных искать убежище в княжестве, значительно разнятся. В. Крестич приводит цифры от 30 000 до 200 000 человек. Попутно он отмечает вклад беженцев в пробуждение и укрепление национального сознания у турецких сербов. Под влиянием беженцев жители княжества стали также быстрее отказываться от турецких обычаев⁶.

И действительно, процесс освобождения от турецкого наследства под влиянием тесных контактов с австрийскими сербами пошел в княжестве значительно быстрее. Нагляднее всего это было заметно по одежде, манера одеваться по-турецки стала уходить в историю⁷. Раньше европейскую одежду, по свидетельству современника, носили только Аврам Петрониевич, Илия Гарашанин и известный литератор и политический деятель Лазар Арсениевич-Баталака⁸. По другим данным, И. Гарашанин начал носить европейское платье только после революции или даже после посещения

⁵ Радевић М. «Дружина младежи србске» (1847–1851) // Историјски часопис. 1979. Књ. XXV–XXVI. С. 137–138.

⁶ Крестич В. Срби у Угарској 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 227, 229.

⁷ В смене одежды существовал и своего рода переходный период, когда в сербских верхах распространение получила военная и чиновничья униформа. См.: Jovanović N. Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). Drugo izdanje. Beograd, 2011. S. 163–164.

⁸ Марковић П.Ј., Стојановић Д., Ристовић М., Перишић М., Јовановић М. У немирним годинама // Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 2. 1842–1850. Београд, 2004. С. 20.

им Парижа в 1852 г., когда ему уже было 40 лет⁹. Петрониевич же, наоборот, носил «швабскую одежду» в начале карьеры, а позже стал своими манерами все больше подражать туркам¹⁰.

В целом же турецкая одежда до революции была массовым явлением. А Тома Вучич, Стеван Кничанин, Стоян Симич и ряд других сербских старейшин и после революции 1848–1849 гг. упорно придерживались старой манеры одеваться. Это вызвало посолдафонски неуместное обращение нового российского консула Д.С. Лёвшина к членам Совета с предложением не носить больше турецкие фески. Оно натолкнулось на возмущение высокопоставленных сербских сановников, не желавших менять устоявшийся образ жизни и отказываться от привычных головных уборов. Советники были справедливо недовольны вмешательством России в их внутренние дела даже по такому сугубо частному случаю¹¹.

Женская одежда также оказалась консервативной: «княгиня Персида и большинство белградских дам продолжали носить народную одежду». В то же время дочери князя уже пытались, хотя и не всегда успешно, одеваться «по последней парижской моде». Вся эта кутерьма вокруг одежды, попытки подражать Западу со стороны выглядели иногда довольно нелепо. Учитель княжеских детей чех В. Габлер в 1852 г. заключил, что не нужно ожидать бог знает какой пользы, если Сербия в своем стремлении к западной цивилизации начнет «все больше обезьянничать и губить свой народный характер». Тогда же другой чех, Ф. Зах, отмечал, что западная одежда на сербах смотрится смешно, особенно ношение французских фраков и перчаток без французской элегантности. Он уподобил сербов пляшущему медведю и писал, что они слепо копируют иностранные обычаи, пренебрегая своими¹².

Разумеется, «европеизация» Сербии заключалась не только в смене одежды. Осуществлялись меры по введению в стране правопорядка. В 1844 г., одновременно с «Начертанием», был принят Гражданский законник княжества Сербского, «основанный преимущественно на австрийском кодексе законов, но включавший и

⁹ См.: *Лушић Р.* Илија Гарашанин (1812–1874) // *Лушић Р.* Србија 19. века. Београд, 1994. С. 188.

¹⁰ *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. 1791–1852. Београд, 2012. С. 22, 38.

¹¹ *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века. М., 2002. С. 131; *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. С. 270.

¹² *Jovanović N.* Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). S. 166–167.

элементы народного сербского права». В законнике закреплялись права на частную собственность «как полную и ничем не ограниченную». Был основан верховный (конституционный) суд, принят закон о судопроизводстве. За время правления уставобранителей вырос новый социальный слой – чиновничество, который власти пытались сделать привилегированным. «Чиновники освобождались от налогов, им было увеличено жалованье, даны пенсии»¹³.

Таким образом, произошла «реорганизация еще рудиментарных государственных организационных структур, и тем самым начался переход к современной бюрократической власти». Разрабатывались стабильные и определенные законом виды государственной деятельности с четко зафиксированными задачами. На место субъективных, основанных на личных связях и зависящих от милости вышестоящего начальника отношений стала приходить «объективная, построенная по нормативному принципу система руководства и подчинения, которая стала основой новой бюрократической власти»¹⁴.

С другой стороны, уставобранительский режим достаточно успешно подавлял появление в княжестве либеральных настроений, которые, несомненно, могли способствовать той же самой «европеизации» страны. Хотя отнюдь не либеральные настроения угрожали режиму. Гораздо более серьезную опасность представляла для руководства страны внутренняя оппозиция во главе с Т. Вучичем-Перишичем. Сербское правительство это понимало и неоднократно жаловалось на его деятельность царской дипломатии. Опасаясь, что оппозиция может вызвать в Сербии беспорядки, министерство иностранных дел России, посылая в Белград Лёвшина, приказало ему оказать на Вучича воздействие и стараться восстановить между старейшинами «доброе согласие»¹⁵.

Однако, приехав в Белград, Лёвшин не спешил выступать против лидера оппозиции. Если Данилевский в своем донесении в апреле 1849 г. предлагал даже вызвать Вучича в Константинополь и там его арестовать, то новый консул просил повременить со столь жест-

¹³ *Достян И.С.* Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820–1850-е гг.) // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 93.

¹⁴ *Зундхаусен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2008. С. 86–87.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1849. Л. 239об.–240.

кой мерой. По его мнению, она могла бы оказать «вместо полезного вредное влияние на положение дел в сем княжестве». Лёвшин считал, что и такая мера, как временное удаление лидера оппозиции из Сербии, «не только не принесла бы желаемой пользы, но, напротив, раздражив Вучича, усилила бы то влияние, которое он имеет на народ, ибо сей последний видел бы в нем невинного страдальца»¹⁶.

Кроме Вучича, руководство княжества все время опасалось деятельности Обреновичей. Весной 1850 г. оно снова «ожидало нападения вооруженных сил Милоша». Это было связано с тем, что Милош и Михаил Обреновичи в 1850–1851 гг. находились в своем имении в Валахии, в непосредственной близости от сербских границ¹⁷.

В такой обстановке уставобранители пошли на ужесточение репрессивных мер в отношении всех противников режима, введя в августе 1850 г. в употребление новый Сборник полицейских постановлений («Казнительный закон» и «Сербская уредба»). Сообщая об этом, замещавший одно время уехавшего на лечение Лёвшина секретарь консульства С.И. Попов¹⁸ писал, что «коренное намерение издателей помянутого сборника клонилось не столько к упрочению тишины и порядка в крае, сколько к приобретению под личиной законности тайного орудия к преследованию людей, коих они считают своими врагами, а именно: всех тех, которые известны или расположением своим к Вучичу, или приверженностью к бывшему князю Михаилу»¹⁹.

Однако и после этих мер сербское правительство не чувствовало себя спокойно. Через год Гарашанин по договоренности с князем Александром специальным распоряжением наделил особыми полномочиями находившегося в Крагуеваце Кничанина, который стал непосредственно отвечать за поддержание в стране существующего

¹⁶ Там же. Ф. ГА 1–9. 1840–1868. Д. 8 (а). Л. 269–269об.; там же. Ф. ГА–V–A2. 1849. Д. 231. Л. 84.

¹⁷ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља 1842–1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932. С. 142–144; *Историја српског народа*. Књ. V. Т. 1. Београд, 1981. С. 278–279.

¹⁸ Многолетний секретарь консульства, титулярный советник С.И. Попов был неординарной личностью. Мы согласны с Е.П. Кудрявцевой, которая пишет, что «дипломатические бумаги, которые выходили из-под его пера, говорят о нем как о человеке, обладавшем нестандартным мышлением и глубоким аналитическим умом» (*Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия... С. 157–158).

¹⁹ АВПРИ. Ф. ГА–V–A2. 1849. Д. 233. Л. 101–102.

режима. В этих целях Кничанину были выделены «часть регулярного войска, половина артиллерийской батареи и народ из окрестных округов». В случае возникновения беспорядков все окружные начальники получили приказ немедленно двигаться со своими силами к Кничанину и вставать под его командование²⁰.

Положение сербского правительства после революции 1848–1849 гг. заметно осложнилось еще и вследствие нового резкого ухудшения его отношений с Россией. Прежде всего на это вновь повлияли связи уставобранительского режима с польской эмиграцией.

Дело в том, что не успели еще закончиться революционные события, как возник вопрос о польских и венгерских эмигрантах, участвовавших в Венгерской войне. Они желали найти убежище в княжестве или получить разрешение на проход через сербскую территорию в Турцию. Вначале уставобранители были решительно против этого. На северных границах княжества Гарашанин предпринимал даже меры предосторожности против возможного вторжения отступавшей венгерской армии. В июле 1849 г. он писал Кничанину, что не был бы рад таким «гостям». Особые опасения у Гарашанина вызывало то, что, по его мнению, австрийские и русские войска могли, преследуя революционную армию, также вторгнуться в пределы княжества²¹.

В самой Сербии многие деятели выступали вообще за поголовное выселение из страны всех поляков-эмигрантов. Так, например, С. Херкалович в июне послал из Белграда в Земун, в выходящую там газету «Напредак», свою статью «Поляки». В ней говорилось, что большинство поляков воюют за венгров – самых злейших на тот момент сербских врагов. Сербь не против стремления венгров к свободе, но против того способа, каким они стремятся осуществить это желание. В заключение Херкалович предлагал выслать поляков из княжества, так как «на них пало подозрение в симпатиях и поддержке венгров»²².

Однако в августе 1849 г. позиция сербского правительства по вопросу о пропуске отступавшей революционной армии через Сер-

²⁰ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 136–137.

²¹ *Вучковић В.* Рад француских представника у Србији 1848–49 на измирењу Јужних Словена са Мађарима // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1956. № 13–14. С. 154; Преписка Илије Гарашанина. Књ. I. Београд, 1950. С. 435.

²² *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1957. С. 215–219.

бию под давлением Франции и Турции стала меняться. Гарашанин писал Кничанину, что сербы защищать венгров не будут, но не следует быть и палачами, а потому пусть венгры идут через территорию княжества, куда захотят²³.

Тогда же Петрониевич сообщил Лёвшину, что правительство Сербии, «побуждаемое чувством человеколюбия, полагает возможным дозволить будущим беглецам мадьярского войска, предварительно обезоруженным, пройти через Сербию и укрыться в Болгарии и других турецких провинциях». Российский консул резко отвечал, что, «когда русские войска заняты укрощением мятежников, всякое участие к сим со стороны Сербии было бы весьма неблагоприятно в глазах нашего правительства». Он опасался также, что остатки революционной армии, оказавшись в Болгарии, вызовут там волнения, которые в свою очередь могут перекинуться и на Сербское княжество²⁴.

Несмотря на противодействие Лёвшина, пропуск бойцов венгерской армии и польского легиона все-таки состоялся. Оценивая позже это решение своего правительства, Гарашанин писал, что хотя он и раньше противился влиянию Австрии и России, но теперь перешел уже в открытую оппозицию этим двум державам²⁵.

Кроме того, что сербские власти вопреки русским требованиям пропустили через свою территорию части революционной армии, в Белграде, где и так находилось тайное польское агентство, после разгрома революции нашли убежище десятки эмигрантов, и прежде всего те же поляки. Как правило, они служили во французском или английском консульствах в качестве секретарей и переводчиков²⁶.

Все это вызывало крайнюю подозрительность царского правительства. Д.С. Лёвшин, ознакомившись более детально с обстановкой в Сербии, пришел к выводу, что спокойствия в княжестве нет не из-за деятельности Вучича, поведение которого «продолжает быть совершенно удовлетворительно», а вследствие проживания там эмигрантов, в частности поляка Ленуара (Л. Зверковского). Консул сообщал, что этот «тайный агент партии Чарторыйского» внушает сербам недоверие к России, что он «пользуется благосклонностью

²³ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 129; Преписка... С. 442.

²⁴ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 85–86.

²⁵ *Раденић А.* Светоандрејска скупштина. Београд, 1964. С. 187.

²⁶ *Попов Н.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. Ч. II, М., 1869. С. 310.

и даже некоторого рода покровительством турок». Лёвшин писал также о его связях с Гарашанином, «который сначала тщательно скрывал сношения свои с Лёнуаром», а после стал объяснять их тем, что польский агент нужен ему лишь для получения сведений из Турции и других стран. Но характер действий сербского министра «довольно резко отзывался учением и советами Лёнуара»²⁷.

Ухудшению русско-сербских отношений способствовал и инцидент в июне 1850 г., когда служащего английского консульства – выходца из Боснии – белградские полицейские «наказали палочными ударами» по доносу одной женщины. Узнав об этом, консул Великобритании Т. Фонбланк был взбешен. Он «приказал снять флаг и герб со здания консульства» и в письменном виде объявил сербскому правительству о прекращении с ним дипломатических отношений. После извинений сербских властей отношения были вскоре восстановлены.

Желая загладить неприятное событие, князь Александр послал английскому послу в Константинополе Ч. Стрэтфорду-Каннингу раболепно-подобострастное письмо, в котором после «изъявлений радости о счастливом окончании случившегося недоразумения» почтительно писал, что сербское правительство «желает всегда в полной мере заслуживать благоволение могущественной Великобритании, которая благословением Божиим поставлена для управления всемирными делами и которая находится в великой дружбе с высоким двором Турецкой империи, коей наша провинция составляет дополнительную часть»²⁸.

Тогда же сербское правительство постановило считать Т. Фонбланка старшим среди других консулов по долговременности пребывания его в должности²⁹, следуя общепринятому в Европе правилу. Об этом решении было сообщено в официальной белградской газете. Лёвшин доносил, что, «воспользовавшись таковым поощрением, г-н Фонбланк с некоторого времени изменил свой прежний скромный образ поведения» и стал давать сербам враждебные России советы. Российский консул заявил князю Александру протест, в котором

²⁷ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1850. Д. 231. Л. 2–4, 6, 54–55; Преписка... С. 450; Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 415, 418–419, 425–426.

²⁸ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1850. Д. 233. Л. 113; там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1850. Д. 836. Л. 163–163об., 183.

²⁹ К тому времени Т.Г. Фонбланк находился в Сербии уже более десяти лет, всего же он проведет в этой стране восемнадцать лет.

подчеркнул необходимость учитывать исключительность положения дипломатов России как представителей покровительствующего двора. А деятельность Фонбланка он также посчитал результатом «коварных советов Лёнуара». Лёвшин писал, что консул Великобритании еще раньше поддерживал связь с польскими и венгерскими эмигрантами, «а во время войны с венгерцами принимал живое участие в беглецах и всех их снабдил английскими паспортами»³⁰.

С начала 1850 г. Лёвшин начал требовать от сербского правительства, чтобы оно через турецкие власти обратилось к посольству Франции с просьбой о высылке Лёнуара, имевшего французский паспорт. В феврале такое письмо за подписью князя Александра было послано в Константинополь, но ни Турция, ни Франция не желали поддаваться русскому давлению. Однако требование России было поддержано венским двором. Премьер-министр и министр иностранных дел Австрии Ф. Шварценберг обратился к французскому послу в Вене Э. Делякуру с жалобой на консула Франции в Белграде Геппа, который совместно с сербским правительством покровительствует проживающим в Сербии венграм и полякам «в их коварных происках, направленных против законного порядка в граничащих с княжеством австрийских владениях»³¹.

Российские дипломаты вновь подчеркивали связь поляков и венгерских перебежчиков с Гарашанином. Как доносил заменивший Лёвшина секретарь консульства С.И. Попов, именно этот сербский министр виноват в том, что «враги законного порядка... находят в Сербии благосклонный прием». По словам дипломата, Гарашанин получил «с давнего времени почти исключительное влияние на дела правительства». Кроме того, он «всем известен как тайный искатель княжеского достоинства... для осуществления своих замыслов... отчасти успел в своем старании, привлекая к себе, с одной стороны, значительную часть здешних второстепенных чиновников и окружных начальников, а с другой – всех проживающих в Белграде иностранных искателей приключений, включая в их число и польского агента Лёнуара»³².

«Некоторые данные заставляют меня думать, – сообщал также Попов, – что и братья Симичи находятся в союзе с попечителем

³⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1850. Д. 836. Л. 153об., 173, 178–180; там же. Ф. ГА V-A2. 1850. Д. 233. Л. 16.

³¹ Там же.

³² Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 437.

внутренних дел; они все трое показывают заочно одинаковое презрение к князю Карагеоргиевичу, видя в нем человека, коего нравственная ничтожность служит им преградой к достижению главной их цели, состоящей, во-первых, в окончательном истреблении приверженцев князя Михаила и Вучича и, наконец, в утверждении за Симичами права монополии коммерческой, а за Гарашанином – права располагать по своему произволу судьбою Сербии в отношении политическом»³³.

В конце концов Зверковский-Ленуар был все-таки выслан из Сербии. Но Лёвшин в мае 1851 г. опять доносил, что место бывшего в Сербии польского эмиссара занял другой поляк, который «известен под именем Душ» (имелся в виду Ф. Душинский. – К.Н.) и который также «питает злую ненависть к России». Как и в случае со Зверковским, российский консул заявил протест сербскому правительству. Оно было вынуждено обратиться через Николаевича к послу Сардинии в Константинополе с просьбой о высылке Душинского, имевшего сардинский паспорт³⁴.

Летом 1851 г., когда И. Гарашанин находился на лечении в Австрии, он в Вене был принят Ф. Шварценбергом. Встреча прошла прохладно. Премьер-министр Австрии спрашивал, почему Гарашанин отказался от австрийского ордена, и требовал высылки из княжества всех политических эмигрантов из венгров и поляков³⁵.

В сентябре 1851 г. по согласованию с австрийским консулом в Белграде полковником Теодором (Теей) Радосавлевичем высылки всех эмигрантов еще раз потребовал Д.С. Лёвшин. «Я нашел необходимым, – сообщал он, – снова выставить на вид сербскому правительству, сколь неприлично и вместе опасно для благосостояния Сербии пребывание в Белграде людей, везде стремящихся поколебать законный порядок и народное спокойствие». Правительство Сербии распорядилось, наконец, об их высылке и дало обещание «впредь не давать убежища подобным людям и по прибытии их сюда высылать немедленно». Вскоре из княжества было выслано 28 человек, в том числе и Ф. Душинский³⁶.

³³ Там же.

³⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1850. Д. 836. Л. 89об.; там же. Ф. ГА V-A2. 1851. Д. 234. Л. 21–22.

³⁵ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 165.

³⁶ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1851. Д. 234. Л. 32–33; там же. Ф. Отчеты МИД. 1851. Л. 43об.–44.

С его отъездом фактически прекратило свою деятельность основанное еще в 1843 г. тайное польское агентство в Белграде. Не имея возможности послать в княжество нового польского представителя, М. Чайковский пытался перепоручить дела агентства М. Бану, однако и это не имело успеха³⁷.

Любопытно, что у Д.С. Лёвшина установились довольно хорошие отношения с Ф. Захом (в отличие от других соратников Гарашанина). Еще в 1849 г. Зах в одном из писем называл российского консула человеком, игравшим в Сербии самую значительную роль и имевшим самое большое влияние на княжеский двор. Он описывал Лёвшина как очень разговорчивого, сердечного и на первый взгляд мягкого человека, который подчеркивал свою «русско-славянскую позицию». Однажды консул сразил Заха наповал, позвав его за стол и заговорив с ним «на чистом моравском языке»³⁸. Впрочем, Зах постепенно стал отходить от агентурных дел. В июне 1850 г. он был принят на сербскую службу и в чине капитана назначен начальником артиллерийской школы.

Борьба держав за влияние в Сербии, высылка польских эмигрантов по требованию России привели к новому инциденту, связанному с английским консулом Т. Фонбланком. Надо сказать, что за долгие годы, проведенные в Белграде, Фонбланк так и не привык к совершенно другому уровню культуры и менталитету жителей княжества, даже не выучил сербский язык. Он доносил о плохом управлении княжеством, которое кормится только с 1/3 своей плодородной земли, а имеет возможности прокормить пять миллионов жителей и вдобавок вывозить зерно и скот. По его мнению, улучшения не будет, если население не откажется от дикой жизни, наподобие жизни в России. Спасение же – в установлении внешне-

Илл. 32. Теодор Радосавлевич

³⁷ Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 95. С. 675.

³⁸ *Jovanović N. Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). S. 227.*

го просвещенного управления под общей защитой иностранных войск, не только австрийских и ни в коем случае не турецких.

Негативное отношение Фонбланка к Сербии и сербскому народу усугубили два обстоятельства. Во-первых, он заболел дизентерией, от которой лечился в Земуне, надолго покинув здание консульства. И, во-вторых, он выступал против помощи, оказываемой сербами княжества своим австрийским соплеменникам во время революции 1848–1849 гг., и даже хвалился, что помогал вождям венгерской революции, в том числе и Лайошу Кошуту, бежать от австрийцев через сербскую территорию³⁹.

Раздосадованный высылкой эмигрантов, Фонбланк в начале сентября 1851 г., в день рождения князя Александра, когда весь Белград был торжественно освещен, демонстративно запретил зажигать огни в здании своего консульства. Заметив это, белградские мальчишки выбили в окнах консульства несколько стекол. Фонбланк, находившийся у вернувшегося в Белград французского консула М. Лемперани, поспешил домой. Однако вблизи консульства «кто-то сзади бросил в него самого камень, который будто сильно ушиб ему плечо». На другой день, по приказу Фонбланка, флаг и герб с английского консульства были снова сняты. Рассказывая об этом происшествии, Лёвшин подчеркивал, что Фонбланк и Лемперани еще не посетили князя Александра с традиционными поздравлениями, «и одна из важнейших тому причин та, что упомянутые консулы раздражены изгнанием из Сербии польских и венгерских пропагандистов, коим они старались то прямо, то косвенно покровительствовать»⁴⁰.

Высылка эмигрантов была также негативно воспринята турецкими властями, увидевшими в этом акте усиление в Сербии русских и австрийских позиций. Чтобы лучше узнать о положении дел в княжестве, Порты вызвала в Константинополь премьер-министра Сербии А. Петрониевича. Князь Александр, со своей стороны, поручил ему вновь поставить перед Портой вопрос о признании за Карагеоргиевичами права на наследственную княжескую власть, а Гарашанин просил французскую дипломатию оказать Петрониевичу в турецкой столице всяческую поддержку⁴¹. Забегая вперед,

³⁹ Антвић Ч. Велика Британија, Србија и Кримски рат (1853–1856). Неутралност као независност. Београд, 2004. С. 5–10.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1851. Д. 834. Л. 36–38.

⁴¹ Там же.

можно сказать, что Александр Карагеоргиевич за время своего правления так и не добился берата о наследственной власти. Это значительно облегчило его противникам решение задачи смены правящей династии.

Как видим, Сербское княжество после революции 1848–1849 гг. стало ареной упорной борьбы за влияние в нем всех великих держав. Поводом к этой борьбе стал вопрос о польских и других эмигрантах. Боязнь нового революционного взрыва привела к тому, что Россия совместно с Австрией, оказывая жесткий нажим на уставобранительский режим, настояла на выселении из княжества враждебно относившихся к ней представителей польской эмиграции. Франция же и Великобритания поддерживали эмигрантов, рассчитывая с их помощью ослабить влияние первых двух держав. Симпатизировала эмигрантам и Порты.

2. «Устав политической пропаганды» на 1849/50 г.

Как упоминалось, в начале революции в Австрийскую империю из княжества выехало несколько членов «тайного демократического панславянского клуба»: М. Бан, П. Чавлович, С. Херкалович и др. Вместе с ними в агитационную поездку отправился Тома Ковачевич, посетивший также Боснию и Герцеговину. Вернувшись в Сербию, он еще в октябре 1848 г. предоставил князю Александру и Гарашанину специальный реферат об этой турецкой провинции. В нем предлагалось организовать в Боснии и Герцеговине и на границах с нею сербские агентства; собирать жалобы на все турецкие злодеяния, чтобы употребить их в подходящий момент; расселять беженцев из этой провинции в княжестве так, чтобы в любое время их можно было легко использовать. Предлагалось также создать особое агентство, которое бы руководило всей пропагандой на территории Боснии и Герцеговины⁴².

Одновременно Матия Бан предложил обратиться к традиционной на Балканах освободительной борьбе с помощью организации повстанческих отрядов – чет. Он перевел с польского и издал

⁴² *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама 1844–1858. године. Београд, 1936. С. 10–11; *Никић Д.* Босна 1848. године и држање Србије // *Историјски гласник.* 1982. № 1–2. С. 89–90.

на деньги самого князя Александра книгу «Правила четнической войны». На основе этого перевода Л. Иванович написал еще одну книгу – «Четничество и четническая война»⁴³. Интерес к подобной тематике являлся отражением того, что в целом в годы революции потерпел крах принцип туркофильской политики и расчета на «добровольные» уступки Порты⁴⁴.

В связи с разочарованием в прежних методах национальной политики, используя упомянутые реферат Ковачевича и труды по ведению четнической войны, а также уже почти пятилетний опыт предыдущей деятельности по реализации «Начертания», Й. Маринович, Т. Ковачевич и М. Бан приступили к написанию нового детального плана. Бан писал Петру II Петровичу-Негошу, что они сообща составляют план, который, когда он будет готов, пришлют и в Черногорию⁴⁵.

В марте 1849 г. новый тайный план, получивший название «Устав политической пропаганды, которую надо проводить в славяно-турецких землях», был написан и передан для одобрения И. Гарашанину. При этом Бан заявил, что Сербия должна всеми силами расширить свою территорию: она или станет крупным государством на Востоке, или погибнет. Без ведения пропаганды, говорил он, княжество не сможет ничего получить, а с ее помощью «получит все, притом наименьшей кровью и с меньшими затратами». Гарашанин одобрил «Устав политической пропаганды», предварительно показав его князю. По этому плану, рассчитанному на один год, следовало действовать с июня 1849 г. по май 1850 г.

Целью политической пропаганды провозглашалась подготовка и организация «всеобщего и одновременного восстания» против турок. Она должна была вестись из двух центров (белградского и дубровницкого) в следующих областях: Боснии, Герцеговине, Черногории, Южной Сербии, Новопазарском санджаке, горной Албании (где жили албанские католики-мирдиты), юго-западной Болгарии, Далмации и районах хорватско-славонской Военной Границы. Подчеркивалось, что все эти области составляют для пропаганды «одно не-

⁴³ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња... С. 98; Istorija Jugoslavije. Beograd, 1973. S. 256.

⁴⁴ См.: Дамянов С. Френско-руските противоречия на Балканите и денността на полската емиграция (1830–1848) // Исторически преглед. 1974. Кн. 1. С. 64.

⁴⁵ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња... С. 98.

делимое пространство», где, кроме небольшой горстки албанцев, цинцар и греков, живут исключительно сербские «единоплеменники». Вся территория пропаганды делилась на два «предела» – южный и северный. В южный входили Далмация, Герцеговина, Черногория и горная Албания, а в северный – хорватско-славонская Военная Граница, Босния, Новопазарский санджак, Южная Сербия и Юго-Западная Болгария. Пределы в свою очередь делились на части, части – на нахии, а нахии – на места (города и села).

При этом, можно было понять, что территория для восстания и потенциального объединения в одно государство вновь, как и в «Начертании», ограничивалась Боснией и Герцеговиной, Черногорией и Старой Сербией, а также выходом к морю через горную Албанию. В этом смысле цель для Гарашанина оставалась прежняя – создание жизнеспособного сербского государства. На этой же территории должна была вестись пропаганда из упомянутых австрийских югославянских областей – Далмации и Военной Границы.

Всю организацию по ведению пропаганды возглавляли И. Гарашанин («поглавар») и его заместитель Й. Маринович. Последний должен был первоначально рассматривать любой вопрос, связанный с политической пропагандой, а затем со своими заключениями передавать его Гарашанину. Пропаганду в южном пределе возглавлял М. Бан, в северном – Т. Ковачевич. Им подчинялись агенты, которых предполагалось иметь числом 12 человек. Руководители пределов, или «коловоджи», должны были по меньшей мере два раза в год объезжать свои территории, поддерживать связь с агентами, наставлять их, получать от них донесения об обстановке в их областях и т. д. В их ведении были также все денежные дела, выплата жалованья агентам и другим людям, помогавшим вести политическую пропаганду.

Агентам подчинялись «начальники», возглавлявшие деятельность организации в нахиях. Для связи с агентом начальник мог ис-

Илл. 33. Йован Маринович

пользовать специального посредника-курьера. Начальникам подчинялись кметы, занимавшиеся пропагандой на местах. В тех местах, где проживало смешанное христианско-мусульманское или православно-католическое население, предполагалось иметь по два кмета, разного вероисповедания. Специальная оговорка касалась боснийских францисканцев, которым было обещано сохранение их привилегий в составе расширенного сербского государства.

Большое внимание в «Уставе политической пропаганды» уделялось организации переписки между различными функционерами создаваемой организации. В целях конспирации переписка могла вестись только между непосредственными начальниками и подчиненными. Регулярность переписки устанавливалась не реже одного раза в месяц. Писать нужно было с использованием шифров, псевдонимов и т. п. Особо важные письма посылались только с нарочным.

Для подготовки восстания было необходимо разработать специальный военный план. Предполагалось создать два его варианта. Первый – общий, для всей территории, на которой велась пропаганда, и второй – для каждой области в отдельности. Подготовку общего плана следовало поручить специальному человеку, сведущему в этом деле. Планы для отдельных областей должны были готовить руководители тех пределов, куда эти области входили. Все планы надлежало затем представить для утверждения Гарашанину.

Вся политическая пропаганда велась за счет сербской казны. В целом на пропаганду предусматривалось выделение 3 400 талеров и 16 грошей. Деньги шли на зарплату функционерам тайной организации, на оплату их поездок и переписки. Деньги получали: М. Бан как руководитель южного предела – по потребностям (Т. Ковачевич получал зарплату как казначей военного отдела министерства внутренних дел), агенты – по 100 талеров или чуть больше, курьеры для связи между различными членами организации – по 120 талеров и т. д. Фактически агенты по ведению политической пропаганды по жалованью приравнивались к чиновникам княжества низшего разряда, получавшим в среднем по 130 талеров в год⁴⁶.

Повторим, что в «Уставе политической пропаганды» были отражены многие идеи, сформулированные еще в «Начертании», что показывает преемственность сербской внешнеполитической деятельности, направленной на решение национальных задач в тот период. Осуществить объединение сербских земель, как и раньше,

⁴⁶ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња... С. 98.

предполагалось путем простого включения их в состав княжества. Однако для национальных меньшинств – францисканцев в Боснии и албанцев-католиков (мирдитов) – предусматривалась своего рода национально-территориальная автономия. В «Уставе политической пропаганды», как и в «Начертании», ничего не говорилось о каких-либо общественно-экономических реформах на территориях, которые предстояло освободить от турецкой власти. Хотя это прямо не подчеркивалось, судя по всему, сохранялось и прежнее отношение к европейским державам.

В то же время «Устав политической пропаганды», несомненно, явился новым шагом в развитии сербской политической мысли. Прежде всего это касалось методов достижения поставленной цели. Если в «Начертании» расчет делался на получение постепенных «добровольных» уступок от Турции, то теперь стало ясно, что такими методами добиться успеха нереально. Курс был взят на подготовку вооруженного восстания против турок во главе с Сербским княжеством. Причем эта цель уже не откладывалась на неопределенное время, а становилась делом самого ближайшего будущего.

К концу мая 1850 г., как и предполагалось, организация по ведению пропаганды была создана практически во всех обозначенных областях. В северном пределе, которым из Белграда руководил Т. Ковачевич, было решено иметь семь агентств. Пять из них должны были действовать вдоль сербско-турецкой (соответственно – сербско-болгарской) границы и два – там, где хорватско-славонская Военная Граница примыкала к Боснии.

На Видинский пашалык деятельность направлялась из агентства, созданного в Гургусоваце (Княжеваце), которое возглавлял Хрисант Йованович, замененный позже как не справлявшийся со своими обязанностями. С помощью этого агентства было организовано шесть нахий с центрами в Видине, Ломе, Свиштове, Тырново, Габрово и Софии. Начальниками в этих нахиях были соответственно: архимандрит Иосиф Иоакимович, торговцы Дмитрие Попович и Апостол Койикович, учитель Енча Годорович, архимандрит Габровского монастыря и торговец Замфир Димитриевич⁴⁷.

На Нишский санджак пропаганда велась из агентства, созданного в Алексинаце (агент – неизвестен). Нахии были образованы там вокруг пяти городов. Их начальниками в Нише стали Митица Игнятович и Коджа Бояджия, в Пироте – Гога Ерменин, он же ис-

⁴⁷ Там же.

полнял обязанности начальника в Берковице, в Лесковаце начальник пропаганды – Коджа Йованович-Мумджия, и в Прокупле им был Стеван Бояджия⁴⁸.

Кроме функционеров организации по ведению политической пропаганды, известия о положении дел в Болгарии сербское правительство получало от издателей и продавцов книг на болгарском языке, печатавшихся в белградской типографии. Начавшаяся ранее издательская деятельность княжества продолжалась и в конце 1840-х – начале 1850-х годов. Особенную активность в ней проявлял приехавший в Белград в 1849 г. бывший болгарский учитель Хаджи Найденов. Он и другой издатель и продавец книг Пенчо Радов во избежание конкуренции разделили всю болгарскую территорию на две части. Первый продавал книги только в западной и южной Болгарии, второй – в северной. Но есть предположение, что это было сделано также по просьбе сербского правительства, которое хотело иметь сведения о положении дел из всех районов Болгарии. Тот же Радов два-три раза арестовывался турецкими властями, которые считали его агентом сербского правительства. Позже, когда Хрисант Йованович был смещен со своего поста руководителя пропаганды в Видинском пашалыке, он также занялся издательской деятельностью. Например, именно его стараниями была переведена на болгарский язык и напечатана книга Павла Шафарика⁴⁹.

Сербское правительство рассчитывало и на сотрудничество с болгарскими священниками, получившими богословское образование в княжестве. В конце августа 1851 г. первая их группа завершила обучение и уехала служить на родину⁵⁰.

Из агентства, организованного в Рашке (агент – неизвестен), политическая пропаганда велась на Старую Сербию. Там было создано семь нахий с центрами в Призрене, Джаковице, Пече, Бихоре, Нови-Пазаре, Вучитрне и Приштине. Их начальниками были: брат полицейского служащего Тоны Симича – в Призренской, Джаковицкой и Печской нахиях, монахи из Высоких Дечан Антим и Агтангел – в Бихорской и Васоевичевской нахиях, священник Михайло (Мияйло?) – в Новопазарской нахии, некий Максим (Цинчич?) –

⁴⁸ Там же; *Agičić D.* Tajna politika Srbije u XIX. stoljeću. Zagreb, 1994. S. 99.

⁴⁹ *Игњатовић Ђ.* Штампане бугарских књига и листова у српским штампаријама (1833–1878). Београд, 1980. С. 63–67, 70–72, 79.

⁵⁰ *Џамбазовски К.* Школовање бугарског народног свештеничког кадра у Кнежевини Србији // Балканика. 1971. II. С. 183–184.

в Вучитрнской нахии, торговец Васо Джорджевич из Приштины и Йоца Вучитрнац – в Приштинской и Гниланской нахиях⁵¹.

Два агентства, созданные на сербско-боснийской границе, вели политическую пропаганду на Боснию. Агентству в Ужице, которое возглавлял местный учитель Петр Маринович, подчинялись четыре нахии с центрами в Сребренице, Вишеграде, Рогатице и Власенице. Их возглавляли военный Михаило в Сребреницкой нахии, некий Сава – в Рогатицкой и Вишеградской нахиях и священник Илия в Нововарошской нахии.

Агентство в Шабаце, возглавлявшееся секретарем суда из Лозницы Йованом Милинковичем, вело пропаганду в междуречье Дрины, Спречи, Босны и Савы. Там было создано шесть нахий вокруг городов Биелина (начальник – Пера Селакович), Зворник (начальник – Тешо Югович), Тузла (начальник – Лако Еремич), Маглай (начальник – Ерко Еремич), Градацац (начальник неизвестен) и Брчко (начальник – священник Зария)⁵².

На хорватско-славонскую Военную Границу были посланы Ристо Богичевич и Лука Клаич с целью создать еще два агентства, в Славонски-Броде и Ясеноваце, для дальнейшей политической пропаганды на Боснию. Однако создать в этих районах пропагандистскую организацию в полном объеме не удалось⁵³. Но все же известно, что начальниками в бродском агентстве были назначены священник Йованович в Яйцеской нахии и Хаджи Томо Митрович в Банялукской нахии. В ясеновацком агентстве начальниками стали Койо Ковачевич в Бихачской нахии, Йово Чулибрк в Майданской нахии и некто Милич в Бекийской нахии⁵⁴.

Таким образом, из пограничных районов на Боснию вели пропаганду четыре агентства. В самой же Боснии еще со времени агитационной поездки Т. Ковачевича в 1848 г. были и другие сторонники тайной деятельности Сербского княжества: в Сараево – С. Райкович, в Травнике – С. Николаевич, в Баня-Луке – Т. Радулович. Кроме этого, велись переговоры об использовании в Баня-Луке уроженца этого города некоего Киянича, работавшего в то время наборщиком в типографии Л. Гая. Через католика Киянича предпо-

⁵¹ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 22; *Agičić D.* Tajna politika Srbije... S. 101.

⁵² *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 22–23.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Agičić D.* Tajna politika Srbije... S. 103.

лагалось вести пропаганду среди католического населения Боснии. Ковачевич характеризовал его как «довольно способного молодого человека и без какого-либо религиозного фанатизма»⁵⁵.

В южном пределе, как упоминалось, пропаганду возглавлял находившийся в своем родном Дубровнике М. Бан. В этом пределе по плану следовало иметь пять агентств: три – вдоль Адриатического побережья (в Которе, Дубровнике и Сплите), четвертое – на стыке далматинско-хорватско-турецкой границы и пятое – в Северной Албании⁵⁶.

Бан вместе с приданным ему в помощь в качестве курьера С. Верковичем приехал в Дубровник в июне 1849 г. Они должны были также привлечь к совместной деятельности в тайной организации черногорского владыку Петра II Петровича-Негоша. Вследствие этого Бан из Дубровника сразу же выехал в Цетинье, где передал владыке 2000 дукатов и сообщил об ожидаемом приезде в Черногорию вождя мирдитов Биб Доды. Переговоры между Баном и Негошем длились три дня, после чего черногорский владыка вновь согласился на сотрудничество с Сербией, а также передал письмо князю Александру, в котором благодарил за финансовую помощь и поддержку «наших братьев в Воеводине»⁵⁷.

Особенно владыку обрадовала возможность через посредство Сербии наладить дружеские отношения с мирдитами, с которыми черногорцы столетиями враждовали. «Разве это возможно? – воскликнул Негош. – Если бы Сербия для нас ничего больше, кроме этого, не сделала, черногорцы были бы вечно благодарны»⁵⁸

В Северной Албании агентом организации по ведению политической пропаганды был назначен католический священник Гаспар Краснич, уже хорошо известный в тайной организации. Он специально приезжал в Белград летом 1849 г. для встречи с Гарашанином. Вернувшись домой, Краснич послал сербскому министру обширное письмо, в котором писал, что горный край, где живут мирдиты, «был бы непобедим по своему положению, если бы только природа снабдила его достаточным количеством продовольствия». Мирдиты, подчеркивал Краснич, – храбрые и воинственные, у них есть

⁵⁵ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 10–11; *Никић Д.* Указ. соч. С. 89–90.

⁵⁶ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 14.

⁵⁷ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 101–103.

⁵⁸ *Agićić D.* Tajna politika Srbije... S. 88.

и оружие, но из-за крайней нищеты нет возможности купить порох и кремни. Он также установил связь с капитаном большого албанского племени спачи⁵⁹.

Красничи объехал все североалбанские земли и, оставив за себя в качестве представителя пропагандистской организации священника из города Каливаре, прибыл в Скадар. Там пропагандистской деятельностью занимался Йован Милич. Другой агент – скадарский купец Георгие Бошкович – из-за подозрений турецких властей был вынужден перебраться в Котор. В Скадаре Красничи подключил к пропагандистской деятельности также главу католиков этого города – Домазена. Для себя и Домазена он просил у сербского правительства денег на нужды «общего дела». Однако именно из-за этих денег Красничи повздорил с руководителем пропаганды в южном пределе М. Баном. Чтобы в будущем избежать подобных конфликтов, последний предложил Гарашанину поддерживать связь с албанскими представителями не через него, а через владыку Петра II Негоша. Но, кроме того, связь с албанскими католиками осуществлялась и через входивший в северный предел пропаганды Новопазарский санджак (Старую Сербию)⁶⁰.

Осенью 1849 г. Бан докладывал Гарашанину о созданных им агентствах. В Дубровнике агентом стал местный протоиерей Джордже Николаевич. На далматинско-хорватско-турецкой границе Бан по совету Ковачевича хотел назначить агентом Крсто Кулишича, но побоялся его горячности и назначил вместо него Калинича. А чтобы не обижать Кулишича, Бан просил сербское правительство наградить его и Спиро Крстича за старые заслуги.

Наконец, в декабре 1849 г. Бан сообщил, что 11 человек из Герцеговины и 5 из входившей в северный предел Боснии вступили в тайную организацию и дали клятву на верность ему и Николаевичу. Чуть позже подобную клятву дали еще 3 человека из Герцеговины и 18 из Боснии. Таким образом, заключал Бан, вся сеть агентств установлена. Тогда же он сообщил о заключении союза между черногорцами и мирдитами и о том, что через Верко-

⁵⁹ *Страњаковић Д.* Арбанија и Србија у XIX веку // Српски књижевни гласник. 1937. Књ. 52. Бр. 8. С. 629–630; *он же.* Илија Гарашанин. Крагујевац, 2005. С. 314.

⁶⁰ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 23–24; *Стојанчевић В.* Политика Србије према Албанији у 19 веку. Прилог познавању српско-арбанашких веза пријатељства у периоду од 1844 до 1875. године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1968. № 49. С. 10–11.

вича передал Негошу 3000 дукатов (из которых одна тысяча была предназначена для Красничи)⁶¹.

В Герцеговине связь с деятелями организации по ведению политической пропаганды поддерживали также православный священник Й. Памучина и писарь Л. Стефанович из Мостара⁶². Продолжались попытки привлечь на сторону Сербского княжества мусульманскую знать, сепаратистски настроенную по отношению к центральному правительству. (Это предлагали еще Т. Ковачевич и М. Бан во время своих агитационных поездок в 1848 г.) Так, Негош сообщал в Белград, что у него есть договоренность с герцеговинским «везиром» Стойчевичем, имевшим под началом 30 тыс. вооруженных людей. «Добавьте моих как минимум 15 тысяч и 5 тысяч из Далмации, – писал черногорский владыка, – и мы самое меньшее располагаем 50 тысячами»⁶³.

В декабре 1849 г., как и было договорено, в Цетинье приезжал мирдтский вождь Биб Дода, который согласовал с митрополитом Петром II Петровичем-Негошем план совместной борьбы против турок. Ради более быстрой коммуникации Гарашанин просил черногорского владыку поддерживать связи с албанцами и передавать им необходимые напутствия и советы⁶⁴. Надо сказать, что Гарашанин и Негош постоянно переписывались, и в рамках этой переписки между ними установились «сердечные и дружеские отношения». Однако увидеться им так и не удалось, хотя Негош и мечтал о такой встрече. Он писал, что ему есть о чем поговорить с сербским руководителем, и самому Гарашанину такая встреча была бы полезна⁶⁵.

Таким образом, в установленный срок задачи по реализации «Устава политической пропаганды» были в основном выполнены. Везде, на обширной территории, охватывавшей Боснию и Герцеговину, Черногорию, Старую Сербию, часть Болгарии, часть Далмации и хорватско-славонскую Военную Границу, у руководителя сербской национальной политики находились свои агенты, создавшие разветвленную тайную организацию и начавшие подготовку к восстанию против векового врага.

⁶¹ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 25; *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 112.

⁶² *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 10–11.

⁶³ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 112.

⁶⁴ *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин. С. 314.

⁶⁵ Там же. С. 337–338.

И все же, полагает М. Экмечич, сербская революционная организация больше испугала австрийские власти, чем успела что-то учинить на турецких землях. Очень быстро в Вене узнали о сербских приготовлениях и предприняли контрмеры. Австрийской властью была создана сеть консульской службы в Боснии и Герцеговине и в Северной Албании – районах, наиболее важных для государства Габсбургов. Генеральное консульство из Травника было перемещено в Сараево. Кроме него, вице-консульства и консульские агентства были созданы в Баня-Луке, Тузле, Ливно, Нови-Пазаре, а чуть позже – в Мостаре, Требинье и Брчко. Для противодействия сербской революционной организации выделялась сумма в 100 000 форинтов, а позже – по 20 000 форинтов ежегодно⁶⁶.

3. «Устав политической пропаганды» на 1850/51 г.

Первый «Устав политической пропаганды» был принят во время революции, когда Гарашанин и его соратники пришли к выводу, что настал подходящий момент для реализации национальных задач. Теперь же было ясно, что революция закончилась, и ждать насильственной перекройки карты Балкан уже не приходилось. Все великие державы выступали за сохранение целостности Османской империи и подозрительно относились к любой антитурецкой активности Сербии. Само княжество испытывало большие трудности, связанные с наличием сильной внутренней и внешней оппозиции, с непрекращавшимся давлением держав, в том числе и в связи с вопросом о польских эмигрантах. В этой обстановке Гарашанин был вынужден проявлять большую осторожность и сдержанность.

Когда задачи первого года ведения политической пропаганды были уже фактически выполнены, руководитель южного предела М. Бан в марте 1850 г. был неожиданно отозван в Белград. Его деятельность вызвала подозрения австрийских властей. Пытаясь защититься от обвинений, Бан хотел даже принять австрийское подданство, но Гарашанин посчитал лучшим вариантом его отзыв из Дубровника. Более того, Бану было приказано распустить все созданные им агентства и всех завербованных в тайную организацию людей, а Негошу посо-

⁶⁶ *Экмечич М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2008. С. 261.

ветовать ждать более подходящего момента. Этот приказ Гарашанин мотивировал тем, что великие «державы решили мир утвердить и сохранить» и не поднимать в этот момент Восточный вопрос.

Бан довел до сведения Петра II Негоша и своих агентов гарашанинское решение, но, уезжая в Белград, под свою ответственность оставил все же продолжать работать семь человек. Он объяснил Гарашанину, что неразумно сразу рвать «все нити», ибо никто не знает, что может произойти в ближайшее время. Бан просил также отправить его обратно в Далмацию, чтобы с помощью типографии Негоша «распространять там народные книги и развивать народное сознание». Однако Гарашанин его не отпустил, и вскоре Бан стал преподавателем французского языка в белградском лицее⁶⁷.

Все же, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, Т. Ковачевич разработал на следующий 1850/51 год новый «Устав политической пропаганды, которую надо проводить в славяно-турецких землях». Принципиально он ничем не отличался от первого, хотя в него и были внесены некоторые изменения. В мае 1850 г. новый план был передан Гарашанину, который его утвердил.

Ковачевич убедил своего руководителя, что обстоятельства могут измениться (об этом говорил и Зах), и «Европа окажется втянутой в войну». Нельзя быть такими же неподготовленными, как в 1848 г. Ковачевич рассчитывал также на намерение Порты провести некоторые внутренние реформы в своих христианских провинциях. Эти реформы, по его мнению, в связи с их непоследовательностью и половинчатостью, вполне вероятно, могут вызвать «недовольство, многочисленные бунты, может быть, и гражданскую войну».

В «Уставе политической пропаганды» на 1850/51 г. было уже определено время, к которому следовало разработать специальный военный план восстания против турок. Руководители северного и южного пределов должны были предоставить свои планы до 1 декабря 1850 г. Затем составитель общего плана обработал бы эти документы, затребовав от агентов необходимые ему дополнительные сведения. Агенты должны были собрать их до конца февраля 1851 г., и, таким образом, общий план мог бы быть готов к концу второго года ведения политической пропаганды.

Главными задачами по второму «Уставу политической пропаганды» были: 1) там, где пропаганда уже организована, добиваться доверия у местного населения, обещая ему скорое освобождение от

⁶⁷ Дурковић-Јакшић Љ. Србијанско-црногорска сарадња... С. 109–112.

турецкого ярма; 2) организовать пропагандистскую работу там, где она еще не велась; 3) подготавливать все необходимые средства для восстания; 4) привлекать к ведению пропаганды новых людей. Руководителем северного предела остался Тома Ковачевич, а на место М. Бана был назначен Джордже Николаевич. Количество агентов по второму «Уставу» в южном пределе должен был определить его новый руководитель. В северном пределе, где все в основном оставалось по-старому, только в Боснии (в Тузле и Травнике) было добавлено два агента-католика – францисканцы Блаж Йосич и Иво Франьо Юкич. Они должны были стараться преодолеть недоверие, существовавшее между католическим и сербским православным населением.

По второму «Уставу политической пропаганды» агенты, каждый в своей нахии, должны были подготовить вооруженную чету для будущих действий. В целях конспирации всех агентов, которые действовали из княжества, было решено сделать сербскими пограничными чиновниками. На второй год на пропаганду предусматривалось выделить из сербского государственного бюджета 2 053 талера, почти на треть меньше, чем на первый.

Данных о деятельности по второму «Уставу политической пропаганды» сохранилось мало. Возможно, одной из причин этого была более строгая конспирация. Все письма уничтожались после прочтения. О пропагандистской работе знал весьма ограниченный круг лиц в сербском руководстве. Эту деятельность скрывали не только от Порты и европейских держав, но и от непосвященных членов сербского правительства⁶⁸.

В Видинском пашалыке смещенному ранее Х. Йовановичу была найдена замена в лице крагуевацкого экспедитора Вучко Джорджевича. В Старой Сербии Ковачевич предложил в помощь тамошнему агенту придать еще и полицейского служащего Тону Симича⁶⁹.

В Нишском санджаке весной 1850 г. турецкими властями был раскрыт заговор по подготовке восстания четой из 12 человек во главе со Станко Бояджия. Эта чета была связана с укрывшимися ранее в Сербии другими болгарскими патриотами: С. Чавдаром, К. Чавкой, К. Марковым, Т. Треандафиловым⁷⁰. Возможно, что Станко Бояджия

⁶⁸ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда... С. 17–18, 20–21, 26–27, 29.

⁶⁹ Там же. С. 30–31.

⁷⁰ *Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952. С. 199–200; *Стојанчевић В.* Јужнословенски народи у Османском царству од Једренског мира 1829 до Париског конгреса 1856. године. Београд, 1971. С. 252–253.

был связан и с гарашанинской тайной организацией. Агентами этой организации, как упоминалось, были: в Прокупле – Стеван Бояджия, а в Нише – Коджа Бояджия. Возможно также, что выступление, которое готовила чета Станко Бояджия, должно было стать составной частью вспыхнувшего вскоре, в июне 1850 г., крестьянского восстания в Видинском пашалыке.

Сербия официально от него отреклась и не поддержала, хотя участники Видинского восстания обращались к ней с просьбами о помощи оружием и боеприпасами, а одно время были даже готовы присоединить к княжеству взбунтовавшиеся нахии. Однако уставобранители не желали обострения отношений с Портой. Они также опасались, что Видинское восстание использует Т. Вучич-Перишич для возвращения к власти в Сербии династии Обреновичей, и советовали болгарам вместо вооруженной борьбы пойти с турками на переговоры. Восстание было быстро подавлено. Многие болгары с семьями пытались скрыться в Сербии от зверств турок⁷¹.

Уставобранители и в этом случае не пожелали из-за болгар портить отношения с Турцией. Русский дипломат С.И. Попов сообщал из Белграда, что сербское правительство «отправило одного из членов Совета, по имени Лешанин, на болгарскую границу, уполномочив его в случае натиска бегущих христиан принять надлежащие меры к их задержанию и обезоруживанию». Сербское руководство обратилось также к видинскому паше с просьбой отправить и с турецкой стороны к границе специального поверенного, которому Лешанин мог бы передавать «всех перебежчиков, им задержанных»⁷².

Во второй год ведения политической пропаганды в Сараево отправились Алекса Шушкалович и Тодор Миушкович⁷³. В этот период в Боснии также отмечался рост крестьянских волнений. Они были связаны с борьбой местных мусульманских феодалов против реформ центрального правительства, разрушавших их традиционную автономию. Депутация сербского православного населения еще в конце 1849 г. приезжала в Белград узнать мнение сербского

⁷¹ Стојанчевић В. Јужнословенски народи... С. 2, 45; Екмечић М. Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844–1853) // Историјски часопис. 1980. Књ. XXVII. С. 156.

⁷² АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1850. Д. 233. Л. 66.

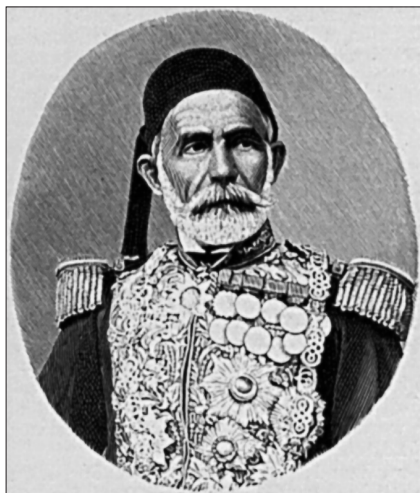
⁷³ Поповић В. Аграрно питање у Босни и турски нереди за време реформног режима Абдул-Меџида (1839–1861). Београд, 1949. С. 126.

правительства по поводу своего участия в этом движении. Гарашанин убеждал боснийских сербов в том, что их положение «нисколько бы не улучшилось через присоединение к врагам султановской власти» и что «лучше ожидать со смирением улучшения своей участи от благоприятных обстоятельств»⁷⁴.

На подавление сепаратистских сил в Боснию был направлен Омер-паша Латас («потурченец» Михаило Латас), один из самых способных турецких полководцев того времени, разгромивший до этого Видинское восстание. Действия Омер-паши решили поддержать христианское население, которому он обещал облегчение положения. И на самом деле христиане получили возможность иметь свои школы, и с 1851 г. в Сараево существовал специальный фонд сербских школ. Но когда боснийские мусульмане были разбиты, Омер-паша начал гонения и на христиан, обвинив их в том, что они хотят восстать против турок и объединиться с сербами, черногорцами и хорватами⁷⁵.

Одной из задач Омер-паши было уничтожение в Боснии сети сербской тайной организации. Был арестован талантливый францисканский писатель Франьо Юкич, после чего часть этой организации была действительно ликвидирована⁷⁶.

Как и болгарам, сербское руководство не оказало боснийским сербам никакой поддержки. С.И. Попов доносил в начале июня 1850 г., что «ни в здешнем правительстве, ни в народе не заметно малейшего желания вмешиваться – хотя бы самым косвенным образом – в затруднительные дела Боснии». В самом конце того же

Илл. 34. Омер-паша Латас

⁷⁴ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1849. Д. 231. Л. 95–95об.

⁷⁵ Стојанчевић В. Јужнословенски народи... С. 257–268, 294; Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М., 1975. С. 340.

⁷⁶ Екмечић М. Дуго кретање... С. 262–263.

года правительство княжества, несмотря на собственные финансовые трудности, выделило Порте заем в 15 000 червонцев «для содержания боснийских войск»⁷⁷.

Таким образом, хотя в «Уставах политической пропаганды» и провозглашался курс на всеобщее восстание против турок, в реальной политике Сербского княжества это не нашло никакого выражения. Уставобранители, в том числе и Гарашанин, отказались от поддержки антитурецких крестьянских восстаний, стихийно вспыхивавших в соседних областях.

Причиной этому была не только боязнь преждевременного ухудшения отношений с Портой. Консервативный в вопросах внутренней политики режим уставобранителей не доверял народным массам. Вследствие этого, отказом от взаимодействия с крестьянскими движениями, от какого-либо решения аграрного вопроса в освобождаемых от турок областях (об этом ничего не говорилось в обоих «Уставах»), уставобранители лишали себя главного союзника в борьбе с Османской империей⁷⁸. Они уже забыли, что совсем недавно именно двумя крестьянскими восстаниями и решением аграрного вопроса была завоевана сербская автономия в Белградском пашалыке.

Кроме того, решение аграрного вопроса было невозможно из-за желания привлечь на свою сторону мусульманскую знать Боснии и Герцеговины. Этот курс, берущий свое начало еще от «Начертания» и продолженный в «Уставах политической пропаганды», хотя и отражал религиозную толерантность сербских заговорщиков, был, по-видимому, ошибочным. В отличие от католиков-францисканцев, сотрудничества с мусульманами в Боснии фактически не получилось.

В южном пределе в герцеговинский город Мостар по заданию Гарашанина приехал и стал работать учителем Иван Стоянчевич. В Македонию в качестве агента пропагандистской организации был послан Степан Веркович. Продолжались связи с албанскими католиками. В конце 1850 г. к мирдитам ездил тот же С. Веркович. В 1850 и 1851 гг. в Сербию приезжал родственник мирдитского вождя Биб Доды – Марк Проклеш. Он говорил, что мирдиты «в состоянии до 2 000 воинов в любое время князю и сербскому прави-

⁷⁷ АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1846–1862. Д. 6. Л. 260–260об.; там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1850. Д. 836. Л. 187об.

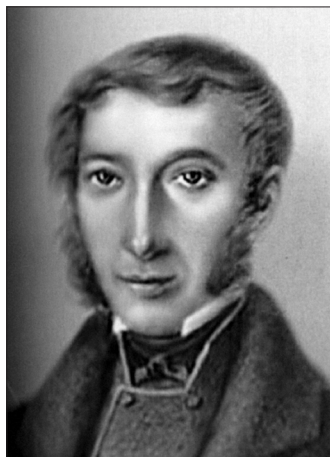
⁷⁸ См.: *Екмечић М.* Национална политика Србије према Босни и Херцеговини и аграрно питање (1844–1875) // *Годишњак Друштва историчара Босне и Херцеговине.* 1959. X. С. 203–204, 213, 215, 217.

тельству послать, если в этом будет необходимость»⁷⁹.

Кстати сказать, тогда же к новому российскому консулу в Белграде Ф.А. Туманскому⁸⁰ приезжали монахи Дечанского монастыря с просьбой основать консульство России в Скадаре для защиты сербского православного населения в Северной Албании. Интересно, что они даже предложили на пост консула собственную кандидатуру – скадарского купца Г. Бошковица⁸¹. Это был не кто иной, как упоминавшийся ранее агент политической пропаганды Гараганина в Скадаре.

В 1850 г. в Сербском княжестве вновь проявился интерес к проблеме получения выхода к Адриатическому морю. Как и раньше, многие в сербском руководстве выступали за получение от Порты права на торговый путь через Рашку и Северную Албанию, вплоть до Скадара и Улциня. Дважды за этот вариант в белградской прессе опять высказывался Александр Васоевич. Он писал, что торговый путь необходим для развития экономики княжества, что Петрониевич уже беседовал на эту тему с представителями турецкого правительства.

Однако против этого, по-видимому, официального варианта выступил вернувшийся в Белград бывший руководитель южного предела пропаганды Матия Бан. Он предложил стремиться к получению выхода к морю через Боснию и Герцеговину и турецкую Далмацию, так как в первую очередь Сербия должна заботиться о политических

Илл. 35. Федор Антонович
Туманский

⁷⁹ Поповић В. Аграрно питање у Босни... С. 126; Пенушлиски К. Почетници акцији на српската политична пропаганда во Македонија // Гласник на Институтот за национална историја. 1959. III–I. С. 206; Стојанчевић В. Политика Србије према Албанији... С. 10.

⁸⁰ Туманский Федор Антонович (1799 или 1800–1853), дипломат, поэт, друг А.С. Пушкина. Занимал должность российского консула в Яссах, в начале 1852 г. назначен генеральным консулом в Белград, где и скончался от инфаркта 5 июля 1853 г. См.: Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 449; Москва – Сербия. Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. С. 723.

⁸¹ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852–1871. Д. 13. Ч. I. Л. 1–2.

интересах (чего не предусматривал первый вариант). Бан утверждал, что в Боснии и Герцеговине проживает «исключительно сербский народ»; что эти земли нужно экономически и политически привязать к Сербии; что путь через эти земли был бы более безопасным, в то время как путь через Северную Албанию Турция в любой момент могла бы использовать для нападения на княжество⁸².

В 1851 г., развивая свои идеи, Бан писал Гарашанину, что для организации торговли на Адриатическом побережье больше всего подходит Суторина⁸³. Торговый путь через Герцеговину уже существует до Требинье, объяснял он, а оттуда до Суторины «не более часа езды». Этот путь гораздо короче, чем через Старую Сербию, и совершенно безопасный. Некоторые считают, что путь через Герцеговину представлял бы угрозу для Черногории, однако и замышляемый ранее путь проходил бы вблизи ее границ, только с другой, скадарской стороны. Некоторые в организации торгового пути видят необходимость оказывать политическое влияние на Старую Сербию. Но, по мнению Бана, она и так никуда не денется, а Босния и Герцеговина с трех сторон окружена Австрией, все больше распространяющей на эту провинцию свое влияние. И вообще путь через Герцеговину обеспечит Сербии доминирующее влияние на всем «сербском приморье»⁸⁴.

По данным Д. Страняковича, в это время, помимо путей через Улцинь или Суторину, существовал еще и третий путь, также через далматинское побережье, через городок Клек к северу от Дубровника. Однако Гарашанин все же отдавал предпочтение выходу к морю через Улцинь⁸⁵.

Тогда же Александр Карагеоргиевич тайно, без уведомления сербского правительства, послал М. Йокича с миссией в Констан-

⁸² *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 83–84, 86.

⁸³ Суторина – поселок на побережье Адриатического моря между городком Игало и полуостровом Превлака. Исторически вместе с прилегающей территорией принадлежал герцеговинскому округу Требинье. В 1947 г. был передан от Боснии и Герцеговины Черногории. Интересно, что много лет спустя, во время боснийской войны 1992–1995 гг., руководство Республики Сербской почти в этом же месте, только с другой стороны от полуострова Превлака, рассчитывало получить выход к Адриатическому морю и даже договаривалось об обмене территориями с Ф. Туджманом, отдавая за часть безжизненного хорватского побережья соразмерный участок плодородной земли в Поповом Поле.

⁸⁴ Архив Србије. Ф. Илија Гарашанин. Д. 783. Л. 1–2.

⁸⁵ *Страняковић Д.* Илија Гарашанин. С. 329.

тинополь, Париж и Лондон. Сербский эмиссар имел задание вновь поставить перед Портой вопрос о наследственной власти (этим же занимался и находившийся уже в турецкой столице А. Петрониевич). Во Франции же и Великобритании Йокичу следовало говорить о необходимости для Сербии торгового пути к Адриатическому морю. Речь, вероятно, шла об официальном проекте – через Рашку, Северную Албанию, Скадар и Улцинь.

Однако миссия Йокича окончилась безрезультатно. Более того, сербское правительство, недовольное сепаратными действиями князя, понизило его посланника в должности. Указ об этом был вынужден подписать сам Александр Карагеоргиевич. Возможно, решающее влияние на такую позицию руководства Сербии оказал Т. Вучич, позиции которого опять усилились вследствие отсутствия в стране Петрониевича и находившегося на лечении в Австрии Гарашанина. Обиженный Йокич обрушился с резкими нападками в адрес князя и правительства и в конце концов угодил в тюрьму. Оттуда он угрожал разгласить некоторые факты, могущие якобы скомпрометировать Александра Карагеоргиевича и руководство Сербии в глазах России. После этого, по письменному ходатайству Гарашанина из Австрии, Йокич был освобожден⁸⁶.

В целом, несмотря на определенную активность, можно говорить о несомненном спаде и даже затухании освободительной деятельности Сербского княжества уже со времени реализации второго «Устава политической пропаганды», принятого на 1850/51 год.

Эта деятельность встретила резкое противодействие австрийской дипломатии. В Вене с 1850 г. знали, что Сербия занимается политической пропагандой в соседних областях, и считали, что ее целью является создание «одного великого царства» южных славян из турецких и австрийских земель⁸⁷.

Со своей стороны и сербы отмечали активизацию деятельности австрийской дипломатии среди народов Боснии и Герцеговины, особенно католиков. Гарашанин писал Кничанину, что «швабы уперлись глазами в Боснию» и уже начинают говорить о тамошнем народе «как наполовину своем. Они усиленно плетут там козни, и среди глупых турок у них может получиться»⁸⁸.

⁸⁶ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 135–136.

⁸⁷ *Екмечић М.* Српско-бугарски односи... С. 156.

⁸⁸ *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин. С. 386.

М. Экмечич отмечает, что смертельными врагами сербских планов по подготовке борьбы за независимость были, естественно, турецкое правительство и боснийские мусульманские землевладельцы. Но все же главными противниками сербов стали не враги, а друзья. Работа сети сербской организации была приостановлена из-за давления России, хотя организация и так не выдержала исторических испытаний социальными волнениями в Боснии и Герцеговине⁸⁹.

Трудно сказать, насколько именно давление России в этот период оказалось решающим. Тот же Экмечич, как упоминалось, считает, что тайная сербская организация прежде всего испугала австрийские власти. Хотя, разумеется, подобная деятельность не могла в то время найти одобрение и в России. Вопрос о том, знали ли в Петербурге о «Начертании» и других тайных планах, остается открытым. Но о сформулированных в этом документе идеях в Петербурге в общих чертах знали.

Российский консул, генерал Д.С. Лёвшин, окончательно покидая по состоянию здоровья дипломатический пост в Сербии, послал 26 октября 1851 г. обширное донесение в Азиатский департамент, в котором писал, что за время своего консульства он убедился во враждебности сербского правительства к покровительствующей державе. Это, по его мнению, началось с тех пор, как правительство России не захотело поддержать уставохранителей во время правления князя Михаила и мятежа Вучича. Придя к власти, уставохранители стремились настроить народ против России, поколебать или даже совершенно уничтожить его преданность ей. Таковую политику сербское правительство «всегда старалось прикрыть уверениями в преданности к России», так как сознавало свою слабость в борьбе «против постепенно усиливающихся приверженцев Обреновичей и против всех прочих недовольных, кои предполагают Вучича главой своей».

«В отношении духа и направления, – считал Лёвшин, – положение дел в Сербии остается весьма неудовлетворительным». В самом правительстве существует группа, руководимая Гарашанином, которая распространяет «идею о полной самостоятельности Сербии, о ее соединении с прочими южными славянами» и представляет Российскую империю как «державу, стремящуюся поработить сербов и подавить всякое стремление с их стороны к развитию своей национальности». Но сербский народ «сохранил до сих пор чувство преданности и полного доверия к России» и уверен, что судьба его от нее зависит.

⁸⁹ *Экмечич М. Дуго кретање... С. 263.*

Недружественную России политику сербского правительства Лёвшин объяснял поддержкой Турции; «коварными наущениями и происками» польских эмигрантов, находящихся с Гарашанином в тайной связи; а также участием добровольцев из княжества в военных действиях в Воеводине, «ибо участие сие не было принято с целью поспособить водворению в Австрии законного порядка и утверждению монархической власти, а чтобы в случае неудачи австрийцев отделить от мадьяр славянские племена и таким образом осуществить любимую идею о составлении южного славянского государства».

Кроме этого, сообщал консул, Гарашанин назначил начальником отдела в министерстве иностранных дел «своего приверженца некоего Мариновича, молодого человека, воспитанного в Париже и совершенно зараженного враждебными идеями польской пропаганды». Этот Маринович служит для связей с английским и французским консулами, «которых он по наущению Гарашанина уверяет в особенной преданности сербского правительства»⁹⁰.

Каким путем Лёвшин собрал такого рода сведения, остается неясным. Они могли быть плодом его собственных наблюдений, а возможно, были получены от австрийского консула, который, судя по всему, лучше был осведомлен о тайной деятельности гарашанинской организации.

На основе этих сведений в Отчете МИД России за 1851 год говорилось, что ситуация в стране оставалась спокойной, несмотря на «окружающие ее раздоры», уменьшилось также «прежнее раздражение между партиями». «Между ними партия старейшины Вучича, возбуждавшая прежде основательные опасения, ныне отличается пристойным и правильным поведением своим... Главою другой партии, более вредной по духу и направлению, должно считать попечителя внутренних дел Гарашанина, питающего втайне враждебные чувства к России и оказывающего явное покровительство несбыточным лжеучениям новейших времен. К сожалению, он имеет влияние на князя Карагеоргиевича... Действительно должно полагать, что он, оказывая потворство направлению Гарашанина и иностранных агентов, поступает более по слабости, нежели по убеждению... Не менее предыдущего вопроса заслуживали особенного внимания императорского кабинета непрерывные козни агентов революционной пропаганды. С одной стороны, попыт-

⁹⁰ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1840–1868. Д. 8 (а). Л. 324–335; Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 443–448.

ки христианского народонаселения в Боснии и Болгарии должны были сделать впечатление на умы сербского народа, а с другой, польские выходцы и эмиссары других земель, коим Оттоманская Порта по преследуемой ею ложной системе открывает у себя убежище, прилагают все старания к распространению и в Сербии пагубных начал Запада»⁹¹.

Таким образом, отношение царского правительства к Гарашанину кардинально изменилось. Еще несколько лет назад барон Ливен писал, что «управляющий ведомством внутренних дел Гарашанин – человек умеренный и очень способный». Теперь же сербский министр не только превратился в главного врага, но и оказался человеком, «совершенно ослепленным честолюбием», поступки которого «свидетельствуют о совершенной недалекости его ума»⁹². Трудно поверить, что столь разные оценки давались российской дипломатией одному и тому же человеку.

В состоянии упадка организацию по ведению политической пропаганды, помимо противоборства Австрии и России и усиления политической нестабильности режима уставобранителей, вероятно, повергли и те экономические трудности, которые испытывало Сербское княжество. Достаточно сказать, что с 1848 г. в Сербии наблюдался хронический дефицит государственного бюджета: расходы в среднем на 25% превышали доходы⁹³.

О явном затухании объединительной деятельности, по крайней мере в южном пределе, говорит и тот факт, что в августе 1851 г. М. Бан вновь приезжал в Цетинье к уже неизлечимо больному Негошу с повторным заданием от Гарашанина распустить все оставшиеся агентства⁹⁴.

После смерти Негоша в октябре 1851 г. главой Черногории стал его племянник Данило. Через год с согласия России он провозгласил себя князем. Черногория стала оказывать помощь восставшему против турок православному населению восточной Герцеговины. Всегда относившаяся к черногорцам с недоверием, Порта послала на их усмирение Омер-пашу с 30-тысячным войском. Однако не успел он еще двинуть свои войска, как черногорцы захватили турецкую крепость

⁹¹ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 449–450.

⁹² Там же. С. 305, 437.

⁹³ *Јовановић С.* Уставобранители и њихова влада (1838–1858). Београд, 1925. С. 93.

⁹⁴ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња... С. 116–117.

Жабляк, расположенную на берегу Скадарского озера. Началась черногорско-турецкая война. Силы в ней, конечно, были неравны. От разгрома маленькую Черногорию спасло вмешательство России, которую поддержала Австрия. (В то же время Франция и Англия выступали на стороне Османской империи.) В конечном итоге Турция была вынуждена уступить, приказав Омер-паше прекратить военные действия⁹⁵.

После этого быстро исчезла и общность интересов, которую продемонстрировали в черногорско-турецкой войне Петербург и Вена. Габсбургская монархия больше не нуждалась в союзе с Россией, с которой у нее усилились противоречия на Балканах⁹⁶. Австрия после 1848 г. выступала за сохранение статус-кво на Балканах только до тех пор, пока политические изменения в этом регионе не несли ей прямой выгоды.

Сербское же княжество вновь, как и во время крестьянских волнений в Болгарии и Боснии, не поддержало ни сербов Герцеговины, ни помогавших им черногорцев. Князь Данило был разочарован такой позицией, за которую, по его мнению, отвечали И. Гарашанин и Й. Маринович. На ухудшение сербско-черногорских отношений повлияло и то, что Александр Карагеоргиевич отказался выдать замуж за черногорского князя одну из своих дочерей. Это было сделано под давлением Турции и Франции (вероятно, и Австрии), которые опасались, что династический брак приведет к прочному союзу, а в перспективе и к возможному объединению двух сербских

Илл. 36. Данило Петрович-Негош

⁹⁵ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 110–115; Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX в. М., 1970. С. 83–105.

⁹⁶ См.: Хитрова Н.И. Позиция России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852–1853 гг. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 187.

Илл. 37. Михаил Чайковский
(Садык-паша)

государств. Отношения между уставобранительским режимом и Черногорией были окончательно испорчены. В начале 1853 г. в Вене Данило заключил союз со злейшими врагами уставобранителей – Милошем и Михаилом Обреновичами⁹⁷.

В турецкой армии, подавлявшей крестьянское восстание в Герцеговине, а затем и воевавшей против Черногории, принимали активное участие многие польские эмигранты, принявшие ислам и поступившие на турецкую службу, – Илинский (Искандер-бег), Лаский (Мехмет-бег), Якубовский (Якуб-ага), Фрейнд (Махмуд-ага) и др. Особо отличился в этой борьбе Искандер-бег – Илинский⁹⁸. Принял ислам и Михаил Чайковский, ставший Садык-пашой.

Таким образом, агенты Чарторыйского скатились от заигрывания с сербами и другими южными славянами к прямой вооруженной поддержке их многовекового поработителя – Османской империи.

Осенью 1852 г. в Белград, чтобы договориться о совместной борьбе против бана Елачича, приезжал Л. Гай. Но его встретили с откровенной неприязнью, считая ставленником Австрии, а Гарашанин вообще отказался с ним встречаться. Ни о каком сербско-хорватском сотрудничестве речь в то время уже не шла⁹⁹. Это касалось и сотрудничества по созданию общего южнославянского языка.

Более того, именно тогда княжеская канцелярия издала указ о цензуре, в котором постановлялось, «чтобы все писатели сербские и писари канцелярии в Сербии, по примеру русских, придерживались орфографии, которая и в церковных наших книгах наблюдается»¹⁰⁰. Запрет орфографии, предложенной Вуком Ка-

⁹⁷ Страњаковић Д. Влада уставобранитеља... С. 301–304.

⁹⁸ Записки Михаила Чайковского... С. 671; Дурковић-Јакшић Љ. Учествовање Пољака у Омер-пашиним ратовању у Босни и Херцеговини 1850–1851. године // Историјски часопис. 1974. Књ. XXI. С. 271–274.

⁹⁹ Страњаковић Д. Влада уставобранитеља... С. 312–314.

¹⁰⁰ Архив Србије. Ф. Државни савет. 1852. Бр. 116. Л. 3.

раджичем, был, как известно, во многом связан с введенной им в сербскую азбуку буквой «j» (йот), которая рассматривалась как пришедшая из латинского письма и объявлялась вследствие этого пропагандой католицизма.

В целом, как считает М. Экмечич, поражение в революции 1848–1849 гг. стало историческим «сломом» идеи югославянского национального единства. После этого в рамках религиозного («сектантского») типа национализма начинают уже интегрироваться отдельные югославянские нации¹⁰¹.

Эту мысль хотелось бы подчеркнуть. На самом деле, если до середины XIX в. в силу неразвитости национального самосознания у ряда южнославянских народов существовала еще (постоянно, правда, уменьшавшаяся) гипотетическая возможность формирования некоей южнославянской общности, то после поражения революции в Австрии эта альтернатива оказалась безвозвратно упущенной. В отличие, например, от немцев или итальянцев, развитие южнославянских народов по пути образования отдельных наций. Создание в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев произошло уже слишком поздно, на этапе почти полностью сформировавшихся самостоятельных наций, что, конечно, не могло не сказаться на прочности общего югославянского государства. Причем сербы, обладавшие в середине XIX в. из всех южных славян самым развитым национальным самосознанием, в дальнейшем уступили пальму первенства своим соседям. Их национальное самосознание вплоть до настоящего времени оказалось наиболее размытым.

Другую позицию по поводу затухания политической пропаганды отстаивает Д. Агичич. Он пишет, что тайная организация была unsuccessful, потому что, во-первых, Турция еще была достаточно сильной. А во-вторых, из-за своей великосербской политики Сербия не могла добиться широкого отклика несербского населения. Гарашанин хотел «создать Великую Сербию», и это «не могло нравиться несербам с южнославянских территорий»¹⁰².

Мы уже писали о том, что Гарашанином задумывалось создание сербского государства. Оно должно было расширяться прежде всего на освобожденные от турок сербские земли, вкрапления в это будущее государство «несербских территорий» были незначитель-

¹⁰¹ *Экмечич М.* Стварање Југославије 1790–1918. Т. I. Београд, 1989. С. 597.

¹⁰² *Агичић Д.* Тајна политика Србије... С. 106.

ными. И везде, когда избежать этого было невозможно, Гарашанин предусматривал полное национальное и религиозное равноправие. И не так уж мало нашлось сторонников тайной организации среди, например, католиков Боснии и Албании. Это признает и Агичич, который пишет, что из трех главных помощников Гарашанина – Й. Мариновича и Т. Ковачевича (оба из Боснии) и М. Бана (из Дубровника) – «двое последних были католиками, но полностью приняли сербскую национальную идею». И в целом «сербская политика могла найти – и нашла! – соратников в деле освобождения от турецкой власти среди отдельных представителей несербских народов»¹⁰³.

В югославской историографии Д. Страняковичем высказывалось предположение, что и в 1851–1853 гг., вплоть до отставки И. Гарашанина, принимались подобные первым двум «Уставы политической пропаганды»¹⁰⁴. Однако сведений об этом до сих пор нет.

4. Великие державы и кризис в сербском руководстве накануне Крымской войны

В апреле 1852 г. из Константинополя пришло известие о кончине там от инсульта Аврама Петрониевича. В 1844 г. он в третий раз в своей карьере был назначен главой сербского правительства и с тех пор занимал этот пост до самой смерти. В историографии замечено, что за двести с лишним лет новой сербской государственности так долго и непрерывно этот пост не занимал никто, даже Никола Пашич¹⁰⁵.

Гарашанин, узнав печальную новость, назвал Петрониевича одним из самых заслуженных сербов, много за Сербию страдавшим. В то же время он недоумевал, когда получил известие о том, что Вучич «много плакал», узнав о смерти Петрониевича. В письме Кничанину Гарашанин писал, что «Вучич, значит, жалеет всех, кто умер, а всех, кто жив, ненавидит». В разговоре с русским послом в Вене П.К. Май-

¹⁰³ Ibid. S. 105–106.

¹⁰⁴ Страняковић Д. Политичка пропаганда... С. 33–34.

¹⁰⁵ См., например: Поповић Р.Ј. Централно правленије 1844–1852. Влада Аврама Петронијевића // Владе Србије (1805–2005). Београд, 2005. С. 85.

ендорфом он говорил, что у Вучича очень плохой характер, и он не может сработаться ни с одним правительством: «Он и правительство означают споры, тревоги и беспокойство в народе»¹⁰⁶.

Небойша Йованович пишет, что смерть одного из главных уставобранителей и одного из творцов конституции 1838 г., прекращение работы возглавляемого им правительства, казалось, означали начало конца всего режима уставобранителей и правления князя Александра Карагеоргиевича. Это становилось все яснее и заметнее¹⁰⁷.

После кончины А. Петрониевича существовавшие и раньше вражда и конфликты между различными группировками уставобранителей вспыхнули с новой силой. Началась борьба за ставшее вакантным место премьер-министра. Против Гарашанина и его сторонников, опиравшихся на поддержку французской дипломатии, выступал проавстрийский княжеский двор во главе с А. Янковичем, Т. Кнежевичем и А. Ненадовичем. Борьба была столь непримиримой, что назначение нового главы сербского правительства было отложено на пять месяцев. Смерть Петрониевича привела также к активизации деятельности Т. Вучича, к которому, по мере ухудшения отношений с режимом уставобранителей, все с большей симпатией начинала относиться Россия.

Пытаясь покончить, наконец, с внутренними раздорами, И. Гарашанин в апреле 1852 г. составил одобренное князем Александром обращение ко всем местным властям княжества – так называемый Апрельский циркуляр¹⁰⁸. В этом документе все «преступления, состоящие в злословии или осуждении какой-либо местной власти или чиновника, власть исполняющего», подводились под действие первого параграфа закона 1843 г., предусматривавшего смертную казнь «за политические преступления высшего разряда». Апрельский циркуляр в нарушение конституции был издан без согласования с членами Совета, которые вследствие этого одно время были настроены его отменить, но затем уступили. Особый гнев вызвал циркуляр у Вучича, против которого он и был, собственно, направлен в первую очередь¹⁰⁹. Апрельский циркуляр встретил также резкий отпор со стороны нового российского консула Ф.А. Туманского.

¹⁰⁶ *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин. С. 527–528, 533.

¹⁰⁷ *Jovanović N.* Dvor kneza Aleksandra Karađorđevića (1842–1858). S. 195.

¹⁰⁸ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 138–142, 157, 159, 163, 175–177.

¹⁰⁹ Там же; АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 835. Л. 21.

Характерно, что в инструкциях, полученных Туманским из Петербурга, говорилось о неправильных действиях его предшественника. В инструкциях подчеркивалось, что сообщения генерала Лёвшина были пронизаны «чувствами личной неприязни и политического соперничества» по отношению к западным представителям в Белграде. Этого следовало избегать, но проводить четкий водораздел в отношении консулов Англии и Франции, с одной стороны, и Австрии, с другой. Если связи с англичанином и французом должны ограничиваться «простотой и вежливостью», то австрийский консул заслуживал «близкого союза и полного доверия» как представитель державы, «дружественной России и соседней Сербии»¹¹⁰.

Однако Ф.А. Туманский доносил, что за шесть месяцев пребывания в Белграде он убедился «в правильности мнения г-на Лёвшина о Гарашанине», который старается «повредить влиянию покровительствующей державы». Причем Гарашанин распоряжается самовластно, а князь Александр действует во всем по его внушениям, хотя не любит своего министра, «но боится и не смеет удалить от попечительства внутренних дел». Туманский доносил также, что «Вучич и его партия просят о защите против драконовского нового постановления правительства»¹¹¹.

Получив сообщение Туманского, российское министерство иностранных дел поручило ему добиваться отмены Апрельского циркуляра. В августе 1852 г. Туманский послал находившемуся тогда в поездке по стране Александру Карагеоргиевичу письмо, в котором настаивал на отмене циркуляра по двум причинам: 1) «преувеличенная строгость сей меры нисколько не может быть оправдана настоящим порядком вещей в княжестве» и 2) «всякое дополнение к существующему закону принадлежит власти не исполнительной, а законодательной, то есть должно быть утверждено вашей светлостью и издано с согласия Совета, а отнюдь не самопроизвольным распоряжением попечителя»¹¹².

На активное вмешательство России в сербские дела, несомненно, повлияла также поездка Гарашанина под предлогом лечения в Париж сразу после издания Апрельского циркуляра. Во француз-

¹¹⁰ Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия... С. 154.

¹¹¹ АВПРИ. Ф. ГА 1-9. 1846–1862. Д. 6. Л. 210–211; Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 452–453.

¹¹² Там же. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 235. Л. 21–21об.

ской столице Гарашанин встречался с А. Чарторыйским, послом Франции в Турции Ш. Лавалеттом и тогда еще президентом страны Луи-Наполеоном Бонапартом. Эта поездка была расценена всеми как откровенная попытка сербского министра опереться на Францию в борьбе с австрийским и русским влиянием в княжестве и за пост главы сербского правительства. Луи-Наполеон обещал Гарашанину свою поддержку, но советовал избегать всего того, что может возбудить подозрения Австрии¹¹³. О негативном восприятии в России его французского турне говорили Гарашанину в Вене (где он останавливался на обратном пути из Парижа в Белград) барон В.К. Ливен и священник церкви при российском посольстве в Австрии М.Ф. Раевский¹¹⁴.

Однако, несмотря на протесты России, Александр Карагеоргиевич в начале сентября 1852 г. послал директору Азиатского департамента российского МИД Л.Г. Сенявину письмо, в котором в ответ на требование Туманского писал, что не может отменить Апрельский циркуляр, так как в княжестве усилилась деятельность врагов режима. Отмена циркуляра, по словам сербского князя, привела бы страну к губительным последствиям. После этого Александр пошел на еще больший конфликт с Россией и 13 сентября, сразу после возвращения Гарашанина из-за границы, назначил его премьер-министром и министром иностранных дел. В борьбе с внутренней и внешней оппозицией князь пожелал опереться на человека, имевшего реальную власть. На принятие такого решения повлияла прежде всего дипломатия Франции и Турции. Освободившийся пост министра внутренних дел занял Алекса Симич, симпатизировавший деятельности княжеской группировки¹¹⁵.

Через десять дней после своего назначения Гарашанин отправил на пенсию со специально введенной для него должности ка-

¹¹³ *Ристич Ј.* Спољашњи одношаји Србије новијега времена. Књ. I. Београд. 1887. С. 110–111; Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Књ. I. Београд, 1931. С. 26–30, 62, 65, 67.

¹¹⁴ О М.Ф. Раевском подробнее см.: *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011; см. также: Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М.; СПб., 2013.

¹¹⁵ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 235. Л. 27–29; Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 453–462; *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 179–180.

бинетного советника Т. Вучича. Затем, чтобы как-то оправдаться перед Россией, новый глава сербского правительства издал очередной циркуляр («Октябрьский»), изменявший первый параграф предыдущего. Однако Октябрьский циркуляр не был, как Апрельский, опубликован в газете, на чем настаивал Туманский¹¹⁶.

Назначение Гарашанина и отставка Вучича вызвали сильнейшее раздражение в Петербурге. В ноябре 1852 г. Нессельроде послал сербскому князю письмо, в котором писал: «Не стану здесь припоминать все, что Россия сделала для народа сербского: выгоды и преимущества, коими пользуется Сербия, куплены, так сказать, русской кровью, ибо выговорены после кровопролитных войн. Мы вправе, кажется, ожидать от сербского правительства, чтобы оно действия свои сообразовывало с нашими законными, бескорыстными и единственно к благу же Сербии клонящимися требованиями и желаниями и не пренебрегало теми советами, какие внушает истинное участие к судьбе единоплеменного народа». Политика княжества, добавлял российский канцлер, может иметь негативные последствия, поэтому «потрудитесь доказать дальнейшими действиями, что Сербия и правитель ее вполне заслуживают милостивое внимание и покровительство государя императора»¹¹⁷. Передавая это послание, Туманский объяснил князю Александру, что под «дальнейшими действиями» Россия подразумевает отставку И. Гарашанина, Й. Мариновича и Ф. Заха¹¹⁸.

Барон Ливен, к которому после этого требования князь Александр обратился с просьбой оказать содействие в урегулировании конфликта, быть посредником отказался. В письме к сербскому князю он повторил мнение российского правительства по этому вопросу и особенно сожалел об отставке Вучича. Ливен писал, что Александру лучше других известны услуги, которые Вучич в течение длительного периода не переставал оказывать Сербии, не говоря уж о тех, которые он оказал князю лично. Опыт и советы Вучича, по мнению барона, могли бы быть весьма полезны для Сербского княжества¹¹⁹.

¹¹⁶ Ристић Ј. Спољашњи одношаји Србије... С. 112; Страњаковић Д. Влада уставобранитеља... С. 191–193.

¹¹⁷ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1852. Д. 235. Л. 64–68.

¹¹⁸ Страњаковић Д. Влада уставобранитеља... С. 194; Жачек В. Улога Франтишека А. Заха у Србији // Глас ССХС. Српска академија наука и уметности. Одељење историјских наука. 1974. Књ. I. С. 175.

¹¹⁹ АВПРИ. Ф. ГА У-A2. 1852. Д. 235. Л. 69–74.

В такой обстановке князь Александр провел несколько заседаний руководства страны, на которых рассматривались российские требования. Большинство на этих заседаниях (А. Симич, А. Янкович, А. Ненадович и др.) выступило за отставку Гарашанина, но вследствие прямого вмешательства коменданта Белградской крепости Бесим-паши и французского консула Сегира было решено не поддаваться все-таки давлению Петербурга¹²⁰.

В целом Сегир очень активно заступался за Гарашанина, назначением которого французское правительство было весьма довольно. Оно видело в нем человека, способного «оценить симпатии Франции». Некоторые акции сербского правительства (нейтрализация во время турецко-черногорской войны, отказ от династического брака дочери Александра с черногорским князем и т. п.) соответствовали французским советам и укрепляли у руководства Франции уверенность в том, что Гарашанин сумеет сохранить хорошие отношения с Портой. Позиция Великобритании в этом деле была сходной с французской¹²¹.

В феврале 1853 г. приехавший в Константинополь в связи с разгоревшимся спором о «святых местах» князь А.С. Меншиков заявил новому сербскому представителю в Турции Ф. Христичу, что царь не будет терпеть Гарашанина во главе сербского правительства. Меншиков, в частности, назвал нового сербского премьер-министра учеником Кошута и Мадзини. В то же время Туманский в Белграде еще раз, уже ультимативно, потребовал отправить Гарашанина в отставку. Причем консул заявил, что иначе через 24 часа Россия разорвет с княжеством официальные отношения¹²².

Требования России активно поддерживала австрийская дипломатия. Она выступала закулисно, за спиной царского правительства, вместе с тем подстрекая его к удалению Гарашанина как представителя «революционеров», имевшего связи с польскими и венгерскими эмигрантами. Кроме этого, набиравший всё больший вес в княжеском окружении австрийский консул Т. Радосавлевич на аудиенции у Александра Карагеоргиевича заявил, что

¹²⁰ Ристић Ј. Спољашњи одношаји Србије... С. 115–117; Страняковић Д. Влада уставобранитеља... С. 197–198, 200–202.

¹²¹ Страняковић Д. Влада уставобранитеља... С. 218–219; Алексић Љ. Француски утицај у спољној политици Србије за време Кримског рата (1853–1856) // Историјски часопис. 1961. Књ. XI. С. 57–59.

¹²² Ристић Ј. Спољашњи одношаји Србије... С. 117–118; Страняковић Д. Влада уставобранитеља... С. 204.

Илл. 38. Александр Сергеевич
Меншиков

он как серб по происхождению и сербский патриот просит согласиться с русским требованием, так как таким действием князь только «исполнит желание всех сербов»¹²³.

После этого Александр Карагеоргиевич уже не захотел защищать своего премьер-министра и 14 марта 1853 г. подписал указ о его отставке по состоянию здоровья (потом и вовсе отправил его на пенсию). Место Гарашанина занял Алекса Симич, хотя сам бывший премьер полагал, что его

преемником мог бы быть Константин Николаевич. В разговоре с российским консулом Туманским князь Александр «выразил сожаление по поводу того, что ему приходится расстаться со столь способным человеком», а также «помянул о своих надеждах на то, что, уступив... на сей раз, не подвергнется в будущем новым ущемлениям» (подчеркнуто Ф.А. Туманским. – К.Н.). Однако современник этих событий, тогда еще молодой, примыкавший к зарождавшимся либеральным кругам Йован Ристич (позже видный государственный деятель Сербии и историк), вспоминал, что, «похоже, на этот раз князь был рад воспользоваться удобным случаем, чтобы снять Гарашанина»¹²⁴.

Туманский давал резко отрицательные характеристики двум соратникам Гарашанина – Ф. Заху и Й. Мариновичу, которых он также требовал удалить. Зах, по его словам, «пребывал в Сербии в качестве доверенного агента клики Чарторыйского; в 1848 г. он принимал участие в движении славянских народов в Австрии, состоял членом Пражского конгресса и вскоре после возвращения в Белград в 1850 г. был назначен директором созданного им и Гарашанином Артиллерийского училища. Сии обязанности он выполняет и до сих пор, открыто исповедуя и проповедуя самые враждебные России идеи». Не лучше оценивал российский кон-

¹²³ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља... С. 210–211.

¹²⁴ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 466; *Ристич Ј.* Спољашњи одношаји Србије... С. 118–119.

сул и Мариновича. «Обучавшийся в Париже, всегда поддерживавший самые тесные отношения со всеми сменявшими друг друга в Сербии польскими и венгерскими агентами, этот человек благодаря влиянию, которое он имел на невежественного Гарашанина, немало содействовал избранию последним неверного пути... Нисколько не заботясь о сокрытии своего враждебного отношения к правительствующему двору, Маринович... незаконно присвоил себе право руководить сербской прессой и обязал редактора официальной белградской газеты печатать в колонках своего листка переводы всех поносящих Россию статей, какие только появляются в западных газетах»¹²⁵.

В ответ на новое требование Туманского князь Александр отвечал, что после отставки Гарашанина «он и так сделал слишком много, чтобы удовлетворить императорское правительство; что он не может более умалять свое достоинство и всецело подчиняться российскому влиянию» (подчеркнуто Ф.А. Туманским. – К.Н.). Новый председатель правительства Сербии Алекса Симич, соглашаясь с критикой в адрес Мариновича, в разговоре с Туманским отвергал ее по отношению к Заху. Он говорил, что «Зах действительно был некогда агентом польской пропаганды, но ныне таковым не является, что в 1848 г. он стал поборником дела других славян, имеющего иную направленность, нежели дело поляков; что в 1844 г. он, конечно, прибыл в Сербию с французским паспортом, но в 1850 г. вернулся сюда уже с австрийским»¹²⁶. Подействовали ли эти доводы или нет, но после отставки Гарашанина правительство Николая I уже не стало настаивать на удалении с государственных постов Мариновича и Заха¹²⁷.

Борьба вокруг назначения нового главы сербского правительства означала стремление держав заполучить Сербское княжество на свою сторону в преддверии Крымской войны. Победа России в этом конфликте оказалась мнимой. Влияние Гарашанина продолжало ощущаться даже после потери им официального поста. Франция пошла навстречу просьбам сербского правительства о посылке в княжество оружия и военных специалистов. Турция укрепила свои гарнизоны в Нише и Белграде. Австрия начала концентрировать войска на сербской границе якобы из-за опас-

¹²⁵ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 467.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ *Страњакoвић Д.* Влада уставобранитеља... С. 208.

ности волнений в этой стране. Возможная австрийская оккупация Сербии вызвала новый кризис в отношениях между дипломатами великих держав¹²⁸.

Туманский доносил в связи с разрывом русско-турецких отношений, что «князь Карагеоргиевич и клика, которая его направляет, выказали намерение заранее присоединиться к Порте в надежде быть поддержанными Англией и Францией. Генеральный консул сей последней державы как никогда лезет вон из кожи, побуждая сербское правительство использовать разрыв между Россией и Турцией, чтобы окончательно избавиться от нашего покровительства»¹²⁹.

Поездка в Сербию летом 1853 г. советника российского посольства в Вене Ф.П. Фонтонна, призванная не допустить, с одной стороны, ослабления в Сербии влияния России, а с другой – восстания сербов против Турции, оказалась запоздалой. Хотя на словах руководство Сербии выказывало полную лояльность России и отнюдь не было настроено на вооруженное выступление против турок. Тем более что в противном случае в княжество, помимо Австрии, готова была ввести дополнительные войска Османская империя.

Поездка Фонтонна была знаменательна другим. Он доносил К.В. Нессельроде, что во время поездки по внутренним районам страны был поражен неизменностью чувств сербского народа, который толпами «по десять раз в день» стекался в посещаемые им места и проявлял чувства «восхищения, признательности и уважения по отношению к особе нашего августейшего государя и привязанности к России. Изъявления этих чувств было неподготовленными, самопроизвольными и шли от всего сердца». Часто российскому дипломату говорили: «Поздравьте нашего царя Николая»¹³⁰. Разница между восприятием России частью сербского руководства и сербским народом бросалась в глаза. Как некая константа она не меняется с годами и сохраняется до наших дней.

Фонтон допускал также, что о его поездке Порте будут превратно докладывать. Особенно он подозревал в этом французского консула, «который – предчувствуя, что одного только шага россиянина в Сербии будет достаточно для сокрушения хрупкого здания

¹²⁸ Подробнее см.: *Антић Ч.* Велика Британија, Србија и Кримски рат. С. 35–45.

¹²⁹ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 472–473.

¹³⁰ Там же. С. 488.

французского влияния, которое он пытается возвести, – тщился помешать... поездке, а теперь не преминет представить ее в Константинополе совсем с другой точки зрения»¹³¹. Но не все, конечно, было так просто, как представлялось российскому дипломату.

В связи с началом Крымской войны в октябре 1853 г. только что прибывший в Сербию очередной российский консул Н.Я. Мухин¹³² по требованию Порты был вынужден покинуть Белград и переселиться уже в качестве частного лица в австрийский Землин (Земун). Оттуда он «под защитой австрийского паспорта» часто посещал Белград, встречался с князем Александром и А. Симичем. Затем к Мухину в самом конце 1853 г. присоединился и вернувшийся в регион опытный дипломат С.И. Попов, который также часто ездил в Белград¹³³.

Из Землина Мухин докладывал, что сербское правительство ожидает развития событий и не проявляет желания активных действий. И все же он полагал, что выступление Сербии последует, если российские войска перейдут на правый берег Дуная, но она «не захочет брать на себя почин, предварительно не удостоверившись в выгодах, которые сможет из этого извлечь». «Князь и представник (премьер-министр. – К.Н.), и другие лица, – сообщал Мухин, – не скрывали от меня, что болгары и сербы из пограничных областей желают свержения мусульманского ига... Все твердили мне, что это население только и ждет, когда Сербия подаст им сигнал к началу восстания». Сербское правительство сигнала не подает, но «продолжает, тем не менее, поддерживать тайные связи с этими странами и держит под рукой некоторых особ, пользующихся там влиянием, предполагая направить их к этим племенам, коль скоро обстоятельства того потребуют. Эти сношения не распространяются впрочем на Македонию и Эпир, но поддерживаются сербами, помимо уже названного мною выше района, с Черногорией, Боснией и Герцеговиной»¹³⁴.

¹³¹ Там же.

¹³² Мухин Николай Якимович был назначен генеральным консулом в Белград после смерти Ф.А. Туманского. В Сербию прибыл осенью 1853 г. См.: Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 494.

¹³³ См., например: *Антић Ч.* Велика Британија, Србија и Кримски рат. С. 61, 65.

¹³⁴ Политические и культурные отношения России и Сербии... С. 492–493.

В этот период особую активность проявил также английский консул Т.Г. Фонбланк. Он считал, что из-за войны может прекратиться действие всех русско-турецких договоров, включая и действие хатти-шерифа о сербской автономии. Это, как и раздел европейских владений Турции, имело бы катастрофические последствия. Чтобы этому воспрепятствовать, необходимо провести в Сербии разумные реформы и обеспечить ей территориальное расширение в рамках Османской империи. Это усилило бы позиции Турции и ослабило тягу балканских христиан к независимости.

После переговоров и консультаций с И. Гарашанином Фонбланк в конце ноября 1853 г. отправил послу Великобритании в Константинополе Ч. Стрэтфорду-Каннингу проект создания вице-королевства Сербии. Как и пять лет назад у Николаевича, речь шла о переустройстве Османской империи в дуалистическое государство. Во главе общего государства находился бы султан, а во главе сербского вице-королевства – вице-король. Турция бы вывела из сербского государства свои гарнизоны (только судьба белградского гарнизона оставалась под вопросом). Расширение Сербии предполагалось на юг и восток. На юг в сторону Старой Сербии, Черногории и с выходом к морю через Горную Албанию. На восток расширение предполагалось в сторону Болгарии почти до Софии. В отличие от проекта Николаевича, проект Фонбланка предполагал внутренние реформы, в частности уменьшение власти Государственного совета в пользу «демократического элемента». Стрэтфорд-Каннинг оценил эту инициативу своего подчиненного как несанкционированную, а его проект нашел нереальным¹³⁵.

Таким образом, в проекте Фонбланка были повторены многие идеи Гарашанина и Николаевича. Существенная разница состояла в том, что вместо Боснии и Герцеговины Сербии в этом проекте предлагалось расширяться за счет Болгарии, что явно выходило за рамки сербских этнических границ.

Тогда же Сербия получила еще один хатти-шериф (конец декабря 1853 г.), которым подтверждалось существовавшее правовое положение княжества. Турция все же посчитала, что поскольку она находится в состоянии войны с Россией, то все договоренности с нею, в том числе и касавшиеся Сербии, нуждаются в новом оформлении, но уже без русского участия. Гарашанин и другие сербские

¹³⁵ *Антић Ч.* Велика Британија, Србија и Кримски рат. С. 66–73.

лидеры вначале были против вмешательства Турции в свои внутренние дела. Но затем послушались Кничанина, посчитавшего, что глупо отказываться от акта, которым лишь подтверждаются сербские права. Более того, Гарашанин и другие видные уставообразители встретили привезшего хатти-шериф эмиссара Порты Этемпашу еще перед въездом в город и с фесками на головах. И далее Гарашанин сопровождал его по городу, не снимая фески, а вывеска гостиницы «У сербской короны», в которой разместили гостя, была на время снята¹³⁶.

Позже, в 1854 г., под давлением дипломатии западных держав Мухину пришлось переехать еще дальше от границ Сербии – в Вену. В результате этого дипломатические отношения между Россией и Сербией были окончательно прерваны.

Оставшееся без присмотра российское консульство в Белграде оказалось в плачевном состоянии. В 1855 г. князь Александр Карагеоргиевич одобрил размещение в этом здании Государственного совета. Была создана специальная комиссия во главе с членом Совета Павлом Станишичем, которая должна была решить вопросы размещения. По мнению комиссии, оставленное имущество следовало разделить на: 1) то, что надлежало использовать; 2) то, что надо было продать; 3) вещи, которые принадлежали консульству (российские герб и знамя, портрет Николая I и т. п.) и 4) вещи, с которыми непонятно, что делать. В частности, к последней категории относились найденные в консульстве в большом количестве пустые стеклянные фужеры для шампанского¹³⁷. По-видимому, в середине XIX в. шампанское в Сербии все еще было экзотическим напитком.

В Крымской войне, разведшей по разные стороны окопов покровительствующий и владетельный дворы, Сербское княжество предпочло придерживаться строгого нейтралитета. Было ясно, что единоличное покровительство России над Сербией неумолимо сходит на нет. И действительно, после войны оно было заменено на коллективное покровительство держав – к России добавились

¹³⁶ Љушић Р. Књига о Начертанију. Национални и државни програм кнежевине Србије (1844). Београд, 1993. С. 90; *он же*. Историја српске државности. Књ. II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 114.

¹³⁷ Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. С. 727–729.

Австрия, Англия, Франция, а также Сардиния и Пруссия (немного позже ставшие соответственно Италией и Германией).

Однако нейтралитет не принес сербскому руководству таких больших дивидендов, как отмечается порой в сербской историографии. Косвенным отражением этого был скорый крах всего режима уставобранителей. Как писала И.С. Достян, «Крымская война лишь оттянула наступление кризиса режима уставобранителей, которые оказались не в состоянии разрешить экономические и общественно-политические проблемы молодого сербского государства»¹³⁸.

После того, как в марте 1853 г. Гарашанин был смещен со своего поста, распалась и созданная им тайная организация, прекратилась деятельность по реализации идей, сформулированных в программе «Начертание», проекте «Сербского вице-королевства», «Уставах политической пропаганды» и других документах. На этом фактически завершился первый этап деятельности Сербского княжества по реализации сербских национальных задач.

Лишь к 1858 г., уже после окончания Крымской войны, когда Гарашанин вновь на короткое время стал министром иностранных дел княжества, относится «План, по которому в этом 1858 году нужно работать». Речь в нем шла о политической пропаганде только в Боснии. Этот план иногда называют «Копией инструкции Каройловичу», так как в нем было заключено наставление именно этому агенту Сербского княжества¹³⁹. Остается неясным, ограничивалась ли пропаганда в то время Боснией или имелись планы и для других областей, которые просто до сих пор не найдены.

Так или иначе, но второй этап деятельности по реализации «Начертания» начался только с 1860 г., когда повторно пришедший к власти в Сербии князь Михаил Обренович в своей политике опирался на помощь Гарашанина и на его идеи, сформулированные еще в 1844 г. Убийство князя Михаила в Топчидерском парке в 1868 г. положило этому конец.

Подводя итог изложенному, подчеркнем, что со второй половины 1849 г. в Сербском княжестве началась деятельность по реализации первого, а затем и второго «Уставов политической пропаганды», основной целью которых была подготовка восстания

¹³⁸ Достян И.С. Укрепление государственности Сербии и Черногории... С. 100–101.

¹³⁹ Страняковић Д. Политичка пропаганда... С. 33–34; Поповић В. Аграрно питање у Босни... С. 126.

против турок. Разработка этих документов являлась следствием разочарования в мирных средствах достижения стратегической задачи Сербии – освобождения и объединения сербских земель. Сторонниками Гарашинина была создана разветвленная сеть пропагандистской организации, основными функционерами которой стали торговцы, священники, учителя. Они старались привлечь на сторону княжества население соседних земель, но фактически этого нельзя было сделать, не поддерживая стихийно вспыхивавшие антитурецкие крестьянские восстания. В целом провозглашенный в «Уставах политической пропаганды» курс на вооруженное восстание остался только на бумаге, и официально лояльная Турции политика сербского правительства продолжала быть неизменной.

На неудачу деятельности Сербского княжества по реализации стоявших перед ней национальных задач повлияла внутренняя и внешняя оппозиция, усиление разногласий в среде самих уставохранителей. Кроме этого, активной политике по освобождению и объединению сербских земель не способствовали и позиции великих держав, которые в то время придерживались политики сохранения целостности Османской империи и активно вмешивались во внутренние дела княжества. Противоречия этих держав на Востоке усилились после революции 1848–1849 гг. и привели в конечном итоге к Крымской войне – самому крупному европейскому военному конфликту в XIX в.

На правах покровительствующей державы особое давление на Сербию оказывала Россия, часто подстрекаемая к этому Австрией. Попутно заметим, что ставка царского правительства на союз с Австрией, которую Россия спасла вооруженным вмешательством в Венгрии, явно не оправдалась. В преддверии Крымской войны это становилось совершенно ясно. В литературе хорошо известны слова князя Феликса Шварценберга: «Мы поразим весь мир масштабами нашей неблагодарности России». И он сдержал свое слово.

Россия проиграла в борьбе за влияние в Сербском княжестве. Однако общность коренных интересов России и Сербии никуда не делась, что с неизбежностью не раз приводило в будущем к новым сближениям двух стран, особенно в самые тяжелые, решающие моменты сербской истории.

Заключение

В 1842–1853 гг., после прихода к власти и до начала Крымской войны, уставобранители фактически проводили две внешние политики – одну официальную во взаимодействии с консулами великих держав и другую тайную, не столь заметную, как первая. Но именно эта вторая политика и делает исследуемое десятилетие столь важным для всего дальнейшего развития Сербии.

Эта политика была сформулирована в конце 1844 г. в «Начертании» – долгосрочной национальной программе, направленной на освобождение сербских земель и их объединение вокруг княжества. Принятие подобной программы свидетельствовало о достаточно высоком уровне развития сербской политической мысли в тот период, хотя Гарашанин, конечно, обгонял свое время. Без какой-либо раскачки, сразу после принятия программы была начата деятельность по ее реализации. Однако, несмотря на определенные достижения, деятельность княжества по реализации национальных задач в тот период в целом не была успешной. Главные задачи «Начертания» и других принятых в это десятилетие планов и проектов выполнены не были. Это объяснялось как внутренними, так и внешними причинами.

Сербия была еще слишком слабым и все еще зависимым от Турции государством. Только за несколько лет до этого ей удалось добиться автономного статуса. Большой проблемой для нормального развития княжества стала борьба сразу двух сербских династий – Карагеоргиевичей и Обреновичей. Уставобранители привели к власти Александра Карагеоргиевича, но их силы постоянно отвлекались на организацию отпора попыткам Милоша и Михаила Обреновичей вернуться к власти.

Среди лидеров уставобранительского режима так и не сложилось общего мнения в отношении приоритетов внешнеполитической деятельности и в целом – перспектив развития сербского государства. Разработкой и реализацией объединительных планов занимался сравнительно узкий и законспирированный круг лиц во

главе с И. Гарашанином. Князь Александр и его окружение, хотя и были частично посвящены в деятельность сторонников активной национальной политики, существенного содействия им не оказали. Они добивались от Порты прежде всего права наследственной власти для династии Карагеоргиевичей и ограничивали национальные задачи требованием выселения турок из княжества. Многие уставобранители (иногда и сам Гарашанин) выступали против сотрудничества с австрийскими южными славянами, не доверяя главным образом хорватам. Бóльшее единство продемонстрировали лидеры режима уставобранителей в вопросах оказания помощи движению воеводинских сербов в 1848–1849 гг.

С течением времени, вследствие борьбы за власть, все отчетливее стал проявляться раскол в рядах уставобранительской группировки. Отмечались разногласия между сторонниками Гарашанина и князя. В открытую оппозицию правящему режиму встал один из зачинателей и лидеров движения уставобранителей Т. Вучич-Перишич. В вопросах внешней политики он вообще выступал против освободительной и объединительной деятельности Сербии, в том числе и помощи воеводинским сербам, считая, что между ними и сербами из княжества нет ничего общего.

Заметное влияние на проведение активной внешней политики в балканском направлении оказывали на Гарашанина сторонники южнославянского единства из других славянских земель, бóльшая часть из которых была католиками (Ф. Зах, М. Бан, Т. Ковачевич и др.). Они создали в Белграде «тайный демократический панславянский клуб» и выступали за включение в сферу объединительной деятельности Сербии всех южных славян, в том числе и проживавших в Австрийской империи, а также за более «революционные» методы достижения цели. Позже многие из них перешли на службу к Гарашанину, и в основном именно ими были сформулированы два «Устава политической пропаганды», где провозглашался курс на подготовку вооруженного восстания против турок.

Однако Гарашанин, хотя, возможно, иногда и разделяя подобные взгляды, главным всегда считал решение сербского вопроса. В его планах было создание именно сербского государства. Он также не мог не учитывать реальную обстановку внутри княжества и международную ситуацию, должен был проявлять сдержанность и осторожность. Это привело к тому, что в деятельности по реализации внешнеполитических и национальных задач Сербии преобладали мирные легитимные методы. Хотя Гарашанин постепенно

эволюционировал от чисто дипломатических методов достижения цели в направлении организации «всеобщего и одновременного восстания». В своих мечтах о разрушении Турции он иногда шел так далеко, что мог конкурировать с самыми заветными российскими грезами. Этот всегда удивительно реалистичный политик мечтал даже, что после окончательного поражения турок на Св. Софии в Константинополе будет воздвигнут православный крест и водружено сербское знамя. В неосуществимых фантазиях он видел Константинополь «жемчужиной славянского Востока», главным городом православного Сербского царства¹.

В целом же можно сказать, что в середине XIX в. в Сербии существовали три идеологические концепции в отношении перспектив развития княжества: узкосербская (Т. Вучич-Перишич), сербская или всесербская (И. Гарашанин) и южнославянская («тайный демократический панславянский клуб»). Далекое не все в Сербии разделяли идею всесербского объединения, испытывая прежде всего недоверие к австрийским сербам, которых называли не только пречанами, но и «немачкарами» и даже «швабами». Еще больше было противников сближения с хорватами и иллирийским движением.

Не способствовала успеху национальной политики Сербии и социально-экономическая обстановка внутри княжества. Постепенно ширилось недовольство правящим режимом среди либерально настроенных молодых людей, представители которых составили организацию «Дружина сербской молодежи». Будущие либералы выступали за активную национальную политику и против примиренчества по отношению к Порте. Они больше всех страдали от всемерного ограничения политических свобод, от всего полицейско-бюрократического режима, установленного уставобранителями под руководством того же Гарашанина. Впервые в истории сербской политической мысли будущие либералы пришли к справедливому выводу, что внутренняя свобода облегчает решение национальных задач.

От политической и экономической нестабильности правящего режима страдали и народные массы, которые, будучи заинтересованы в выполнении данных уставобранителями обещаний по улучшению условий их жизни, могли терпеть и поддерживать правительство Александра Карагеоргиевича, пока оно боролось за

¹ См.: *Лушић Р.* Илија Гарашанин о српској државности // Илија Гарашанин (1812–1874). Београд, 1991. С. 163.

сохранение власти в своих руках. Затем народ был вправе ожидать каких-то реальных изменений к лучшему. Однако этого не произошло. Никакой социально-экономической программы, которая бы способствовала облегчению жизни населения княжества, у уставобранителей не было. Все это вело к сужению социальной базы режима уставобранителей, в том числе и при решении внешнеполитических задач. В то же время введение новой большим шагом вперед после полного произвола, основанного лишь на личных отношениях и личной преданности.

По отношению к европейским державам среди уставобранителей также не было даже подобия единства. Так, Гарашанин, под влиянием предыдущей политики Милоша Обреновича и еще больше – правого крыла польской эмиграции, при реализации национальных задач Сербии рассчитывал на содействие Франции и, в меньшей степени, Великобритании. Князь Александр и сложившаяся вокруг него группировка к началу 1850-х годов уже открыто встали на проавстрийские позиции. Некоторые уставобранители (С. Стефанович-Тенка, П. Янкович-Бача, П. Станишич) придерживались традиционной ориентации на Россию. Со временем поддержки со стороны России стал искать и лидер внутренней оппозиции Т. Вучич. Сильные позиции оставались у России и среди сербского народа.

В советской историографии был сделан вывод, что на протяжении почти всего XIX века Россия помогала в деле освобождения христианских народов от османского ига. Понятно, что она отстаивала собственные национальные интересы, которые не всегда полностью совпадали с интересами тех же сербов. Но в целом этот вывод выдержал испытание временем. В то же время на некоторых этапах были колебания и даже отступления от этого основного курса. Конкретный анализ деятельности российской дипломатии в 40-е – начале 50-х годов XIX в. показывает, как ее ошибки, обусловленные часто незнанием истинного положения дел в княжестве, привели во многом к ухудшению российско-сербских отношений. Следствием этого были потеря Россией к началу Крымской войны доминирующего влияния в Сербском княжестве и отказ последнего от опоры на Петербург при решении стоявших перед ним национальных задач.

Интересующий нас период сербской истории начался с отставки сербского князя Александра Карагеоргиевича (1842 г.) по требованию России и закончился отставкой сербского премьера Илии Гарашанина (1853 г.) опять же по очередному российскому требованию. Именно в этот период проявились высокомерие и грубые

методы российской дипломатии, хотя Россия всегда выигрывала в другом – у ее представителей никогда не было «комплекса цивилизационного превосходства» по отношению к балканским народам, столь свойственного западным политикам и дипломатам.

Однако даже такие экстренные меры, как принуждение к отставке сначала избранного князя, а затем и двух председателей правительства – Петрониевича и Гарашанина, не спасали Россию от провалов в ее сербской политике. В Азиатском департаменте МИД чувствовали, что влияние в Сербии падает, и были недовольны своими дипломатами и консулами в Белграде – как теми, кто умудрился испортить отношения (Г.В. Ващенко), так и теми, при ком эти отношения улучшились (В.К. Ливен, Г.И. Данилевский). Тех, кто ухитрился испортить, было больше (добавим к Ващенко еще и Д.С. Лёвшина с Ф.А. Туманским). Кроме Ващенко, все работали в Сербии совсем недолго. За одиннадцать лет, с 1842 по 1853 г., сменилось пять генеральных консулов. Причем, двое были вынуждены уехать досрочно по состоянию здоровья (Г.И. Данилевский, Д.С. Лёвшин), один (Ф.А. Туманский) скончался во время выполнения дипломатической миссии и еще один (Н.Я. Мухин) уехал, так и не приступив к работе из-за начавшейся войны. И, как уже говорилось, к работе всех своих консулов в Белграде российский МИД фактически предъявлял претензии.

Негативное восприятие царизмом власти уставобранителей происходило прежде всего из-за их контактов с враждебными России агентами польской эмиграции. Кроме того, боясь любых революционных потрясений, российское правительство явно переоценивало «революционность» этой эмиграции в балканском регионе. Как раз в сохранении Османской империи видели вожди польской эмиграции одно из основных условий возрождения польского государства.

Ухудшению русско-сербских отношений способствовала, с другой стороны, прозападная, враждебная России политика самих уставобранителей, принципы которой были сформулированы в программе «Начертание». Причем деятели сербского правительства и польской эмиграции в свою очередь также не имели правильных представлений о целях русской политики в отношении Турции и балканских народов. Гарашанин отверг возможность использования в своих долговременных стратегических целях традиционного покровительства России христианскому населению Османской империи, опасаясь прежде всего агрессивности царизма, боясь, что на место зависимости от Турции придет зависимость от России.

Однако оценки Гарашанина были ошибочны. Начиная с Адрианопольского мира 1829 г. и вплоть до начала Крымской войны правительство Николая I придерживалось курса на поддержание целостности Турецкой империи. В.Н. Виноградов отмечает, что различные комбинации устройства «наследства больного человека» имели место лишь теоретически, на бумаге². Встречавшийся в «Плане» Ф. Заха, а затем перенесенный в «Начертание» И. Гарашанина и бытующий в историографии тезис о намерении России и Австрии разделить европейские владения Турции по линии Видин – Салоники не подкреплен документальными материалами. Вообще вывод, сделанный И.С. Достяном для более раннего периода, о том, что русская политика на Балканах «в целом была обычно более консервативной и менее агрессивной, чем это нередко изображается в литературе»³, можно распространить и на рассматриваемое нами десятилетие.

Но с другой стороны, именно поэтому Гарашанин в то время, действительно, не мог рассчитывать на серьезную помощь России в реализации сербских национальных задач. Курс царизма на сохранение целостности Османской империи этому никак не способствовал. Такая политика создавала для самого российского правительства большие трудности при поддержании русского влияния среди балканских народов.

Подобные же трудности по привлечению этих народов на свою сторону испытывало и сербское правительство, проводившее политику сохранения хороших отношений с Портой. Борьба уставохранителей против влияния России на Балканах этому также не способствовала. Большинство балканских народов продолжало верить в освободительную миссию России.

Точно так же не мог рассчитывать Гарашанин в то время и на помощь западноевропейских держав, которые в свою очередь тоже выступали за сохранение целостности Османской империи. И все же он, в отличие от России, пытался на них опереться и даже оправдывал их позицию все той же мнимой опасностью раздела Османской империи между Россией и Австрией.

Так или иначе, но политика европейских держав, которые выступали за сохранение на Балканах статус-кво и одновременно

² Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 326–327.

³ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 338.

вмешивались во внутренние дела княжества ради достижения собственных интересов, явно не способствовала проведению Сербией активной национальной политики. Минимальную поддержку Гарашанину в его деятельности оказала лишь Франция во время революционных событий 1848–1849 гг. Однако реальной выгоды от этого Сербское княжество не получило. Активизация деятельности и революционная фразеология французского правительства была подчинена его главной задаче на Балканах и Ближнем Востоке – поддержанию целостности Османской империи.

Усилившееся в княжестве влияние Габсбургской монархии еще больше затрудняло проведение активной национальной политики. Австрийская империя, в состав которой входили и территории с сербским населением, вела последовательный курс на подавление или ограничение сербского национального движения, стремилась в перспективе к распространению своей власти на новые сербские земли.

Как уже неоднократно подчеркивалось, политика России в Сербии перед Крымской войной окончилась провалом. Символом этого стало исчезновение имени российского государя из сербских торжественных молебнов, посвященных датам освобождения страны. Александр Карагеоргиевич поздравил белградского пашу с падением Севастополя⁴, что было уже совсем неприлично. После Парижского мира 1856 г. покровительство России над Сербским княжеством было заменено коллективным покровительством европейских держав. Для России «перестало действовать старое правило – решать споры с Турцией с глазу на глаз, без постороннего вмешательства. Восточный вопрос во всех его аспектах превратился в интернациональный»⁵.

Сразу же после Крымской войны политика России стала меняться. Посылая в Белград очередного консула, М.Р. Милошевича⁶, российское министерство иностранных дел дало ему следующую

⁴ Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века. М., 2002. С. 172.

⁵ Виноградов В.Н. Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012. С. 422.

⁶ Милошевич (Милашевич) Михаил Рафаилович (1807–1885), полковник, позже – генерал, дипломат. По происхождению – серб из г. Бела-Црква (Банат). В российское подданство перешел в 1832 г. и поступил на военную службу. После окончания Крымской войны, в 1856–1860 гг. – консул в Белграде. См.: Москва – Сербия, Белград –

щие инструкции, определявшие новые задачи России в балканском регионе: «Политика, которой мы следовали в Турции... имела двоякую цель: с одной стороны, она стремилась поддержать колеблющееся положение турецкого правительства; с другой, снискать симпатию единоверных нам подданных ее. Само собой разумеется, что достижение первого условия не могло произойти без явного ущерба второго, и эти обстоятельства поставляли нас в затруднительные положения, особенно в отношении к местным жителям. Ныне все стремления наших агентов должны быть направлены к тому, чтобы сохранить и поддержать сочувствие к нам славянских племен и по мере возможности облегчить или улучшить их участь»⁷.

Бесперспективность решения без помощи России стоявших перед Сербией национальных задач понял и Илия Гарашанин. Это произошло во время второго правления Михаила Обреновича (1860–1868 гг.), когда вновь осуществлялись попытки реализации идей, заложенных в «Начертании». В это время был решен один из важнейших вопросов Сербии периода автономии – вопрос о выселении турок. В 1867 г. Турция вывела свои гарнизоны из крепостей в шести последних сербских городах.

Во время Восточного кризиса 1875–1878 гг., в сербско-турецкой и русско-турецкой войнах (1876 г., 1877–1878 гг.), Сербию вновь спасала Россия, а ее армию даже возглавил русский доброволец, генерал М.Г. Черняев. История еще раз убедительно доказала необходимость ориентации Сербии на Россию при воссоздании и укреплении ею своей государственности. Сначала автономия, а затем и независимость Сербскому княжеству принесла именно Россия после очередных русско-турецких войн. В то же время западные державы часто этому движению сербов к независимости прямо препятствовали. Спасала Сербию Россия и в самые тяжелые моменты Первой мировой войны, оказавшейся одновременно губительной для нее самой.

После получения Сербией независимости (1878 г.) процесс ее расширения или объединения освобожденных сербских земель вплоть до Первой мировой войны не достиг границ, предвиденных в «Начертании» И. Гарашанина. Вообще этот процесс пошел в другую сторону, а в состав сербского государства после балканских

Россия: сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Белград; М., 2011. С. 730.

⁷ АВПРИ. Ф. ГА V-A2. 1856. Д. 239. Л. 15–16.

войн вошли не Черногория и Босния и Герцеговина, а Косово и Вардарская Македония.

На это повлияла прежде всего политика Австро-Венгрии. Проиграв борьбу за объединение немецких земель, она искала компенсации на Балканах, оккупировав, в частности, Боснию и Герцеговину и разместив свои гарнизоны в Новопазарском санджаке. Предвиденные в «Начертании» пути расширения в направлении Боснии и Герцеговины и Старой Сербии и выход к Адриатическому морю оказались для Сербии перекрытыми. Оставался путь к Эгейскому морю – долиной Вардара до Салоник.

В то же время осуществилось предвиденное в «Начертании» освобождение южнославянских и балканских земель «в два приема» – сначала находившихся под турецкой властью, а затем – под австрийской. Временной промежуток между этими двумя этапами оказался на удивление коротким. Первый этап осуществился после Первой балканской войны, второй – через несколько лет, после Первой мировой.

Однако Югославское государство 1918 г. – даже не гипотетическая «Южнославия», которую при большом желании и воображении можно обнаружить в «Начертании» и других объединительных планах, а Югославия. Вместо болгар в новое объединенное государство вошли словенцы. В той международной обстановке и эйфории победы Никола Пашич не смог ограничиться всесербским вариантом объединения, а присоединил к Сербии также хорватские и словенские земли. Ход сербской истории резко изменился. «Переварить» новые земли вместе с полученными после Первой балканской войны Косово и Вардарской Македонией сербы уже не смогли. Все это имело далеко идущие последствия. С самого начала возникновения Королевства сербов, хорватов и словенцев (позже – Королевства Югославии) сербско-хорватские противоречия, в центре которых была Босния и Герцеговина, растаскивали государство в разные стороны.

Югославский кризис 1991–2001 гг. был связан, кроме всего прочего, с попыткой сербского народа вернуться к не реализованному в 1918 г. варианту объединения, и опять в центре первой половины кризиса оказалась Босния и Герцеговина. И вновь мы увидели те же три идеологические концепции в отношении перспектив развития сербского государства, что и в период правления уставообразителей: развитие в рамках существующих границ, достижение в каких-то формах (все)сербского объединения и ностальгия по бывшей Югославии.

Заметим, что точно так же в югославском кризисе хорваты стремились осуществить великохорватский вариант разрыва с югославским прошлым. Второй раз за свою историю, если считать период существования марионеточной Независимой державы Хорватии в годы Второй мировой войны. И точно так же боснийские мусульмане (боснийцы, бошняки), настаивая на единой и унитарной Боснии и Герцеговине, пытались во время боснийской войны (1992–1995 гг.) и пытаются после нее путем ревизии Дейтонских соглашений осуществить «великомусульманский» вариант устройства своей общины.

Опережавшие во времена «Начертания» других южных славян по степени своего национального самосознания, сербы сегодня по этому показателю заметно отстают от своих соседей. Вновь проявляются старые расколы на сербиянцев и пречан. В Воеводине набирает силу процесс уже не иноэтнического, а сербского сепаратизма. Размытости сербского самосознания способствует то, что после распада и развала Югославии сербы вновь оказались разделенным народом. В современной Сербии снова проживает только часть сербского народа. Многие сербы по-прежнему живут к западу от реки Дрина, где, правда, удалось создать Республику Сербскую как международно признанное конституционное образование Боснии и Герцеговины. Однако фактически прекратила существование сербская община в Хорватии, ведущая свое начало еще от австрийской Военной Границы. Опять потеряно Косово, оставшееся и без большей части своего сербского населения. А в Черногории, вновь разделенной с Сербией, набирает силу инициированный местными властями процесс образования новой черногорской нации и черногорского языка.

Вновь сербам предстоит долгий путь между многими опасностями. Новые начертания их политики просматриваются с трудом, их еще только предстоит сформулировать.

«НАЧЕРТАНИЕ» ИЛИ ГАРАШАНИНА

[Программа внешней и национальной
политики Сербии в конце 1844 г.]¹

Сербия должна и в этом отношении встать в один ряд с остальными европейскими государствами, составив план своего будущего, или, так сказать, определив для себя домашнюю политику, в соответствии с главными принципами которой следует в Сербии на протяжении длительного времени постоянно себя вести и всеми своими делами неизменно управлять.

Движение и волнение меж славянами уже началось и, действительно, никогда уже не прекратится. Сербия должна это движение, а также роль свою и задачи, которые ей в этом движении предстоит выполнить, очень хорошо для себя уяснить.

Если Сербия хорошо поразмыслит, что она собой представляет, в каком положении находится и какие народы ее окружают, то она убедится, что еще очень мала, и что негоже ей оставаться в таком состоянии. Задача ее в том состоит, чтобы в союзе с остальными окружающими ее народами будущее свое обеспечить.

Из этого понимания проистекают контуры и основы сербской политики [в том смысле, что Сербии не нужно замыкаться в ее сегодняшних границах, а следует стремиться притянуть к себе все народы сербские, которые ее окружают].

Если Сербия этой политики не будет твердо придерживаться [или, хуже того, откажется от нее] и не составит для решения этой задачи хорошо продуманный план, тогда иностранные бури, как утлый челн, будут туда-сюда ее кидать, пока не бросят на какую-нибудь огромную скалу, о которую она разобьется вдребезги.

¹ Текст документа приводится по: Гарашаниново «Начертаније» [Програм спољашње и националне политике Србије на концу 1844 године] // *Љушић Р.* Књига о Начертанију. Национални и државни програм кнежевине Србије (1844). Београд, 1993. С. 151–165. Квадратными скобками еще Д. Странякович обозначил те места, которых не было в «Плане» Ф. Заха.

Подготовить план политики Сербии, соответствующей ее природным потребностям, – это то, что мы здесь желаем и пытаемся.

ПОЛИТИКА СЕРБИИ

Турецкое царство [должно] распасться, и этот распад может произойти только двумя путями.

1. Или царство будет разделено; или
2. Будет оно заново обустроено его христианскими жителями.

[Наблюдения по поводу раздела царства]

Об этом варианте не станем обширно распространяться. Следует только предположить, что в этих событиях главную роль сыграли бы Россия и Австрия как державы соседние и пограничные.

Эти две державы легко могли бы договориться, какие земли и пределы кому достанутся. Австрия может претендовать только на западные, а Россия – на восточные земли. [И поэтому может выйти так, что] прямая линия, проведенная от Видина до Салоник, решила бы вопрос к удовольствию обеих сторон.

Таким образом, в случае раздела все сербы оказались бы в австрийской части.

Для Австрии и России уже давно не секрет, что у турецкого царства как такового нет будущего. Оба государства это обстоятельство используют, чтобы как можно скорее свои границы расширить. И то, и другое всячески стремятся предупредить и помешать тому, чтобы на месте турецкого родилось другое христианское царство. Ведь тогда Россия утратила бы прекрасную надежду и приятную перспективу овладеть Царьградом, что для нее – самое заветное желание со времен Петра Великого. А перед Австрией возникла бы угроза потерять своих южных славян.

Австрии, следовательно, суждено при любых обстоятельствах быть врагом сербского государства. Следовательно, понимание и согласие с Австрией политически невозможно для Сербии. Ведь тогда бы она сама бы себе удавку на шею накинула.

Только Австрия и Россия могут подтолкнуть турецкое царство к гибели и разделу. Они прилагают к этому усилия. Россия уже много лет эту ситуацию подготавливает. Теперь уже и Австрия ничего другого не может, как этому способствовать и при этом свой интерес блюсти, как она делала и во время раздела Польши. Естественно, все остальные державы под предводитель-

ством Франции и Англии этому расширению и увеличению России и Австрии противятся. Они могли бы полагать, что лучшим средством предупредить раздел турецкого царства стало бы превращение его в новое независимое [христианское государство]. Ведь тогда бы пустота после исчезновения Турции заполнилась, и удалось бы сохранить равновесие в Европе. Кроме этой, другой помощи ожидать не приходится.

Сербское государство, начало которого было счастливым, но которому нужно и расширяться, и усиливаться, имеет крепкое основание в царстве сербском XIII–XIV столетий, а также в богатой и славной сербской истории. [Из истории этой известно, что] сербские цари начали перехватывать пальму первенства у греческого царства и скоро положили бы ему конец, возместив исчезновение восточноримского царства воздвижением сербско-славянского царства. Царь Душан Сильный принял уже герб царства греческого. Приход турок не дал этим переменам завершиться и отложил исход дела на долгое время. Однако сегодня, когда сила турецкая, так сказать, сломлена и уничтожена, выполнение этого замысла следует продолжить. Собственные права надо снова потребовать, а незаконченное завершить.

Это основание царства сербского надлежит теперь от развалин и наносов все больше очищать, освобождать и на общее обозрение выставлять. И, таким образом, на столь прочном и неподвластном времени историческом фундаменте новое строительство опять предпринять и продолжить. Через это все наше предприятие в глазах всех народов и их кабинетов обретет невыразимую важность и высокую ценность. Ибо тогда мы, сербы, предстанем перед всем светом подлинными наследниками великих отцов наших, которые не делают ничего другого, кроме как обновляют собственное родовое гнездо. Без союза с прошлым немислимо наше настоящее. И то и другое, взятые вместе, представляют собой взаимозависимое, сложное и гармоничное целое. Поэтому сербство, его народная сущность и государственность находятся под защитой святого права исторического. Наши устремления нельзя упрекнуть в том, что они представляют собой что-то новое, лишенное оснований, что они – революция и мятеж. Каждый вынужден будет признать, что они политически целесообразны, берут начало в стародавних временах, в прежнюю государственную и народную жизнь сербов уходят корнями, которые новые ростки дают и заново цвести начинают.

Если на возрождение сербского царства смотреть с этой точки зрения, то и остальные южные славяне эту идею легко поймут и с радостью воспримут, ибо, наверное, ни в одной другой европейской стране у народа нет такой памяти об историческом прошлом, какая есть у славян турецких, которые по сей день живо и подлинно верно поминают почти всех своих славных мужей и события истории. И поэтому можно с основанием рассчитывать, что дело это в народе будет с охотой воспринято. И не потребуются десятилетние усилия, дабы народ смог уразуметь пользу от этого самостоятельного правления.

Сербы среди южных славян в Турции первыми собственными средствами и силами за свою свободу боролись. Следовательно, они имеют первое и полное право это дело и дальше направлять. Уже сейчас во многих местах и в некоторых кабинетах предвидят и чувствуют: сербов ожидает великое будущее. Поэтому на Сербию и обращены взгляды всей Европы. Если бы мы не думали дальше, а ограничились бы лишь сегодняшним княжеством, и если бы оно не было зародышем будущего сербского царства, тогда бы мир занимался Сербией не дольше, чем Молдавией и Валахией, у которых нет самостоятельного жизненного начала и которые себя считают не более чем придатком России.

Новое сербское государство на Юге дало бы Европе все гарантии, что оно станет надежным и крепким государством, способным удержаться между Австрией и Россией. Географическое положение страны, площадь ее территории, богатство даров природы и воинственный дух жителей, а также высокое и горячее народное чувство, общность происхождения и языка – все это предвещает ее устойчивость и великое будущее.

О СРЕДСТВАХ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ СЕРБСКОЙ

Когда определенно известно, что хочется, и когда это желание неизменно и твердо, у [способного правительства] легко и скоро найдутся средства для достижения назначенной цели [ибо народ сербский настолько хорош, что с ним, действуя разумно, всего достичь можно].

1. Предварительные средства

Чтобы определить, чего можно достичь и как приступить к делу, правительство должно знать, в каком положении [во всякое время находятся народы разных провинций, Сербию окружаю-

щих]. Это есть главное условие точного определения средств. Для этой цели прежде всего необходимо в эти земли послать верных правительству людей, отличающихся остротой ума и от предубеждений свободных. [Они будут должны] по возвращении составить точный письменный доклад о положении вещей. [Особенно следует осведомиться] о Боснии и Герцеговине, Черногории и Северной Албании. [Одновременно необходимо досконально знать положение] в Славонии, Хорватии и Далмации [и, разумеется, сюда же относятся народы Срема, Баната и Бачки].

Этим агентам нужно дать наставление, как им эти страны обойти и объездить. [Помимо прочего надо им] указать, с какими лицами познакомиться и какие места обследовать в первую очередь. Наряду с материальными инструкциями надлежит дать им общую главную инструкцию, в которой будут оговорены следующие пункты, которые эти дознаватели должны выполнить.

1. Изучать политическое положение в стране, особенно партии, в ней имеющиеся; делать заметки, по которым легче было бы народ узнать, а также открыть сердечные чувства его и тайные желания. Но прежде всего установить, каковы давно известные и высказанные народные потребности.

2. Особое внимание обратить на военное состояние народа и страны: на воинский дух, вооруженность народа, затем на численность и расположение регулярной армии; где находятся военные склады и арсеналы; где в стране производятся военные изделия – оружие и амуниция, или откуда завозятся и в страну прибывают и т. д.

3. Составить описание или характеристику и список важнейших и влиятельнейших мужей, не исключая и противников [Сербии].

4. Что в какой провинции о Сербии думают, что народ от Сербии ожидает, чего люди от нее хотят и чего опасаются.

Разумеется, в этом наставлении следует оговорить, что каждый посланец может и смеет сказать о насущной сербской политике; какие надежды вправе пробудить, и на что тамошние друзья Сербии могли бы обратить его внимание.

Прежде всего, обозначим наше отношение к Болгарии

Болгария из славянских стран ближе всех к славному граду царства турецкого. Большая часть ее территории легко доступна. Здесь расположены важнейшие военные позиции турок и больше половины их войска. Ни в какой другой европейской земле не ощущает себя турок так надежно и до сих пор по-хозяйски, как здесь. Кроме

того, болгары почти все оружия лишены, приучены только слушать и работать, покорность и труд вошли у них в привычку. Но эти наблюдения не должны помешать нам увидеть подлинную ценность болгар, или, хуже того, заставить нас презирать их. Действительно, по несчастью, болгары хоть и крупнейшая ветвь народа славянского в Турции, а почти не верят в собственные силы. И только руководствуясь внешними, от иностранных государств [России] поступающими подстрекательствами, осмеливаются предпринять попытки освободиться. Россию они всегда считали державой, которая больше всех может и хочет сделать для их избавления и освобождения. [Помимо того, что Россия для себя старается, и болгар запрягла бы в ярмо много тяжелее турецкого], она, впрочем, как оказалось, не решается непосредственно со своим войском прийти болгарам на помощь, ибо Европа уже распознала подлинную подоплеку этих якобы благородных намерений русских в отношении Турции. И действительно, началась бы европейская война, если бы Россия еще раз захотела перейти через Дунай. По этой причине Россия попытается чужими руками действовать и того добиваться, на что сама по себе не способна. Так и князь Михаил был в этом деле их безвольным орудием. И она, конечно, постарается вернуться к тому плану, который посредством князя Михаила начала осуществлять.

Но в силу того, что правительство князя Александра не ищет доверия России, так как не желает быть ее слепым орудием, та, по видимому, стремится нынешнее правительство свергнуть, дабы на его место возвести правительство, соответствующее ее планам.

Все попытки обмануть Россию и убедить ее, будто нынешнее правительство станет следовать ее планам, потерпели бы неудачу. [Если Россия увидит], что в Сербии самостоятельный народный дух пробуждается, она не поверит каким-либо предложениям, которые бы ей сделали, потому что [Россия столь хитра, что не даст заманить себя в западню и отвлечь от выполнения собственных намерений]. Более того, можно предположить, что Россия, если бы узнала о стремлении Сербии заключить тесный союз и соглашение с прочими турецкими славянами, то ничего другого бы не сделала, а выдала людей, которые бы это дело в Турции, Австрии и иных владениях направляли, дабы убедить Европу, что это не Россия подобные мятежные намерения подогревает, а ей противящаяся Сербия. Наряду с этим Россия охотно бы приняла известия об этих переговорах, дабы быть в курсе их течения и постепенно обратить их в свою пользу.

И чем самостоятельней Сербия станет управляться, тем меньшим будет пользоваться доверием у России. И если ей не удастся [положение в Сербии переменить и такую своевольную политику Сербии уничтожить], она обязательно постарается всех турецких славян от Сербии отвратить, всех их разделить и перессорить. А сама с каждой в отдельности ветвью в переговоры и отношения вступит. Следовательно, если Сербия, оказывая свое воздействие, не будет деятельней и ревностней России, та ее победит и опередит.

В этом деле стоит остерегаться обмана. Россия никогда не допустит своего унижения перед Сербией, а если увидит, что та не хочет ей преданно и безусловно служить, тогда она от всех условий гордо и с презрением откажется. Да она и действительно мудрые советы своих собственных дипломатов, как, например, Ливена, жестко отвергала именно по той причине, что они предлагали пойти на временное отступление. Можно ли представить, что Россия перед иностранцами окажется податливей, чем перед своим собственным и верным слугой? Ну и, наконец, если в Сербии не было никого из тех, кто хотел бы России безоговорочно подчиниться, и пришлось бы России с теми сотрудничать, кто готов ей служить только на своих условиях, она бы без колебаний и с такими вступила в союз и стала бы сотрудничать, [потому что она никогда не решилась бы Сербию совсем оставить]. Но до тех пор, пока она находит в Сербии людей, беспрекословно ей повинующихся, она всегда будет их предпочитать подлинным патриотам.

Россия не позволит, чтобы такое малое государство, как Сербия, ставило ей условия. Она сама требует, чтобы ее советы беспрекословно, как заповеди, выполнялись. И те, кто хочет ей служить, должны полностью ей покориться. Правда, время от времени кажется, что всех она принимает себе в услужение, но не для всех находит употребление, так как отнюдь не всем доверяет. И такая тактика исключает любую возможность ее обмануть.

Если Сербия желает из сегодняшнего подчиненного положения выбраться и стать полноценным государством, то ей на этом пути к независимости надлежит пытаться, уменьшая мало-помалу турецкую политическую мощь, себе ее присвоить. Ведь это точка, в которой сербская и русская политика сталкиваются, потому что и Россия для ослабления политической силы царства турецкого старается. Однако из этого обоюдного стремления никак не следует, что цель и намерения Сербии и России совпадают и что их политика должна пребывать в гармонии и согласии.

[Короче говоря], Сербии следует пытаться от здания турецкого государства только камень за камнем откалывать, дабы преуспеть в том, чтобы из этого добротного материала на старом и прочном фундаменте древнего царства сербского заново великое сербское государство построить. – Сейчас еще, пока Сербия пребывает под турецкой властью, есть возможность это строительство подготовить и проработать, потому что такие дела в последний момент не предпринимаются и не совершаются.

Немало сказано здесь о природе русской и сербской политики, и это потому, что Болгария – та страна, в которой русское и сербское влияние в наибольшей степени пересекаются.

[Много мы говорили и доказывали, почему сербская политика не может быть в согласии с русской. Однако одновременно мы должны признать, что Сербия ни с кем другим легче не достигла бы своей цели, как в согласии с Россией. Но это только в том случае, если бы та совершенно и полностью приняла условия Сербии, которые бы выполнение вышеописанных намерений, то есть ее будущее, обеспечили в широком смысле слова. Союз Сербии и России действительно был бы наиболее естественным, но его создание зависит от самой России. И Сербия должна принять его с распростертыми объятиями, но только убедившись, что Россия искренно и от всего сердца предлагает себя. А это только тогда возможно станет, когда она от прежней своей системы отступит, то есть сделает выбор в пользу естественного для нее союза с Сербией, хоть и со столь малой, а не с Австрией, для которой она западных славян и поберегла. Хотя я не надеюсь, что Россия когда-либо искренне захочет встать на сторону Сербии, следует отметить здесь, какую бы пользу это нам принесло. И если бы так все-таки произошло, следовало бы немедленно это использовать. Ибо хоть так много и сказано против России, это не столько от ненависти, сколько по необходимости, которую сама Россия своими поступками вызвала. –]

[Еще несколько слов о Болгарии и продолжим]. Коль мы расположение духа народного в Болгарии хорошо познали и если всегда мало уважали то патриотическое поведение, которого она придерживается, тогда следует признать, что далеко еще здесь до усиления борьбы за освобождение отечества от турецкого ярма. Опять же Россия главные свои устремления сюда направляет, ибо эта страна как раз пред воротами Царьграда находится и на ее пути к нему лежит. Но и для Сербии Болгария имеет точно такое же

значение, как и для России. Если Россия хотя бы еще несколько лет будет в Болгарии действовать так же, как и раньше, и если Сербия в ответ ничего не предпримет, то Россия настолько преуспеет в Болгарии, что никакого сербского влияния в ней уже не потребуется. Пусть для Сербии это станет тревожным сигналом, и пусть она никогда не забывает, что только тот может рассчитывать на политическую дружбу, кто всегда свидетельства любви своей другу предъявлял и доказывал. Сербии следует что-нибудь для Болгарии сделать, потому что любовь и помощь должны быть взаимными.

После того как мы положение сегодняшнее в Болгарии описали и большое ее значение для Сербии кратко обозначили, и после того как преобладающее там русское влияние отметили, переходим к перечислению предварительных средств, с помощью которых возможно сербское влияние в Болгарии укрепить.

1. В Болгарии нет воспитательных и учебных заведений. Потому Сербии надо бы свои школы для болгар открыть, и в особенности несколько благодетней для болгар молодых, в Сербии обучающихся, предусмотреть.

2. Болгарское священство преимущественно греческое, а не народное болгарское. Поэтому желательно и полезно, чтобы некоторое количество молодых болгар семинарию в Сербии окончили и вернулись священниками в свое отечество, к своему роду.

3. Следовало бы печатать в Сербии болгарские молитвенные и другие церковные книги, а также иные болгарские произведения. Это важное средство Россия давно уже использует, и Сербия должна ее в этом превзойти.

4. Потребность есть в том, чтобы надежные и способные люди по Болгарии путешествовали, дабы внимание болгарского народа на Сербию обратить и дружеские чувства к Сербии и сербскому правительству пробудить, и вместе с тем надежду оживить, что Сербия вправду болгарам на помощь и избавление придет и для счастья их постарается.

*О политике Сербии в отношении Боснии,
Герцеговины, Черногории и Северной Албании*

Взглянув поближе на площадь и географическое положение этих стран, на воинский дух их жителей, на их мнение и образ мыслей, нетрудно прийти к заключению, что это та самая часть турецкого царства, на которую Сербия может иметь наибольшее

влияние. Кажется нам, что на сегодняшний день (1844) постоянное установление и оказание этого влияния суть главная задача сербской политики в Турции.

1. Когда два соседствующих меж собой народа более близкий союз заключить желают, то прежде всего граница как можно шире должна быть отворена, дабы беспрепятственное сообщение по возможности облегчалось и оживлялось. Однако Сербия от этих своих соплеменников в Турции будто какой-то китайской стеной отгородилась и сообщение разрешила всего в нескольких местах. В больших городах есть дома, в которых дверей для входа и выхода больше, чем у всего княжества сербского. Поэтому, не сокращая стражу на сербских границах, следует увеличить число мест для встреч, а также въезда и выезда в направлении Боснии. [А почему бы и не Болгарии?] Имеющий место режим границы в свое время был бесполезен, однако его поддержание сегодня привело бы к изоляции и закрытости Сербии, что ее будущности и прогрессу противоречит.

2. Нужно к тому стремиться, чтобы два народа – восточно-православный и римско-католический – меж собой о своей народной политике имели понимание и согласие. Ибо только так эта политика принесет успех. Сербии следует основные принципы этой политики обеим ветвям народа тамошнего разъяснять, ибо ей в этом деле принадлежит решающее слово, причитающееся в силу дипломатического признания и многолетнего опыта. Один из основополагающих принципов – свобода вероисповедания. Этот принцип должен всем христианам прийтись по душе, а кто знает, может, со временем и магометанам. Но в качестве самого главного и основополагающего закона государственного следует предъявить и утвердить наследственный характер княжеского достоинства. Без настоящего принципа, обеспечивающего единоначалие в управлении государством, немислим устойчивый союз Сербии и прочих соседних сербов. Если бы боснийцы его не приняли, то это неминуемо повлекло бы раскол сербов на провинциальные малые княжества со своими правящими родами, которые бы иностранному влиянию (были) подчинены. Ведь они бы меж собой соперничали и друг другу завидовали. Эти роды никогда бы не пожертвовали собственной выгодой ради интересов другого, даже если бы от этой жертвы зависело процветание всего народа. [Из этих основных положений следует, что если бы до общего воссоединения сербства началось бы в самой Боснии вышеописанное преобразование, необходимо, чтобы оно

послужило лишь подготовительным этапом к общему воссоединению всех сербов и всех провинций воедино. Ибо это единственный способ, позволяющий рассчитывать на достижение великой цели и интересов, разделяемых всеми сербами. Я здесь Сербию выставляю на первый план только потому, что лишь она может и должна это дело подготавливать и непрестанно вынашивать до того времени, когда состоится выполнение этого плана. А для того чтобы это время наступило, Сербия будет стараться.] – Каждый, кто этому народу добра желает, не должен боснийцам установление наследственного княжеского достоинства рекомендовать. [Пусть лучше для этого] избирались бы авторитетнейшие люди из всего народа. Но не пожизненно, а на известное время, дабы из них образовался некий совет. При такой власти, пусть даже провинциальной и ограниченной, сохранился бы открытый путь для прогресса. Легко бы тогда Сербия в свое время могла бы с Боснией близкий союз заключить, ибо остался бы этот союз возможным и вероятным.

Третий основной принцип описываемой политики – единство народности, коей дипломатическим представителем надлежит быть правительству княжества Сербии. Для этого нужно добиться, чтобы к нему боснийцы и прочие славяне обращались и всегда защиту и помощь получали. И каждый случай такой станет полезность этого принципа демонстрировать. Сербия в этом отношении должна удостовериться, что она является естественной покровительницей всех турецких славян, которые, только если она на себя эту обязанность взвалит, уступят ей право от их имени выступать и действовать. А если бы Сербия своим соседям тот пример подавала, что она только о себе думает, а о тяготах и процветании прочих не заботится, а равнодушно созерцает, тогда бы они наверняка ее примеру последовали. К ней бы не прислушивались, и вместо согласия и единства наступили бы недоверие, зависть и бедствия.

3. Одновременно есть потребность и в том, чтобы не только все основные законы, конституция и все учреждения главные княжества Сербии в Боснии [и Герцеговине] среди народа распространялись, но и чтобы тем временем несколько молодых боснийцев на сербскую службу поступили, дабы практические навыки в области политического и финансового управления, правосудия и общественного образования получили и такими подготовленными чиновниками стали, которые все, чему в Сербии научились, могли бы в своем отечестве в дело употребить. [Особенно отметим, что за этими молодыми людьми, по сравнению с остальными, следует особенно приглядывать

и воспитывать их, дабы они в своей работе абсолютно прониклись спасительной идеей общего воссоединения и великого развития. Такое чувство долга никогда не излишне прививать.]

4. [Дабы народ католического вероисповедания от Австрии и ее влияния отвращать и к Сербии все больше привлекать, этому нужно особое внимание уделять. Этого легче всего было бы добиться с помощью католических монахов здешних, которых следует увлечь идеей объединения Боснии с Сербией. Для этой цели нужно было бы приказать, чтобы, какая бы] книга молитвенная и песнопения духовные в белградской типографии печатались, после того напечатаны были и молитвенники для православных христиан, а также сборник народных песен, которые бы на одной странице кириллицей, а на другой латиницей напечатаны были. Кроме того, в качестве третьего этапа можно было бы опубликовать краткую, доступную и народную историю Боснии, в которой бы не умалчивались имена и некоторых в магометанскую веру перешедших боснийцев. Само собой разумеется, такую историю надо писать в духе славянской народности и исключительно в духе народного единства сербов и боснийцев. Публикация этих и подобных патриотических произведений, [а также прочие необходимые действия, которые следует разумно определить и проконтролировать], помогли бы освободить Боснию от влияния австрийского и обратить эту страну все больше к Сербии. Одновременно таким же способом Далмация и Хорватия получили бы в свои руки произведения, коих публикация в Австрии невозможна. И это бы сблизило эти страны с Сербией и Боснией. [Это дело заслуживает особого внимания. И историю, о которой шла речь, надо поручить написать человеку очень способному и глубоко проницательному].

5. Вся внешняя торговля Сербии находится в руках Австрии. [Это то зло, которому более точное определение дадут люди, сведущие в финансах, а я только того коснусь, сколько из этого должно в настоящий план войти, дабы его значение увеличить]. Через Земун вступить с иностранными государствами в прямые торговые сношения всегда будет мучительно просто. Поэтому Сербии предстоит задуматься о новом торговом пути, который бы ее на море вывел и там для нее порт создал. Сегодня такой путь возможен только через Скадар в Улцинь. Здесь бы сербский торговец со своими товарами, для него естественными, обрел бы в лице далматинских моряков и торговцев собственных соплеменников, а при этом людей искусных и способных, которые бы ему при покупке

иностранных товаров всегда помогали, хорошо и честно служили. Следовательно, нужно было бы основать сербское торговое агентство, и под его защиту поставить продажу сербских продуктов, а также приобретение французских и английских.

Первым шагом в этом направлении стало бы назначение торгового агента в Улцине, который бы оттуда сербскому торговцу, как пальцем, показывал, куда ему идти. [Этот агент, вступив в сношение с нашими торговцами в стране, должен был бы основательно изучить, какая может там быть выгода для нашей торговли. И когда правительство удостоверится в этой выгоде, то может о ней объявить в газетах, то есть направить наших торговцев на это прибыльное место]. Если хотя бы некоторым купцам там удалось бы выгоды добиться, другие бы незамедлительно их примеру последовали. [Мало-помалу открылся бы этот торговый путь и без того, чтобы правительство о нем беспрестанно заботилось. Ибо торговцы сами себе бы путь отворили, а правительственный агент следил бы только, чтобы они не терпели там никаких угнетений]. Если бы это распоряжение осуществилось, цена товаров сербских, продаваемых на юге, на севере бы поднялась, цена товаров, ввозимых в Сербию с севера, упала бы в результате конкуренции с товарами, ввозимыми с юга. Одним словом, серб бы продавал дороже, а покупал дешевле.

В политическом отношении имело бы это средство не меньшее значение, ибо новый агент сербский находился бы среди населения сербского, и это обстоятельство способствовало бы усилению влияния Сербии в северной Албании и Черногории. А именно эти народы держат ключи от врат Боснии и Герцеговины и от самого моря Адриатического. Мы убеждены, что учреждение этого агентства сербского и попытка серьезно там обосноваться были бы восприняты этими народами как важнейший политический ход, предпринятый Сербией. И заключение близкого союза Сербии с этими жителями стало бы весьма легким.

Франция и Англия этому бы не только не противились, но и способствовали, а Турция также не возражала бы, поскольку в результате один из ее портов снова стал бы процветать.

6. Заручиться влиянием на боснийцев восточного вероисповедания для Сербии не составит труда. Больше осторожности и внимания потребуется, чтобы привлечь на свою сторону боснийцев-католиков. Во главе их стоят монахи-францисканцы. Наряду с упомянутым выше печатаньем книг было бы бесполезно одного

из них пригласить в качестве профессора латыни и еще какой-нибудь другой науки. Этот профессор мог бы выступить посредником между сербами и католиками в Боснии. Так мы бы сделали первый шаг к установлению доверия и предоставили бы подтверждение собственной толерантности. И почему бы этому монаху не открыть здесь католическую капеллу для проживающих здесь католиков? [Это позволило бы опередить Австрию, которая рано или поздно соберется сделать это с целью усиления собственного влияния. Эту капеллу можно было бы передать под покровительство находящегося здесь консула французского].

Это дало бы возможность и повод французскому правительству в этом деле принять живое участие, а также избавило бы Сербию от опасности появления в Белграде католического храма, подконтрольного Австрии.

7. Карагеоргий был военным предводителем, природой одаренным и весьма опытным. Однако он не мог предвидеть, какое значение Черногория имеет для Сербии и будет иметь всегда, когда речь пойдет об отсоединении Боснии и Герцеговины от Турции и присоединении их к Сербии. Поход этого воеводы на Сеницу и Нови-Пазар еще все сербы хорошо помнят, и нет нужды в том, чтобы мы следующее предложение новыми доводами подкрепляли. Пускай Сербия в Черногории примеру России последует и предоставит владыке надлежащее ежегодное вспомоществование в деньгах. Так Сербия за малую цену заручится дружбой со страной, которая не менее 10 000 воинов-горцев выставить может.

Здесь надо еще и то отметить, что, затягивая с помощью до последнего, мы не добьемся желаемого успеха. Имея в виду то, что Россия станет с основанием ссылаться на свою многолетнюю и непрестанную поддержку, а сербское новое предложение, как вынужденное, можно будет очернить и подозрительным представить. И черногорцы сказали бы тогда: «Сербьы не помогли нам, когда мы нуждались. Это доказывает, что не друзья они нам, а только сейчас употребить хотят».

Срем, Бачка и Банат

На первый взгляд следовало бы думать, что Сербию с этими пределами связывают самые дружественные союзнические отношения. Ведь их происхождение, язык, вера, право и обычаи – те же, что и сербские в Сербии. Если это не так, вина за это, хотя бы отчасти, лежит на Сербии, потому что она недостаточно сделала, чтобы

заручиться дружбой этих сербов. Но следует надеяться, что, вопреки враждебному воздействию Австрии, отношения, сложившиеся неправильно, будут налаживаться по мере того, как княжество Сербия все больше и больше станет представлять как устроенное, справедливое, прочное и образованное государство. – На настоящий момент, по крайней мере, следовало бы хотя бы познакомиться с авторитетными людьми этих провинций, а также учредить там влиятельную сербскую газету, которая бы при конституции венгерской могла быть полезной для сербских интересов и которую надлежало бы редактировать человеку очень искреннему, как, например, г-ну Хаджичу или ему подобному.

О союзе с чешскими славянами

[Об этих славянах мы в настоящий момент не станем много говорить. Не столько потому, что не следует их включать в этот план, сколько ввиду того, что многим это показалось бы непрактичным. Поэтому мы лишь кратко на этом остановимся, отметив, что выгода от союза с ними станет очевидной по мере выполнения самого плана. Сегодня мы лишь рекомендуем начать знакомить Сербию со славянами Чехии, Моравии и Словакии, действуя осторожно и с мудростью, дабы это не бросилось в глаза Австрии].

Перевод с сербского А.А. Силкина

Именной указатель

- Абдул-Меджид I, султан 39, 46, 48, 54, 104
Аверкие Петрович, монах 117
Агатангел 190
Агичич Д. 18, 65, 83, 149, 151, 169, 209–210
Александр Карагеоргиевич, король 12
Александр Карагеоргиевич, князь 15, 22–24, 40, 47–49, 52–54, 56–58, 61, 65, 69, 98–99, 103–104, 106, 108, 117, 121, 123–125, 135, 138, 142, 146, 148, 152, 168, 172, 180, 184–185, 202–203, 207, 211–217, 221, 226, 228, 231
Анастасиевич М. 126
Андраши Д. 167
Антим 190
Антич Ч. 23
Аншаков Ю.П. 27
Арсениевич-Баталака Л. 155, 174
Атанацкович Д. 40, 45–46

Бакунин М.А. 162
Бан Дж. 123
Бан М. 110, 114–115, 120–124, 126–127, 135, 146–153, 160, 183, 185–188, 192–197, 201–202, 206, 210, 226
Банович А. 121
Баришич Р. 109–110
Батакович Д.Т. 24, 37, 65, 80–81, 83, 88
Башкалфич Т. 102
Белов М.Ю. 26, 95
Бесим-паша 215
Бетондич 151
Биб Дода 115, 192, 194, 200
Боа-ле-Конт 37
Богданович К. 102
Богданович Р. 111
Богданович С. 111
Богичевич Р. 191
Богоров И. 118
Бодянский О.М. 36
Божинович Дж. 102, 146
Боришев У. 146
Бошкович Г. 193, 201
Бошковици 66
Бояджия К. 189, 198
Бояджия Станко 197–198
Бояджия Стеван 190, 198
Бруннов Ф.И. 165
Будзинский 154, 156
Будимлич 102
Бутенёв А.П. 46, 48
Быстжоновский Л. 158–160, 164–165, 167

Васоевич А. 114, 201
Васоевич Н. 114
Ващенко Г.В. 16, 33, 39–41, 43, 45–46, 51–52, 54–55, 58, 62, 229
Веллингтон А. 165
Веркович С. 112, 192–194, 200
Виноградов В.Н. 16, 26–27, 230
Виндишгрец А. 159, 162
Войводич М. 13
Вроновский 154, 156
Вуйкалович Е. 126
Вукичевич М. 9, 76–77
Вучитрнац Й. 191
Вучич-Перишич Т. 21–22, 38–41, 43–46, 48–57, 59–66, 68, 99–100, 102–105, 108, 127, 131, 134–135, 137–139, 141, 163, 172, 175–177, 179, 182, 198, 203–205, 210–212, 214, 226–228
Вучкович В. 10–12, 39, 52, 97

- Габлер В. 175
 Гаврилович Е. 58
 Гай Л. 83, 104, 114, 120, 124–125, 135, 148, 152–153, 158, 191, 208
 Гарашанин И. 7–8, 11–15, 18–22, 24, 27, 41, 50, 52, 57, 59–62, 64–74, 76–81, 83–98, 102, 104, 109–112, 115–116, 118–122, 124–126, 128, 130–131, 134, 138, 140, 142, 144–145, 148–149, 153–154, 156–162, 164–165, 167–172, 174, 177–188, 192–196, 198–217, 220–223, 225–232
 Гарашанин Л. 68
 Гарашанин М. 71
 Гарашанин С. 70–71
 Гарашанин (Данич) С. 67
 Гарашанины 66
 Гауер С. 44–454, 50
 Гедеон Юришич, иеромонах 153
 Гепп 181
 Гизо Ф. 51
 Голуб Д. 122, 126
 Гротенгельм М.М. 166
 Груич Е. 72, 123, 130
 Гуськова Е.Ю. 15
 Гучетич 151
 Давидович М. 121
 Дамянович Р. 110, 126
 Данилевский Г.И. 45, 58–62, 64, 100–101, 105–106, 108–109, 129–130, 132–133, 136, 140–142, 156, 158, 162, 163, 168, 176, 229
 Данило Петрович-Негош, князь 206–208
 Делякур Э. 181
 Джакович И. 114
 Джорджевич Васо 191
 Джорджевич Вучко 197
 Дмитриевич З. 189
 Достян И.С. 15, 24–25, 73, 84, 172, 222, 230
 Драгойлович Ж. 103
 Дроздовский С. 116
 Дуркович-Якшич Л. 12–13
 Душинский Ф. 182
 Евтимович Й. 127
 Екатерина II 16
 Елачич Й. 136, 148–149, 151–154, 156, 158–159, 162, 167, 208
 Ерменин Г. 189
 Еремич Е. 191
 Еремич Л. 191
 Живкович Дж. 13
 Замойский В. 56, 155
 Зария, священник 191
 Зах Ф. 75–81, 83–84, 89, 91, 93–97, 106, 112–114, 119–121, 124–126, 139, 146–147, 154–155, 175, 183, 196, 214, 216–217, 226, 230
 Зверковский (Ленуар) Л. 43, 50–52, 139–140, 154–155, 158, 179–182
 Здравкович-Ресавац М. 53, 104
 Зубан Л. 107, 138
 Зундхауссен Х. 24, 81, 84
 Иванова Е. 28
 Иванович Л. 186
 Игнятович М. 189
 Илларион Макариопольский, архимандрит 116
 Илинский 154, 208
 Илия, священник 191
 Иосиф Иоакимович, архимандрит 189
 Иосиф Раячич, патриарх 137–138, 147, 156, 158–160, 163–165
 Йован Йованович, епископ 74
 Йованович В. 173
 Йованович И. 103
 Йованович М. 27–28
 Йованович Найден 190
 Йованович Небойша 22–23, 211
 Йованович П. 36
 Йованович Сл. 7, 71–72
 Йованович Х. 116–117, 122, 189–190, 197
 Йованович Х.Н. 190

- Йованович, священник 191
 Йованович-Мумджия К. 190
 Йованович-Цукич Ст. 99–101
 Йокич М. 126, 135, 202–203
 Йосич Б. 110, 197
Калинич 193
 Карагеоргиевичи 22–23, 69, 83, 86, 107, 150, 184, 225–226
 Карагеоргий Петрович 19, 22–23, 106, 248
 Караджич В. 122, 134, 208
 Карасев А.В. 27
 Карасев В.Г. 15–16
 Карастоянович Н. 118
 Каройлович 222
 Керимова М.М. 26
 Киянич 191
 Киш 162
 Клаич Л. 191
 Кнежевич Т. 124, 126, 211
 Кнежевич У. 58
 Ковачевич К. 191
 Ковачевич Т. 110–11, 121, 158, 185–189, 191–194, 196–197, 210, 226
 Кодрика Д.М. 40, 46
 Койикович А. 189
 Коллар Я. 127
 Корсак Ю. 154
 Кошут Л. 159, 166, 184, 215
 Красничи Г. 115, 153, 192–194
 Крестич В. 13, 20–21, 82–83, 174
 Крстич С. 193
 Кудрявцева Е.П. 25–27, 86
 Кузьмичева Л.В. 28
 Кулишич К. 150, 193
 Кьямил-паша 39–41, 44, 46, 48
Лавалетт Ш. 213
 Лавровский П.А. 37
 Ламартин А. 155
 Ласский 208
 Латас Омер-паша 199
 Лемперани М. 131, 133, 159, 167, 184
 Ленин В.И. 87
 Лефранс А. 157–158
 Лешанин С. 198
 Лещиловская И.И. 157
 Лёвшин Д.С. 173–177, 179–184, 204–205, 212, 229
 Ливен В.К. 46–49, 51–56, 58–59, 64, 105, 206, 213–214, 229, 241
 Лидерс А.Н. 166
 Люшич Р. 11, 13, 17–18, 23, 77, 82, 84, 90, 93–94, 98, 157
Мадзини Дж. 215
 Мажуранич А. 126
 Мажуранич И. 126
 Мажуранич М. 126
 Майендорф П.К. 210–211
 Майерхофер Ф. 101, 133, 142, 146, 153, 164, 167, 170
 Маккензи Д. 14
 Максим Райкович, архимандрит 117, 122
 Маринович Й. 130, 145, 155, 158, 186–187, 205, 207, 210, 214, 216–217
 Маринович П. 191
 Марков К. 197
 Маркович П. 27
 Маркс К. 92
 Марьянович С. 110, 122
 Медем П.И. 165–166, 168
 Мелетий, константинопольский патриарх 118
 Меншиков А.С. 215–216
 Меттерних К. 45–47, 55, 62, 94, 101
 Мехмет-паша 136, 138, 156
 Милакович Д. 114
 Милан Обренович, князь 38
 Милетич С. 123
 Милинкович Й. 191
 Милич 191
 Милич Й. 193
 Милош Обренович, князь 19, 24, 31–32, 37–38, 47, 49, 60, 62, 66–68, 73, 80, 90, 92–93, 99–103, 106, 111–112, 119, 134–138, 151–152, 177, 208, 225, 228
 Милошевич (Милашевич) М.Р. 231

- Милошевич С. 17
 Милькович-Катич Б. 21
 Митрович Х.Т. 191
 Миушкович Т. 198
 Михаил Обренович,
 князь 24, 38–42,
 44–49, 54, 60–61, 66,
 70–71, 73, 78, 97, 100,
 102, 105–106, 113,
 119, 122–123, 125,
 134–136, 153, 177,
 182, 204, 208, 222,
 225, 232, 240
 Михаило, военный 191
 Михайлович Б. 102–103
 Михайло (Мияйло?),
 священник 190
 Мухин Н.Я. 219, 221,
 229
Наполеон I Бонапарт,
 император 124
 Наполеон III (Луи-На-
 полеон) Бонапарт,
 президент, импера-
 тор 213
 Наумов Е.П. 15
 Ненадович А. 58, 211,
 215
 Ненадович Е. 58
 Ненадович Л. 173
 Ненадович М. 74, 100
 Ненадовичи 103
 Нессельроде К.В. 48,
 54, 61–62, 64, 105–
 106, 132, 168, 214, 218
 Никитин С.А. 14
 Недич М. 110
 Неофит Бозвели, ар-
 химандрит 116–117
 Николаевич Дж. 193, 197
 Николаевич К. 107–
 108, 122–123, 131,
 142, 144–145, 153,
 156–157, 182, 216,
 220
 Николаевич С. 191
 Николай I Павлович,
 император 39, 42–43,
 46, 50, 54–56, 59,
 132–133, 141, 151,
 166, 168, 217–218,
 221, 230
 Николич А. 127
 Николич Е. 136
 Николич Й. 136
 Новак 102
 Нугент А. 124, 154
Обилич М. 123, 151
 Обренович Е. 38, 44
 Обреновичи 22, 44,
 49, 51, 53, 57, 60, 53,
 66, 69, 86, 99–103,
 113, 119, 134–137,
 142, 153, 177, 198,
 204–205, 225
 Огнянович К. 116
 Опик Ж. 145, 160
Павле, священник 102
 Павлович Р. 103
 Павлович Х. 118
 Пальмерстон Г. 169
 Памучина Й. 194
 Панов В.А. 37
 Паскевич И.Ф. 166–167
 Пашалич Ф. 110, 122
 Пашич Н. 12, 19, 210,
 233
 Пеич Л. 103
 Перишич М. 27
 Перович Р. 10, 82, 91
 Персида Карагеоргие-
 вич, княгиня 103
 Петр Йованович, ми-
 трополит 36, 118
 Петр II Петрович-Не-
 гош, митрополит
 112–113, 150–151,
 186, 192–194, 196
 Петрович-Блазнавац
 М. 122, 131, 134, 151
 Петрович-Кничач-
 нин С. 58, 103–104,
 107–108, 121, 138,
 103–105, 140–141,
 151, 162, 168, 175
 Петрониевич А. 21,
 38–41, 43–46, 48–57,
 59–66, 76, 93, 98–101,
 104–105, 108, 125,
 131, 133, 135, 138–
 139, 142, 158–159,
 164, 174–175, 179,
 184, 201, 203, 210–
 211, 229
 Петрунина О.Е. 86
 Перцель М. 166–167
 Попов Н.А. 9, 16, 72
 Попов С.И. 173, 181,
 198, 199, 219
 Попович Д. 189
 Попович М. 121
 Попович Н.Б. 87
 Попович Р.Й. 21, 52,
 55, 64, 93, 98, 104
 Попстефанович Дж.
 117
 Преис П.И. 36

- Проклеш М. 200
 Протич Дж. 61, 135
 Протич-Соколянин П. 121, 173
 Прпа Б. 27

Радичевич С. 35, 100
 Радов П. 190
 Радосавлевич Т. 182–183, 215
 Радулович Т. 191
 Раевич Ц. 60
 Раевский М.Ф. 213
 Райкович С. 191
 Ракоци 167
 Ранос-Райинов К. 122
 Распопович Р. 27
 Рашкович Г. 103
 Решид-паша 154
 Ристич Й. 12, 19, 216
 Ристович М. 27
 Рифат-паша 51
 Романенко С.А. 25, 85–86
 Рыхлик Я. 84

Сава, агент 191
 Савич М. 66–67
 Сарим-эфенди 47–49
 Сегир 215
 Селакович П. 191
 Сенявин Л.Г. 168, 213
 Сеффельс-де-Сольденгоф 154
 Симич А. 40, 50, 57, 112, 213, 215–217, 219
 Симич С. 41, 51, 57, 135, 163, 168, 175
 Симич Т. 190, 197
 Симичи 65, 181–182

 Срезневский И.И. 32–33
 Стаматович П. 139
 Станиславчик С. 113
 Станишич П. 41, 104, 106, 221, 228
 Стеванович М. 22
 Стерия-Попович Й.
 Стефан Стратимирович, митрополит 74
 Стефанович Л. 194
 Стефанович-Тенка С. 43, 51, 53, 60–61, 104, 163, 168, 228
 Стойчевич 194
 Стоякович Дж. 134
 Стоянович Д. 27
 Стоянович И. 122, 124
 Стоянович Й. 101
 Стоянович М. 101–102
 Стоянович Р. 13
 Стоянчевич И. 200
 Стоянчевич В. 13
 Странякович Д. 9–10, 12, 19–21, 70, 77, 80, 82, 92, 202
 Стратимирович Дж. 137, 140, 151, 156
 Стрэтфорд-Каннинг Ч. 180, 220
 Ступаревич Ж. 103

Татич У. 140
 Теодорович Л. 116
 Теодорович М. 122, 127
 Терлецкий 154–155
 Тито (Броз-Тито) Й. 12
 Тимофеев А.Ю. 12
 Титов В.П. 105, 107, 117, 141
 Тодорович Е. 189

 Топалович М. 126
 Треандафилов Т. 197
 Трифкович А. 58
 Туманский Ф.А. 201, 211, 218, 229

Унгерхофер М. 45, 102, 106
 Уркварт Д. 92–94

Фабр 159, 164
 Федоров А.Т. 34
 Ферид-эфенди 132
 Фикельмон К.Л. 132
 Фонбланк Т.Г. 40, 180–181, 183–184, 220
 Фонтон Ф.П. 218
 Франц Иосиф I, император 168
 Фрейдзон В.И. 14, 90
 Фрейнд 208

Хавличек И. 124
 Хаджич Й. 46, 249
 Хариш-Атанасиевич Т. 102
 Хафиз-паша 49, 51, 54
 Херкалович С. 113, 121, 124, 126, 146, 152, 160, 178, 185
 Храбовский Я. 102
 Христич Ф. 215

Цар С. 114, 120
 Цинчич (?) М. 190
 Црнобарац Д. 50

Чавдар С. 197
 Чавка К. 197
 Чавлович П. 121, 124, 126, 146, 185

- Чайковский М. 42–43, 50–51, 75–76, 116, 124, 154–155, 183, 208
Чарторыйский А. 42–43, 50, 56, 62, 65, 74–75, 85, 89, 92–95, 107, 112–113, 116, 119, 132, 154–159, 179, 208, 213, 216
Чернявский 158
Черняев М.Г. 232
Чизмич 150
Чирич С. 173
Чиркович С. 171
Чубрилович В. 11, 89–90
- Чулибрк Й. 191
- Шафарик П.** 190
Шафарик Я. 121, 124, 126
Шварценберг Ф. 162, 165, 181–182, 223
Шекиб-эфенди 39–40
Шеремет В.И. 133
Шимунич П. 18
Штроссмайер Й.-Ю. 70
Штюмер 145–146, 164
Шулек Б. 124
Шупликац С. 137
Шушкалович А. 198
- Экмечич М.** 13, 21, 36–37, 92–95, 119, 128, 139–140, 160, 163, 170, 172, 195, 204, 209
Энгельс Ф. 92
Этем-паша 221
- Югович С.** 74
Югович Т. 191
Юкич И.-Ф. 110
Юкич Ф. 199
- Якубовский** 208
Янкович А. 138, 211, 215
Янкович-Бача П. 41, 43, 104, 106, 228

Научное издание

Константин Владимирович Никифоров

*«Начертание»
Илии Гарашанина
и внешняя политика Сербии
в 1842–1853 гг.*

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
16,0 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

НИКИФОРОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился 17 апреля 1956 г. в Пекине. В 1982 г. окончил исторический факультет МГУ и в 1985 г. аспирантуру Института славяноведения. В 1987 г. защитил в этом институте кандидатскую, а в 2000 г. – докторскую диссертацию. С конца 2004 г. – директор Института славяноведения РАН. С 2006 г. преподает также на историческом факультете Московского государственного университета, на кафедре истории южных и западных славян.

Историк, специалист по новой и новейшей истории Сербии и Балкан. Исследует проблемы истории Сербии и других земель бывшей Югославии, международные отношения на Балканах в XIX – начале XXI вв. К.В. Никифоров – один из авторов очерков новейшей политической истории России и коллективной монографии «Югославия в XX веке». Автор около 180 научных статей и нескольких монографий, в том числе «Между Кремлем и Республикой Сербской» и «Сербия на Балканах. XX век».

